

КРИС МУНИ
В ПАМЯТЬ О САРЕ

*И опущенный он греки ваши...
И вы за них заплачете*

СЕМЕЙНОЕ
ДОСУГ

Жизнь Майка превратилась в кошмар — его дочурка Сара пошла кататься на санках и бесследно исчезла. Единственный подозреваемый — бывший священник Джоуна, который ранее обвинялся в растлении девочек, — молчит. Улик против него нет. И вот в годовщину исчезновения Сары Майк находит деревянный крест, а на нем — курточку дочери. А совсем скоро при странных обстоятельствах погибает Джоуна. Кто же стоит за всем этим? Почему похитили Сару? Неужели разгадка кроется в прошлом семьи Майка? Только один человек может ответить на этот вопрос... И это его отец...

Крис Муни

В память о Саре

Благодарю Дэйва Кроули за разъяснения юридических тонкостей. Я признателен Ричарду Розенталю, начальнику полиции Уэллфлита, и Джону «Зеке» Иезекилю. Во всех неточностях виноват я один. Огромное спасибо Грегу Джексону за рассказы о случаях из его практики.

Моя благодарность Джен, Рэнди, Элвису и Пам Бернштейн, которые работали с первыми набросками романа. Мне были очень нужны их искренние отзывы и мнение. Благодаря Саре Бранхем я не пал духом окончательно.

Хочу выразить глубочайшую благодарность Мелу Бергеру и восхитительной Эмили Бестлер за то, что они — в который уже раз! — сочли мою рукопись заслуживающей внимания и подталкивали меня до тех пор, пока я ее не закончил. Благословенны будут такие редакторы! Желаю иметь их каждому писателю.

То, что предлагается вашему вниманию, — художественное произведение. Это означает, что я все выдумал от начала и до конца.

Посвящается Джен.

Любил и всегда буду любить тебя

Церкви занимали главное место в его воспоминаниях. За день до того, как мать бросила его, Майк Салливан сидел рядом с ней в переднем ряду церкви Святого Стефана. Они приходили сюда по крайней мере пару раз в неделю, когда искали местечко, где бы укрыться, а после молитвы, если у нее оставались деньги, они шли в «Стрэнд». Так назывался кинотеатр в деловой части Белхэма, где за три бакса можно было посмотреть сразу два фильма о Джеймсе Бонде. Но чаще всего они отправлялись в публичную библиотеку, где мать набирала еженедельную порцию женских романов с названиями типа «Проделки Частити Веллингтон» или «Тайна мисс Софии».

В тот вечер именно снег заставил их укрыться в церкви. Они возвращались домой из библиотеки, когда легкая метель вдруг сменилась настоящей вьюгой. Ветер завывал и кидался на машину с такой силой, что Майк даже немного испугался, уж не перевернется ли она. На дорогах повсюду образовались пробки, вот они и зашли в церковь Святого Стефана, чтобы переждать бурю. Белхэм до сих пор не пришел в себя после бурана, засыпавшего город снегом в прошлом месяце, знаменитого урагана 1978 года, и вот теперь, когда минуло всего несколько недель, прогноз погоды по радио обещал еще одну снежную бурю для северо-восточной части штата Массачусетс. Тогда Майку исполнилось восемь.

Церковь была битком набита людьми, ожидавшими, пока расчистят дороги. Мать взяла в руки один из трех туристических журналов, которые прихватила с собой из библиотеки, и погрузилась в чтение. Ее лицо оставалось серьезным, но при этом спокойным и расслабленным, каким бывало всегда во время молитвы. Она была невысокой женщиной,

настолько миниатюрной, что Майк частенько брал ее руки в свои, боясь, что если не удержит мать, то ее унесет первым же сильным порывом ветра. Переворачивая страницы журнала, она второй, свободной рукой теребила красивый голубой шелковый шарфик, который носила на шее, шарфик, на котором были вытканы старинные колонны, статуи и ангелы. На ее толстой зимней куртке он смотрелся совершенно неуместно.

— Неприлично разглядывать людей в упор, — негромко сказала она. Даже с головой уйдя в какое-либо занятие, она неизменно подмечала все, что происходило вокруг, и никогда не повышала голоса.

— Мне нечего почитать, — прошептал он. — Как такое может быть, что в библиотеке нет комиксов?

— Тебе следовало выбрать себе книгу по обработке древесины. — Она развернулась на скамье лицом к нему, держа раскрытый журнал на коленях. — Помнишь скворечник, что ты подарил мне на Рождество? Я видела, как ты работал над ним в мастерской отца, с каким старанием красил.

— Да, у меня неплохо получилось.

— Нет, у тебя получилось великолепно, — сказала она и улыбнулась. Ее улыбка заставляла мужчин останавливаться и смотреть ей вслед. Эта улыбка подбадривала его и говорила, что все будет в порядке.

— Откуда у тебя эта штука?

— Какая штука?

— Шарф.

— Вот этот? Он у меня уже давно.

Заметить мамину ложь было так же легко, как и ее синяки. Она никогда не носила шарф при Лу, надевая его только после того, как выходила из дома, а перед тем как вернуться, снимала и прятала в карман. Майк знал, что шарф вместе с альбомом для фотографий она хранит в подвале в коробке с надписью «Для шитья». Однажды ранним утром в субботу, после того как Лу ушел на работу, Майк застукал ее в подвале, когда она вынимала шарф из коробки — из того же потайного места, где хранила и свой альбом.

Она прочла в его глазах вопрос и ответила:

— Этот шарф подарил мне отец, на наше последнее Рождество в Париже. Я просто не хочу, чтобы с ним что-нибудь случилось.

— В Париже, значит. О-ля-ля!

Улыбнувшись, она положила журнал ему на колени и показала на цветную фотографию, где был снят зал старинной церкви. Стены из потрескавшегося белого мрамора казались высотой в милю, а на куполе была нарисована потрясающая картина, на которой Иисус Христос раскрывал миру свое сердце.

— Это церковь Сакре-Кер, — с гордостью пояснила мать. — C'est l'endroit le plus beau du monde [\[1\]](#).

Когда мать разговаривала на своем родном французском, он слушал, как слова скатываются с ее языка, и она казалась ему экзотической молодой женщиной, которую он случайно увидел на одной из черно-белых фотографий, вклеенных в ее альбом. Иногда, оставаясь дома один, он спускался в подвал и внимательно рассматривал фотографии своих дедушки и бабушки, друзей матери, ее дома — всего того, что она оставила в Париже, когда переехала сюда. Ему казалось, что те люди одевались, как особы королевской крови. По ночам Майк лежал в постели и мечтал о войске парижан, которые когда-нибудь непременно

явятся к нему домой и спасут его самого и его мать.

— Снимки довольно посредственные, — сказала она и придвинулась ближе. — Еще когда я перешагнула порог этого храма в первый раз, то сразу поняла, что Бог действительно существует и что он способен чувствовать и наполнить тебя любовью. Но для этого ты должен верить, Майкл. Это самое главное. Даже если жизнь несправедлива к тебе, ты должен помнить, что надо держать сердце открытым для любви Господа.

— На фотографии видны горгульи.

— Это Нотр-Дам. Замечательно, не правда ли?

— Горгульи на церкви... Должно быть, это самая крутая церковь на свете.

— Майкл, тебе никогда не хотелось узнать, что происходит за пределами Белхэма?

— Да нет, — отозвался он, не сводя глаз с фотографии, на которой была запечатлена еще одна горгулья — с оскаленными клыками, готовая обрушиться с небес и в клочья разорвать грешников, посмевших переступить порог храма.

— Ты не любопытен?

— Нет.

— Почему?

Майк пожал плечами, переворачивая страницу.

— Здесь есть все, что я знаю. Холм, «Пэтриотс» и все мои друзья.

— Ты мог бы обзавестись новыми.

— Но не такими, как Дикий Билл.

— Что ж, Уильям и впрямь оригинал, надо отдать ему должное.

— Папа говорит, что вся проблема Парижа в том, что там полно французов.

— Твой отец не слишком храбрый человек.

Майк резко вскинул голову, отрываясь от журнала.

— Но он воевал во Вьетнаме, — сказал он, не очень понимая, почему защищает отца. Майк не знал, что значит «воевать во Вьетнаме» — или, точнее, представлял себе это весьма туманно. Он знал, что война — это пушки, ножи и бомбы, много крови и еще больше мертвых. Майк даже видел по телевизору несколько старых черно-белых фильмов о войне.

— Если ты держишь в руке пистолет или причиняешь кому-то боль, это еще не делает тебя храбрым, Майкл. Настоящая — подлинная — храбрость бывает только духовной. Например, когда ты веришь, что твоя жизнь сложится хорошо, хотя это и кажется невозможным. Иметь веру — вот настоящая храбрость, Майкл. Всегда имей веру, как бы плохо ни шли дела. И не позволяй своему отцу или кому-нибудь другому разубедить тебя в этом, хорошо?

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Мать полезла в карман и достала черную бархатную коробочку, которую положила поверх журнала.

— Что это? — поинтересовался он.

— Подарок. Открывай.

Он так и сделал. Внутри оказалась золотая цепочка с золотым кружком размером с монету в двадцать пять центов. На ней был выгравирован какой-то лысый старик, баюкающий на руках младенца. Старик, догадался Майк, был святым. Нимб вокруг головы всегда был верным признаком.

— Это святой Антоний, — пояснила мать. — Он считается святым покровителем пропавших без вести.

Вынув цепочку из коробочки, она надела ее ему на шею и застегнула. Майк спрятал холодный медальон под свитер и легонько поежился, когда он коснулся теплой кожи.

— Пока ты будешь носить его, — сказала мать, — святой Антоний будет хранить тебя. По моей просьбе отец Джек даже благословил его для тебя.

— Хорошо. Спасибо.

На следующий день она исчезла. Когда он вернулся домой, ее машина, старый «Плимут Вэлиант» с проржавевшими крыльями, залепленными армированной клейкой лентой, стояла на подъездной дорожке. Майк решил, что она сидит в кухне за столом у окна, читая один из своих женских романов. Но в доме было тихо, слишком тихо, и в сердце у него образовался предательский холодок паники, причину которой он не понимал. Он поднялся наверх, в ее спальню, включил свет и увидел аккуратно застеленную кровать. Не помня себя, он помчался обратно в кухню, открыл дверь, ведущую в подвал, и буквально слетел вниз по лестнице. Майк вспомнил, как недавно мать сидела здесь на одном из пластиковых садовых стульев и рассматривала свой альбом с фотографиями. Спрыгнув с нижней ступеньки, он сразу заметил коробку с надписью «Для шитья», стоявшую на полу. Сорвав крышку, он увидел, что альбом и голубой шелковый шарфик, которые она прятала там, исчезли. И вот тогда он понял, что мать собрала вещи и уехала, бросив его одного.

СОЛНЦЕ ДУШИ МОЕЙ (1999 ГОД)

Пожалуй, именно прогноз погоды, обещавший очередную снежную бурю на северо-востоке, пробудил у него в душе воспоминания о матери. Сегодня утром, в пятницу, когда они с Биллом были в Уэллесли, достраивая второй этаж и обновляя кухню для недавно разведенной мамочки, у которой оказалось слишком много денег и слишком много свободного времени, пошел легкий снег. Билл переключил приемник на WBZ, радиостанцию в формате радиогазеты, и прогноз погоды пообещал завтра к вечеру сильную снежную бурю. По данным метеорологов, она должна прекратиться только в субботу ночью, но к этому времени в Восточном Массачусетсе выпадет от двенадцати до шестнадцати дюймов снега. Выслушав новости, Билл метнул на Майка многозначительный взгляд, и к двум часам оба решили закончить пораньше, чтобы покатаь дочек на санках.

Впрочем, здесь была одна проблема — Джесс. После инцидента в прошлом месяце она наложила табу на катание на санках. Да, то, что случилось, было несчастным случаем — Майк не видел вторых санок до тех пор, пока они не врезались в них. И да, Сара полетела кубарем и расшибла лоб, ударившись о покрытый льдом склон, — не настолько серьезно, чтобы мчаться в травмпункт, но они все-таки отвезли Сару туда, и по дороге Джесс заявила, что отныне катание на санках на Холме запрещается раз и навсегда. Точка, решение окончательное и обсуждению не подлежит.

Если Джесс желает отгородиться от окружающего мира стеной — отлично, это ее дело, но это совсем не значит, что они с Сарой тоже должны жить так. Словом, когда Майк загнал машину на подъездную дорожку, в голове у него уже созрел некий план.

Джесс стояла в кухне, прижимая плечом к уху трубку радиотелефона. Обе руки у нее были заняты — она укладывала скоросшиватели, лежавшие стопкой на кухонном столике, в картонную коробку. Оделась она сугубо по-деловому: в черные брюки и жакет в тон, а расстегнутый воротник белой блузки открывал новое жемчужное ожерелье, которое Майк подарил ей на день рождения. Джесс отвечала за организацию ежегодной весенней ярмарки народных промыслов, проводимой для сбора средств на программу школьного продленного дня при церкви Святого Стефана. Ее соратница и сопредседатель оргкомитета в самый последний момент отказалась от участия, у нее в семье кто-то заболел, и, поскольку до ярмарки оставалось всего семь недель, вся тяжесть ее подготовки легла на плечи Джесс.

Джесс подняла глаза и с недоумением взглянула на него — он пришел необычно рано.

— Закончили пораньше, — прошептал Майк.

Он поцеловал жену в лоб, подошел к холодильнику и достал оттуда бутылку «Хайнекена».

— Я тебе перезвоню, — сказала Джесс в трубку и дала отбой. Она выглядела усталой.

Майк поинтересовался:

— Ты еще не отменила встречу с отцом Джеком?

— Нет. Там сильный снег?

— Дороги в порядке. Их уже начали расчищать.

Джесс со вздохом кивнула.

— Ширли опаздывает, у нее что-то с машиной, и раз уж ты дома, то, может, присмотришь за Сарой, когда она вернется?

— Поезжай. В котором часу ты будешь дома?

— Не раньше семи, похоже.

— Хочешь, чтобы я купил что-нибудь на ужин?

— Я разморозила бифштексы и положила их в холодильник. Остальное приготовлю, когда вернусь.

Джесс схватила пальто и блокнот и поспешила к задней двери, выходящей прямо в гараж.

Десятью минутами позже Майк сидел в мягком кресле в гостиной, читая сегодняшний номер «Глоуб» и допивая вторую бутылку пива, когда заметил, что на подъездную дорожку въезжает красная «Хонда Сивик» Ширли Чамберс. Саре сравнялось шесть лет от роду, и, глядя сверху, как она бежит по дорожке ко входной двери с рюкзаком а-ля кукла Барби, подпрыгивающим на спине, и одной рукой машет на прощание миссис Чамберс, а второй поправляет сползающие на нос очки, он в который раз спросил себя, когда уже у дочери включатся гормоны роста и она догонит своих сверстниц по первому классу.

Входная дверь распахнулась, и Майк услышал, как сверху по лестнице несется Фанг, щенок бульмастифа, которого они подарили ей на Рождество. Майк выскочил в коридор, но Фанг уже слетел с нижней ступеньки и прыгнул Саре на грудь, обрушив на нее свои сорок с чем-то фунтов живого веса, так что девочка шлепнулась на попу. Очки соскочили у нее с носа и отлетели в сторону. Сара пронзительно завизжала.

— Все в порядке, Сара, я держу его.

Майк подхватил Фанга на руки. Щенок завилял хвостом и фыркнул, лизнув его в подбородок. Сара крутила головой из стороны в сторону — мир вокруг нее потерял очертания, превратившись в размытое пятно.

— Мои очки, папочка.

— Вспомни, чему я тебя учил.

— Мне нужны мои очки, — повторила Сара, и губки у нее задрожали. — Я ничего не вижу без них.

Он не спешил к ней на помощь. Этим занималась исключительно Джесс. Едва очки соскальзывали у Сары с носа (а это случалось довольно часто, иногда по пять-шесть раз на дню) или стоило девочке споткнуться и набить шишку, как Джесс была уже тут как тут, подхватывая ее на руки. Майк знал по собственному опыту, что жизнь любит наносить удары исподтишка, не спеша извиниться или прийти на помощь. Иногда она бьет вас снова. И намного сильнее.

— Папочка, помоги...

— Хочешь пойти кататься на санках с Полой?

Губы у малышки перестали дрожать. Сара, по-прежнему сидя на полу, выпрямилась и замерла.

— Тогда сделаем так, — сказал Майк. — Если мы собираемся идти кататься на санках, тебе понадобятся очки. Они ведь только что сидели у тебя на носу, верно?

— Верно.

— А это значит, что они должны быть где-то рядом.

— Но что, если...

— У тебя все получится. А теперь успокойся и делай так, как я тебе показывал. Ты ведь уже большая девочка, правильно?

Прищурившись, Сара принялась похлопывать по доскам пола ладошками и меньше чем через минуту нашла свои очки у двери в туалет. Она тут же нацепила их на нос и просияла.

— Умница моя, — сказал Майк.

Он опустил Фанга на пол, предложив дочке посмотреть телевизор, пока он по-быстрому примет душ, и отправился наверх, прихватив с собой в ванную радиотелефон.

— Я только что из дома, — сообщил Билл. — Заехать за вами?

— Заходи и располагайся. Я собираюсь принять душ.

— Увидимся через пять минут.

План не предусматривал неожиданного возвращения Джесс. Майк все еще был в душе, когда она вошла в дом через заднюю дверь, чтобы забрать коробку с документами, которую оставила на кухонном столе. Когда он выключил воду, то услышал доносящиеся снизу крики.

— Но папа обещал мне, что мы пойдем кататься на санках, — всхлипывала Сара.

— Сара, я сказала «нет»!

Проклятье! Майк вышел из-под душа, схватил полотенце и быстро вытерся.

— Но почему?

«Скажи ей правду, Джесс! Скажи Саре, что тебе не нравится, когда она катается на санках, или ныряет с трамплина, или плюхается в бассейн «бомбочкой», поджав моги, или сидит на заднем сиденье гидроцикла или снегохода. Потому что веселье означает риск, а риск равняется опасности, а опасность и так подстерегает человека на каждом углу, чтобы нанести подлый удар в спину, если он не будет осторожен. Именно так и случилось с твоим отцом, верно? Если бы он смотрел на дорогу и снег, вместо того чтобы крутить ручку настройки радиоприемника, то вовремя заметил бы пьяного водителя».

Джесс отрезала:

— Никаких санок! Все, разговор окончен.

— Но папа уже пообещал...

— Еще одно слово, и я накажу тебя, юная леди.

Майк услышал, как Сара, громко топая, вышла из кухни в гостиную. Он надел свежие трусы и как раз натягивал чистые джинсы, когда в коридоре простучали каблучки Джесс.

С грохотом захлопнулась дверь в гараж. Майк застегнул джинсы и сбежал вниз без рубашки и босиком. Он догнал Джесс как раз в тот момент, когда она уже собиралась задним ходом выехать из гаража. Она сердито посмотрела на него, опустив стекло в своем «Эксплорере».

— Мне следовало бы догадаться, что ты попытаешься провернуть что-нибудь в этом роде, — с горечью заявила она.

— То, что произошло в прошлом месяце, было случайностью.

— Майкл, она едва не раскроила себе голову!

— Это была всего лишь шишка, а не сотрясение мозга. Врач сказал нам об этом, помнишь?

— Я не хочу, чтобы она бывала на Холме. Там слишком много народу, а она еще так мала. Я же говорила тебе, что думаю об этом месте. Ты поступаешь нечестно.

— Я поступаю нечестно?

— Хочешь покатать ее на санках — катай вокруг дома, я не возражаю, но на Холм она не пойдет.

Джесс включила передачу, и «эксплорер» задним ходом выкатился из гаража.

Майк смотрел ей вслед, думая о том, что, невзирая на деловой костюм, который она в последнее время носила, как доспехи, жемчуг и модельные туфельки, Джесс все равно оставалась похожей на девушку, в которую он влюбился еще в школе. Она по-прежнему

носила длинные светлые волосы и сногсшибательно выглядела в самых обычных джинсах. И даже, несмотря на их отнюдь не безоблачные отношения, одним прикосновением все еще могла заставить его чувствовать себя самым главным мужчиной в ее жизни. Но внутренняя борьба, отголоски которой он видел в ее глазах, приводила его в отчаяние.

Джесс не всегда была такой. Было время, когда ей нравилось веселиться и дурачиться. Взять хотя бы их первую рождественскую вечеринку в этом доме. Тогда в подвале и вокруг бассейна собрались шестьдесят с чем-то человек. Из колонок гремел Билли Джоэл — старина Билли, а не сегодняшний подкаблучник Билли, безумный гений Билли, исполнявший такие вещи, как «Сценки из итальянского ресторанчика», когда казалось, будто он подслушал мелодию вашего сердца. И там была Джесс, проникшаяся духом той праздничной ночи, подпевавшая еще одной песенке Билли «Только хорошие люди умирают молодыми», стойко державшаяся до ухода последних гостей. Джесс, готовая продолжать веселье и по-прежнему чудесно выглядывшая в два часа ночи, сидевшая на краю бассейна и мурлыкавшая "Она такая милая». Джесс, расстегивавшая рубашку с лукавой улыбкой, при виде которой у него всегда подгибались колени. В ту ночь она поцеловала его крепко и жадно, как будто хотела получить от него что-то — нечто такое, что помогло бы ей дышать. Он вспоминал, как они занимались любовью, как разжимали объятия, усталые, но довольные; как сгорали от желания заняться этим вновь, ведь секс придавал их жизни смысл и вдыхал в них силы.

Но через несколько месяцев у нее случился первый выкидыш, а через полтора года — второй, так что к тому времени, когда у них появилась Сара, между ними пролегла пропасть, и Майк не понимал, как и когда это случилось. И теперь, обнимая Джесс, он не мог отделаться от ощущения, будто в руках у него холодная и безжизненная статуя.

К кухонному столику был прикреплен желтый стикер, рядом с ключами, так что не заметить его было невозможно. «Никаких санок!» — гласила трижды подчеркнутая надпись на нем.

Майк в сердцах сжал записку в кулаке. Бутылка «Хайнекена» по-прежнему стояла на столе, он взял ее и осушил одним глотком. Ему хотелось вдребезги разбить ее о стену, выругаться во весь голос — словом, дать выход гневу, кипевшему в душе. Вот только сделать ничего подобного он не мог, ведь в соседней комнате сидела Сара.

Швырнув пустую бутылку из-под пива и скомканную записку в мусорную корзину, он потер лицо руками, пытаясь успокоиться, и, убедившись, что справился с собой, вошел в гостиную.

Фанг развалился на постели и дремал. Сара сидела в большом кресле, подавшись вперед, и яростно черкала карандашом, который сжимала в кулачке, как кинжал, по книжкe-раскраске, лежавшей на коленях.

Майк присел рядом на корточки, старательно делая вид, будто все случившееся — ерунда, не стоящая внимания, и готовый изобрести неубедительную, но вполне приемлемую отговорку, если дочка спросит, почему мамочка все время пребывает в такой тревоге и беспокойстве.

— Хочешь, пойдем на улицу и слепим снеговика?

Сара не снизила до ответа, зато Фанг услышал слова «на улицу» и резко вскинулся, заколотив коротеньким хвостиком по кровати.

— Пойдем, не упрямся, — сказал Майк. — Можем взять с собой Фанга. Мы будем бросать снежки, а он будет гоняться за ними.

— Это нечестно, — прошептала она.

«Ты права, Сара. Это нечестно, что мы с тобой стали пленниками в собственном доме. Это нечестно, и я не знаю, что делать дальше».

Слезы стали последней каплей — даже не сами слезы, а то, как она плакала: сжав губы, чтобы не выкрикнуть то, что ей так хотелось сказать, сдерживая всхлипы, и слезинки катились по покрасневшим щечкам. Нормальные шестилетние девочки так не плачут.

— Я сказала «нет», Майкл. НЕТ!

Никаких санок.

— Сара?

Она перестала всхлипывать и шмыгнула носом.

— Да, папочка?

— Пойдем наденем твой зимний лыжный костюм.

Жители Белхэма неизменно называли его Холмом, хотя официально он именовался Парком Роби, названным так в честь первого мэра города, Дэна Роби. Когда Майк был маленьким, Холм представлял собой всего лишь пологую, поросшую травой горку, на вершине которой располагалось заведение «У Баззи» — единственное место в городе, где за три бакса можно было получить большую колу и гамбургер на бумажной тарелке вместе с порцией жареной картошки или лучшими в мире луковыми кольцами, на выбор. Забегаловка «У Баззи» осталась на прежнем месте, но теперь рядом появились ликеро-водочный магазин, пункт видеопроката, игровой комплекс «Джунгли» и новомодное поле для игры в бейсбол с трибунами для зрителей.

Но самой главной приманкой и достопримечательностью стала осветительная вышка. Зимой в Новой Англии темнело уже в четыре часа, поэтому отцы города разорились на телефонную башню с прожектором, освещавшим каждый дюйм Холма. Теперь кататься на санках можно было в любое время дня и ночи.

Майк нашел свободное место на нижней парковке, примыкавшей к полю для игры в бейсбол. Сгущались сумерки, и снег валил намного сильнее, чем час назад, тем не менее было еще достаточно светло, чтобы покататься без помех и получить удовольствие. Он вылез первым, обошел грузовичок и помог Саре выбраться наружу, после чего достал из кузова санки и протянул дочке руку.

— Я уже большая, — решительно заявила она.

Народу собралось видимо-невидимо. Правая сторона Холма, более пологая и ровная, предназначалась для детей в возрасте Сары и младше; левую оккупировали ребята постарше и сноубордисты. Глядя на них, Майк вспомнил времена, когда и сам приходил сюда. Если матери удавалось замаскировать тональным кремом синяки и ссадины на лице, она присоединялась к группе прочих мамаш и вступала с ними в разговоры, покуривая «Кулз», и они вместе наблюдали за тем, что вытворяют их дети. А те, например, вставляли на дешевые пластмассовые санки и устраивали настоящие гонки с горы. Билл мог запросто врезаться в него и нарочно толкнуть, так что Майк кубарем летел по заснеженному склону, хохоча во все горло. Тогда смеялись все, включая даже матерей. В те времена считалось нормальным, что дети катаются и падают. Они набивали шишки, расшибали лбы, но упрямо поднимались на самый верх, чтобы снова съехать вниз, набить синяк или вылететь из санок.

— Папочка!

Майк опустил взгляд на дочь и увидел, что та остановилась и показывает на вершину Холма.

— Это Пола, папочка! Там Пола! Она сейчас поедет вниз!

По склону на синих круглых надувных санках мчалась Пола, старшая дочь Билла. Майк уже собрался окликнуть ее, чтобы предупредить насчет бугорка, но опоздал — Пола взлетела в воздух. Бугорок был не больше фута, но Пола прозевала его и оказалась не готова к приземлению. Санки ее ударились о землю, подпрыгнули, и девочка, не удержавшись, пропахала носом заснеженный склон.

— Я хочу кататься с Полой, — заявила Сара.

— Пойдем, — согласился Майк и протянул руку.

Но Сара оттолкнула ее.

— Нет, папочка, я поеду с Полой сама.

— Поле восемь лет.

— Ну и что?

— А то, что тебе всего шесть.

— С половиной, папочка. Мне шесть с половиной лет.

— Букашка...

— Я тебе уже говорила, что мне не нравится, когда ты меня так называешь.

«Господи, опять ее обуяла самостоятельность!»

— Ты права, прости меня, — сказал Майк и присел на корточки, чтобы взглянуть ей в глаза. Очки Сары запотели, капюшон розовой куртки плотно облегал голову, и ветер трепал искусственный белый мех. — Я всего лишь хочу сказать, что Пола старше и крупнее тебя. Склон, по которому катаются большие ребята, очень неровный, а некоторые дети еще и устраивают там трамплины. — Он показал на место, где только что грохнулась Пола. — Если ты попадешь на такой вот бугорок, то взлетишь в воздух.

— Как птичка?

Похоже, подобная перспектива привела Сару в полный восторг.

— Когда ты упала с санок в прошлый раз, то ударилась об лед и набила шишку на голове, помнишь?

— Еще бы. Мне было очень больно.

— Поэтому давай скатимся вниз вместе, — сказал Майк и протянул дочери руку.

— Нет, — заявила Сара, оттолкнув его. — Я хочу поехать с Полой.

Глядя на нее, он вспомнил, как прошлым летом учил Сару плавать. Тогда она наотрез отказалась надевать надувные нарукавники и с негодованием отвергла его помощь. Майк предоставил ей поступить по-своему и ничуть не удивился, когда она камнем пошла на дно. Не успел он ее вытащить, как Сара пожелала попробовать еще раз, — и снова сама. Ему настолько нравилась эта черта ее характера, ее упрямство и непоколебимое стремление поступить по-своему, что пришлось изо всех сил постараться, чтобы не улыбнуться.

— Нет! — вновь прозвучал у него в памяти голос Джесс. — Не вздумай позволить ей съехать с Холма самой. А что, если она упадет и расшибется по-настоящему? Что, если она сломает ногу или разобьет голову... Господи Иисусе, Майкл, ты только посмотри, она еще совсем малышка. А что, если...

«А что, если ей будет весело, Джесс? Ты никогда не думала об этом?»

«Твоя мать никогда и ни во что не вмешивалась, — добавил другой голос. — Ты хочешь, чтобы твоя дочь выросла женщиной, которая боится высказать свое мнение? Если ты позволишь Джесс убить в Саре эту черту, она закончит тем, что выйдет за кого-нибудь наподобие твоего старика. Разве такой жизни ты хочешь для нее?»

— Папочка, Пола собирается подниматься вверх. Можно мне пойти с ней, пожаалуйстааа...

— Сара, посмотри на меня.

Она расслышала строгие нотки в его голосе и вскинула на него глаза.

— Ты поднимешься вверх вместе с Полой и съедешь вниз с ней же, поняла?

— Поняла.

— Что я сказал?

— Подняться вверх и съехать вниз вместе с Полой.

— Хорошо. Я останусь здесь и буду ждать тебя рядом с крестным, договорились?

Сара улыбнулась, обнажив кривые верхние зубки и две дырочки на месте нижних, — и эта ее улыбка вдруг резанула его по сердцу, и Майк отчего-то испугался. Она схватила веревку от санок и затопала по снегу, крича Поле, чтобы та подождала ее.

«Ты понимаешь, что наделал?»

Да. Он совершил худший из родительских грехов: встал на сторону ребенка. И знаете что? Оно того стоило. Настоящая жизнь, с ее подлыми ударами исподтишка и кучей дерьма, готового вылиться на вас, никуда не денется. А вот шесть лет — прошу прощения, шесть с половиной! — бывает только раз в жизни, и если ради этого ему какое-то время придется пожить в собачьей конуре, значит, так тому и быть.

Билл О'Мэлли стоял в гордом одиночестве, поодаль от остальных родителей, сбившихся в небольшие группки. Они негромко переговаривались и, как подметил Майк, го и дело бросали на Дикого Билла нервные взгляды. Ох уж этот Билл, говорили люди, многозначительно покачивая головами. Озорство и жизненная энергия так и прут из него. У него явно не все дома.

Все в городе знали историю, приключившуюся с Биллом, когда ему было двенадцать и он решил подвезти приятелей до школы, после чего стал бостонской знаменитостью в разделе, претендующем на остроумие, под названием «Самые идиотские поступки в исполнении детей». Но, пожалуй, именно фокус, который он выкинул в одном из футбольных матчей серии плей-офф, когда учился в выпускном классе, закрепил за ним репутацию больного на голову.

Футбольная команда средней школы Белхэма впервые пробила в финальную часть турнира, и одним холодным и облачным ноябрьским днем весь город собрался на стадионе в Дэнверсе, чтобы посмотреть, как их ребята сыграют против богатеньких снобов из частной средней школы имени Святого Марка. Когда до конца игры оставалось тридцать секунд и сорок ярдов до зачета, судья свистнул неправильно, чем лишил Белхэм первого чемпионского титула. Билл врезался в рефери, опрокинул его на землю, прежде чем тренер успел вмешаться, сорвал с него небольшую накладку из искусственных волос и, держа ее высоко над головой, совершил круг почета по стадиону под восторженные крики болельщиков Белхэма.

— Когда ты вырастешь и женишься, надеюсь, у тебя родятся девочки-близняшки. Я очень хочу, чтобы они были похожи на тебя, — заявила сыну после игры отчаявшаяся Клара О'Мэлли.

Как раз этой весной, если верить УЗИ, у Билла должны были родиться девочки-близнецы — так, во всяком случае, говорила его жена Патти. Пола О'Мэлли была его старшей дочерью и лишь в возрасте восьми лет унаследовала жестокое чувство юмора, которым так славился ее папаша. На прошлой неделе ее в первый раз оставили после уроков для разбирательства, когда выяснилось, что она принесла в школу подушку-пердушку и подложила ее учительнице на стул.

Билл заметил знакомый розовый комбинезон, карабкающийся на гору вместе с его дочерью, и повернулся как раз в тот момент, когда к нему подошел Майк. С нижней губы Билла свисала струйка слюны с жевательным табаком пополам, а на глаза была низко надвинута черная бейсболка «Харлей Дэвидсон». В мочках ушей покачивались маленькие золотые сережки.

Билл подался к нему и прошептал:

— Нет, серьезно, Джесс не ревнует, когда ты надеваешь ее куртку?

Куртка, о которой шла речь, рождественский подарок Сары, была сшита из черной шерсти и кашемира. Впрочем, самым важным было то, что она все еще оставалась чистой и новой, — в отличие от выцветшей голубой куртки самого Билла с эмблемой «Пэтриотс», которая досталась ему еще в начале восьмидесятых. Но Билл наотрез отказывался расставаться со старой и потрепанной одежкой с надорванным карманом до тех пор, пока «Пэтриотс» не выиграют Суперкубок Лиги.

— А что тебе в ней не нравится?

— Ничего, — отозвался Билл. — В этом году такие носят все самые красивые девчонки.

Майк, не сводя глаз с Сары, которая вместе с Полой, пыхтя и отдуваясь, карабкалась вверх по склону, достал из кармана пачку «Мальборо».

— Я так понимаю, ты столкнулся с Джесс.

— Угу. Она сказала мне, что санки под запретом. Рад, что она передумала.

— Или один из нас, — заметил Майк.

Билл сплюнул в пустой стаканчик из-под кофе «Данкин Донатс» и промолчал. И Майку вдруг страшно захотелось выговориться.

«Я так больше не могу, Билл. Я устал жить с закрытой морской раковиной. Я устал жить с женщиной, которая панически боится жизни и которая превратила меня в пленника в моем собственном доме. Я устал сражаться за простые вещи — например, за то, чтобы отвести свою шестилетнюю дочь покататься на санках с горы. Я устал и не хочу жить так дальше!»

Мысль об этом не казалась ему дикой. Вот уже целый год она то и дело приходила ему в голову, а в последнее время задерживалась там все чаще. Сидя за рулем или занимаясь какой-нибудь рутинной работой, например расчищая снег, Майк задумывался о том, чтобы уйти. Какая-то часть его радовалась открывающимся возможностям — новой жизни, что ждала его, новой жизни без барьеров и заборов.

Майк посмотрел направо, на шоссе Ист-Дунстейбл, вдоль обочин которого выстроились в ряд автомобили, и увидел такси, медленно ползущее на запад, к перекрестку с автострадой № 1. Майк представил себе мать, спокойно сидящую на заднем сиденье, упаковавшую в чемодан двенадцать лет своего замужества, и то, как водитель спрашивает у нее: «Куда едем? На север или на юг?» И впервые в жизни мать сама принимает решение, а мужчина выполняет его. Интересно, когда она назвала направление, смолк ли беззвучный вопль, звучавший у нее в голове?

К ним подлетели надувные санки Полы.

— А где малышка? — спросил Билл.

— Там, наверху, Джимми МакДональд сталкивает всех вниз, — ответила Пола.

Джимми МакДональд был, предположительно, младшим сыном Бобби МакДональда. Почему предположительно? Потому что Бобби Мак любил приударить за дамочками, имевшими неосторожность забрести на Холм, и славился обилием незаконных отпрысков.

— Он столкнул вниз сначала меня, а потом Сару, — пояснила Пола.

Замечательно! Майк щелчком отбросил недокуренную сигарету.

— Я поднимусь и заберу ее, — сказал он. — А вы подождите здесь, на случай, если она съедет сама.

— Он всегда к нам пристает, — уходя, услышал Майк голос Полы. — На прошлой неделе мы возвращались домой от Стейси, и Джимми Мак увидел нас и высморкался прямо на Джоанну Финци, а та обозвала его копченой сосиской.

— Отличное прозвище, — заметил Билл.

Холодный воздух был буквально наэлектризован хихиканьем, визгом и смехом. Майк поднимался на гору, обгоняя родителей и детей, медленно взбиравшихся вверх по тропинке. Снег, как он только сейчас обратил внимание, валил уже вовсю. На расстоянии вытянутой руки почти ничего не было видно.

Он вышел из-под света прожектора на вершину горы. Автомобили, припаркованные вдоль Делани-роуд, пытались влиться в извилистый поток, текущий от автостоянки «У Баззи». Лучи десятков фар били ему прямо в лицо. Майк прикрыл глаза ладонью и огляделся по сторонам, высматривая в толпе дочь.

— Сара, это папа. Я стою на вершине горы.

Мимо промчалась стайка детишек, словно преследуя кого-то или, наоборот, убегая от кого-то. Майк оглянулся на детвору, которая ринулась вниз по тропинке и растаяла за пеленой снега. Повернувшись, он окинул взглядом вершину холма и медленно двинулся вперед, высматривая розовый комбинезон.

— Сара, я здесь, наверху. Ты где?

«Она тебя не слышит».

Правильно. Он так плотно застегнул Саре капюшон, что она при всем желании не смогла бы услышать его за воем ветра, криками детей и ревом клаксонов, по которым кулаками молотили водители. Но он упрямо протискивался сквозь толпу, высматривая дочку и выкрикивая ее имя.

— Сара, это я! Сара, помаши мне! Сара, где ты?

Вскоре толпа детишек поредела, и Майк подошел к склону, где на санках и сноубордах катались ребята постарше. В нескольких футах ниже, там, где они выстраивались в очередь, стояли длинные синие санки, ужасно похожие на Сарины. Майк, увязая в глубоком снегу, бросился к ним, опустился на колени и смел снежные хлопья с мягкого сиденья. На нем черными печатными буквами его собственной рукой было выведено: «САРА САЛЛИВАН».

«Может, она пешком спустилась с Холма вслед за Полой?»

— Билл! — заорал Майк. — Билл!

— Что?

— Сара с тобой, внизу?

— Еще нет.

Майк ощутил, как по спине пробежал холодок. Он повернул направо. В двадцати шагах начинался крутой обрыв, правда, огороженный и отмеченный предупреждающими надписями, — и Сара знала, что не должна к нему приближаться.

Он вернулся к санкам и принялся осматривать снег вокруг, надеясь обнаружить ее следы. Сразу же за санками из снега торчал тоненький пластмассовый ободок. Он потянул за него.

Очки Сары.

Ему вдруг стало жарко, хотя сердце стиснула чья-то ледяная рука. Майк с трудом поднялся на ноги, и с губ его сорвался истошный крик:

— САРА, ГДЕ ТЫ?

«Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы она откликнулась!»

На автостоянке разворачивались и выстраивались в ряд машины, ожидая своей очереди, чтобы влиться в поток на шоссе Ист-Дунстейбл, который еле полз вперед.

«Она вполне может оказаться там».

«Нет! — твердо заявил Майк этому паническому голосу, который все громче звучал у

него в ушах. — Нет. Сара не уехала бы ни с кем, кроме меня и Билла».

«А вдруг?»

Поскальзываясь на снегу и едва не падая, Майк бросился к «Хонде Аккорд», припаркованной в нескольких футах от санок Сары. Он барабанил по стеклу, пока какой-то мужчина в бейсболке с эмблемой «Ред Сокс», которого Майк не узнал, не опустил стекло. На пассажирском сиденье сидел его сын, ему на вид было годика четыре или около того.

— Девочка в розовом комбинезоне... — выпалил Майк. — Она стояла вон там, рядом с санками.

— Я ее не видел.

— Точно?

— Да я машины перед собой не вижу.

— Я не могу найти ее. Помогите мне, ладно?

Мужчина кивнул и попытался отъехать в сторону. Майк побежал к Ист-Дунстейбл, лавируя между автомобилями и чувствуя, как в груди разрастается холодный комок.

«Она здесь! Она должна быть где-то здесь!»

— Салли? — окликнул его снизу Билл. — Салли?

Внедорожник «эксплорер» уже собирался вывернуть на Ист-Дунстейбл, когда Майк встал перед ним и поднял руку. Сзади возмущенно взвыли клаксоны, когда водитель опустил стекло. Майк узнал в нем парня с лесопилки у железнодорожного депо. Кажется, его звали Билли или что-то в этом роде.

— В чем дело?

— Я не могу найти свою дочь! — крикнул Майк. — Она одета в розовый комбинезон, ну, куртку и брюки.

— Я не видел ее. Вам нужна помощь?

Майк кивнул и сказал:

— Сделайте мне одолжение. Заблокируйте дорогу своей машиной и расскажите всем, что случилось.

— Хорошо, конечно.

— Проверьте все задние сиденья и не забывайте заглядывать под машины. Ее могли сбить с ног.

Тем временем из автомобилей стали вылезать люди, осыпая Майка руганью и требуя освободить проезд. Он уже собирался остановить следующую машину, когда из снежной пелены вынырнул Билл, за которым шла Пола.

— Рядом с санками я нашел ее очки, — сказал Майк. — Пола, что у вас стряслось там, наверху? Расскажи мне, что случилось.

Пола вздрогнула, расслышав тревожные нотки в его голосе.

— Салли, все будет в порядке, успокойся...

— Сара без очков ничего не видит.

— Знаю.

— Она здорово пугается, когда ничего не видит.

Билл положил свою лапищу на шею Майка и притянул его к себе.

— Я уверен, кто-то заметил, что она расстроена, и у него хватило ума отвести ее в заведение «У Баззи». И сейчас она, скорее всего, сидит там и лопает гамбургер с жареной картошкой. Не волнуйся. Мы найдем ее.

По такой погоде полиции понадобилось больше часа, чтобы пробиться сквозь пробки и прибыть на Холм. Первыми явились патрульные Эдди Зуковски, Тугодум, и еще один парень, которого Майк тоже знал, — Чарли Рипкен. Оба с облегчением отметили, что ему хватило сообразительности заблокировать движение на Холме. Вторая патрульная машина, прибывшая на вызов, перекрыла выезд с нижней автостоянки — там, где припарковался сам Майк.

Тугодум Эд завел Майка в ликеро-водочный магазин «Крестики и нолики», расположенный по соседству. Майк, стоя под потолочным вентилятором, перемешивающим горячий воздух, глядел, как снежинки тают на его джинсах и куртке, собираясь лужицей у промокших ног. Он вытер лицо и волосы полотенцем, которое дал ему владелец магазина.

— Во что была одета Сара? — спросил патрульный Эдди Зуковски и раскрыл свой блокнот на чистой странице. Круглое лицо Тугодума Эда заплывало жиром от долгих вечеров у телевизора и пристрастия к фастфудам, но в остальном он пребывал в хорошей форме, и его высокая фигура по-прежнему оставалась мощной, как фонарный столб, не растеряв и грамма той взрывной мощи, что сделала его звездой американского футбола в Бостонском колледже.

— Она не изменилась с тех пор, как я описал ее диспетчеру, — ответил Майк.

— В соседнем помещении у нас сидят трое малышей в розовых комбинезонах, и один из них — пацан. Можешь себе представить? Так что, Салли, мне нужны от тебя особые приметы. Комбинезон, шапочка, варежки — в таком духе.

В голосе Тугодума Эда Майк расслышал то же самое равнодушие, которым веяло от двух патрульных, которые пришли к Лу, чтобы расспросить о том, куда могла уехать его жена. Кроме того, Майк явственно уловил и отголоски той тупости, что перечеркнула жизнь отца Тугодума Эда, Большого Эда Зуковски. Сей достойный муж решил пригласить супругу в двухнедельный круиз на Арубку на десятую годовщину их бракосочетания и не придумал ничего лучшего, кроме как ограбить банк, расположенный на другой стороне улицы от автомастерской, в которой он работал после окончания школы.

Снаружи завывал ветер, ломаясь в дверь, и стеклянная витрина магазина жалобно звенела. И где-то там, в этой круговерти, осталась Сара. Ничего не видя вокруг, она отошла в сторону от санок, забрела — в чем он теперь не сомневался — на крутой откос, скатилась вниз и бродила по лесу, который тянулся до самого дома Майка, пруда Саймон-Брук и шоссе № 4. Сара заблудилась в снежных вихрях и звала его, не в силах перекрыть ветер. Сара, напуганная потерей очков и ослепшая.

— Я уже рассказал обо всем диспетчеру, — сказал Майк. — Если тебе нужна информация, свяжись с ним. — Он швырнул полотенце на груду ящиков с «Будвайзером» и успел сделать целых два шага, прежде чем Тугодум Эд крепко взял его за плечо.

— Салли, ты промок до нитки.

— Со мной все в порядке.

— Ага, и поэтому губы у тебя посинели, а зубы выбивают дробь. Не пудри мне мозги, Салли. Я слишком давно тебя знаю.

— Мне нужно вернуться туда. Она бродит по лесу одна, без очков...

— Каких очков?

Майк достал из кармана куртки очки и швырнул их на полотенце.

— Сара очень пугается, когда теряет их, — пояснил он. — Я должен вернуться туда до того, как она споткнется и кубарем полетит вниз, до самого шоссе.

— Там уже работают волонтеры. А теперь расскажи мне, где ты нашел эти очки.

— Я иду туда.

— Погоди. — Тугодум Эд крепче стиснул ему руку и подался вперед. — Мы обследуем каждый дюйм, но, учитывая, что там ни черта не видно, ты должен понять, что мне нужна вся информация, которой ты располагаешь.

— Я уже рассказал все, что знал.

— Ты ничего не сообщил диспетчеру об очках.

— Зато ты теперь знаешь о них.

— Где ты нашел очки?

— Рядом с санками. — Майк попытался уйти, но Тугодум Эд опять ему этого не позволил. Он лишь крепче стиснул руку Майка, напоминая ему о том, кто здесь главный.

Майку хотелось закричать во весь голос. Ему хотелось выплеснуть гнетущее отчаяние, поселившееся в душе, на Тугодума Эда и сбить его с ног.

«Эд, проклятый ты тупица, ты говоришь слишком медленно и только напрасно теряешь время!»

— Саре исполнилось шесть, она одета в розовый комбинезон, — сказал Майк. — Розовый комбинезон с голубыми варежками — на них вышиты олени. Розовые сапожки а-ля Барби. Что еще ты хочешь знать?

Тугодум Эд убрал руку, но не сдвинулся с места, загораживая ему проход к двери. Майк перечислил особые приметы Сары: рост, вес, цвет волос и глаз, родинку над верхней губой, искривленные верхние зубки и два выпавших нижних — он даже упомянул синяк у Сары на ребрах. Он заметил его вчера вечером, когда купал дочку.

— Как она его получила? — поинтересовался Тугодум Эд.

— Налетела на кофейный столик. Так, во всяком случае, сказала Джесс.

Тугодум Эд прекратил писать и поднял голову.

— Ты ей не веришь?

— Я всего лишь хотел сказать, что в тот момент я был на работе.

Майк достал пачку сигарет и увидел, что они размокли от снега.

— У комбинезона Сары есть какие-нибудь отличительные особенности?

— Например?

— Например, бирки, переводные картинки, рисунки.

Что-то в этом роде.

Майк потер лоб, прикрыл глаза...

Папочка, где ты?

И голос Джесс: Отправляйся туда и ищи свою дочь. НЕМЕДЛЕННО!

.. и попытался представить эти «отличительные особенности», эти проклятые, бессмысленные отличительные особенности — хотя сейчас ему надо было бежать на улицу и искать Сару. Но как обойти Тугодума Эда?

— На ярлычке под воротником черным маркером написано ее имя, — вспомнил он. — Передний карман слегка надорван. Правый... нет, левый. Да, точно, левый. Это Фанг постарался.

— Фанг?

— Наша собака, — ответил Майк, открывая глаза. — Все, больше ничего не могу

вспомнить.

Тугодум Эд закончил писанину. Выудив из кармана прозрачный пластиковый пакетик, он тряхнул рукой, открывая его.

— Когда ты последний раз видел своего старика?

— Сто лет назад. А почему ты спрашиваешь?

— Сколько именно?

— Не помню. Три, может, четыре года назад. Когда я слышал о нем в последний раз, он жил где-то во Флориде.

— Но дом по-прежнему принадлежит ему, верно?

— Эд, не обижайся, но какое это имеет отношение к поискам моей дочери?

— Лу видели в городе.

И тогда Майк понял.

— Сара никогда не видела его, — сказал Майк, глядя, как Тугодум Эд кончиком ручки заталкивает очки в пакетик. — Он бы не подошел к ней и на пушечный выстрел, но даже если бы и подошел, во что я лично не верю, то и тогда Сара не поверила бы ему, потому что я рассказывал ей, что дедушка умер еще до ее рождения. Сара никогда не ушла бы с ним или кем-то еще. Сара знает, как нужно вести себя с незнакомцами. Она бы не ушла с Холма ни с кем, кроме меня или Билла.

— Дети совершают самые невероятные поступки, Салли, особенно когда напуганы. Учитывая, как там метет, что все одеты совсем не так, как обычно, и закрывают лица, ты и сам не разобрал бы, кто есть кто. Так что Сара могла просто довериться первому попавшемуся человеку, которого узнала.

Тревога, камнем лежавшая на сердце, вновь вспыхнула с такой силой, что Майку стало жарко. Кожа у него зачесалась. Он взглянул на Эда, прикидывая, как бы проскочить мимо него, и тут у полицейского зазвонил телефон.

— Ты не звонил домой, чтобы проверить автоответчик? — поинтересовался Эд, снимая аппарат с пояса.

— Это было первое, что я сделал, после того как позвонил по девять-один-один.

— Это было уже сорок минут назад. Позвони еще раз.

Эд поднес телефон к уху, отошел к двери и остановился, загораживая ее.

Майк вытащил свой мобильный и заметил, что батарея села; обычно в это время он как раз заряжал ее. Он подошел к прилавку, где лысый толстяк делал вид, что увлеченно читает «Геральд».

— Я могу воспользоваться твоим телефоном, Франк?

Франк Кокколуто молча протянул ему трубку радиотелефона.

После того как в прошлом году у него сломались сразу два автоответчика, Майк решил заказать у телефонной компании услугу голосовой почты. Он набрал номер своего голосового почтового ящика и ввел код, чувствуя, как в душе разгорается надежда, которая тут же угасла, разбившись вдребезги, когда механический голос оператора ответил:

— Новых сообщений нет.

Стекло витрины снова задребезжало от ветра, и Майк представил себе Сару, в одиночестве стоящую на вершине Холма, Сару, пытающуюся найти свои очки в снежной круговерти, когда все расплывается перед глазами. Ладно, Сара испугалась, но ведь она умная девочка. Сара знала все о монстрах, притворяющихся милыми и улыбчивыми людьми, которые предлагают конфеты, рассказывают детям о потерявшихся щенках или котятках и

просят помочь отыскать их. Так что если бы к его дочери подошел кто-то и предложил свою помощь, Майк знал, что Сара, даже сходя с ума от страха, пошла бы только с тем, чей голос узнала, с другом или кем-нибудь из родителей своих одноклассников, да еще, может быть, с кем-то из соседей.

— Эд прав насчет того, что напуганная детвора может выкинуть что угодно, — сказал Франк. — Несколько лет назад я был в Диснейленде с дочкой и восьмилетней внучкой. Мы отвернулись, ну, не знаю, буквально на три секунды, и Эш исчезла. Растворилась в толпе, вот так, — Франк щелкнул пальцами. — Сотрудники Диснея перерыли весь парк сверху донизу, и я уж думал, что у меня сердце остановится, так я перепугался. И знаешь, где мы ее нашли и конце концов? В отеле, на моей кровати. Она спала, как ангелочек. Ее обнаружил сотрудник безопасности Диснейленда. У Эш началась истерика, когда она поняла, что потерялась, так что все, на что она сподобилась, — это назвать отель, в котором мы остановились, и комнату номер три-двадцать один. Ну, они и отвезли ее туда.

Майк посмотрел на часы. С тех пор как он нашел санки, прошло почти девяносто минут.

Тугодум Эд закрыл телефон, и в душе у Майка вновь зашевелилась надежда.

— Чертовы метеорологи снова напортачили, — сообщил Эд. — Ураган, который они обещали еще вчера, вот-вот обрушится на нас. Идем, Салли. Нам придется подъехать к тебе домой. Сюда направляется полиция штата с собаками. Я все объясню тебе по дороге.

Тугодум Эд принялся рассказывать ему об ищейках, о том, что их обоняние в шестьдесят раз острее, чем у немецких овчарок. Что они способны идти по запаху человека, вне зависимости от того, слаб он или силен, в течение многих дней и даже недель, сутками напролет, в дождь и снег. В пример Эд привел ему осужденного, который сбежал из тюрьмы в Кентукки, решив, что он самый умный. Так вот, этот деятель затаился на дне пруда и дышал через отрезок гимнастического обруча, полагая, что собаки не найдут его. Но ищейки оказались не глупее его, заявил Эд, они уловили запах заключенного по воздуху, выходящему из обрезка обруча. А еще был случай, когда ищейка взяла след человека, которого увезли в багажнике автомобиля, и его запах смешался с выхлопными газами, но ищейка все равно различила его. Тугодум Эд не умолкал, вспоминая одну историю за другой, но Майк почти не слушал его — в голове его назойливо билась одна-единственная мысль.

Собак вызывают лишь в том случае, когда кто-либо пропал без вести. Не потерялся, а пропал без вести.

Машина подпрыгнула на ухабе, и Майк почувствовал, как на груди у него качнулся медальон Святого Антония.

Всегда имей веру, как бы тяжело тебе ни было.

А ему было плохо, очень плохо в первые несколько месяцев после того, как уехала мать. Лу пребывал в ярости. Он настолько уверовал в то, что она не вернется, что сложил все ее вещи в алюминиевый контейнер для мусора и сжег на заднем дворе. И если тогда Господь остался глух к случившемуся, то воскресным вечером в конце марта Он проявил внимание, когда на седьмом месяце беременности Джесс Майк позволил себе надежду — нет, веру — что на сей раз все будет нормально, а Джесс вдруг почувствовала дурноту, у нее закружилась голова и началась рвота. Они уже пережили два выкидыша — точнее, смирились, — когда оба по отдельности свыклись с мыслью о том, что у них так и не будет детей, но тут Джесс забеременела в третий раз, девочкой, которую они решили назвать Сарой. Каждый день они жили, затаив дыхание, Майк по ночам колотил кулаками подушку и горячечно благодарил Господа за то, что тот не оставил его семью своей заботой и вниманием, и вновь взывал к нему, когда мчал Джесс прямо в Центральную больницу штата Массачусетс в Бостоне. Тогда у нее подскочило артериальное давление, что было вызвано, как Майк узнал немного погодя, смертельно опасным состоянием, именуемым преэклампсией, поздним токсикозом.

В конце концов, всегда и неизменно все сводилось к вопросу веры. Бог или Будда, мать-земля или тот личный рай, в который вы удалялись во время занятий любовью, — чему бы вы ни отдавали предпочтение, все неизменно упиралось в веру. Веру в то, что ваша жизнь сложится именно так, как вы того хотите. Веру в то, что люди, которых вы любите, не бросят вас и пробудут рядом достаточно долго. Поэтому когда хирург объяснил ему ситуацию, что кто-то один из них или даже обе могут не пережить операцию, Майк вспомнил о медальоне Святого Антония у себя на шее и принялся перечислять свои добродетели. Он каждое воскресенье ходит на мессу; он не изменяет жене; и он, и Джесс всегда щедро жертвуют на церковь Святого Стефана и, раз уж речь зашла об этом, нельзя забывать и о времени, которое он провел в обществе Лу Салливана. «Спаси их обеих! — умолял Майк. — Спаси их обеих, а потом заberi меня к себе, если хочешь, потому что иначе мне будет все равно — я не переживу, если потеряю кого-то из них».

В тот день Господь услышал его и пришел на помощь.

И вот сейчас, когда Тугодум Эд медленно пробирался сквозь густой поток автомобилей по средней полосе Ист-Дунстейбл под вой сирены и мигание проблесковых огней, Майк сунул руку под рубашку, сжал медальон в кулаке и стал умолять Господа вмешаться еще раз.

А Тугодум Эд говорил:

— В прошлом году тоже был один случай с трехлетним малышом из Ревера. Тогда шел сильный снег, а идиотка мамаша ушла в дом, оставив ребенка одного, без присмотра, в палисаднике. Потом она снова выходит на улицу, а сына-то и нет, представляешь? По его следу пустили собак, и через пять минут они обнаружили его в соседском гараже. Малыш был без сознания и лежал под колесами грузовичка. А водитель даже не заметил, что сбил его и протащил по улице.

Очередная история со счастливым концом должна была вселить в Майка надежду и заглушить хор сомневающихся голосов, все громче звучащих у него в сознании: «А если собаки не найдут ее, что тогда? Что тогда делать?»

Тугодум Эд свернул на Андерсон-стрит. Буря уже намела на обочинах и тротуарах от шести до восьми дюймов снега.

— Нам понадобится какая-нибудь личная вещь Сары, на которой остался ее запах. Когда вы в последний раз стирали ее постельное белье?

— В прошлое воскресенье, — ответил Майк.

— Ты уверен?

— Джесс всегда затевает стирку по утрам в воскресенье. Она снимает постельное белье перед тем, как мы идем в церковь. — Майк увидел, что в кухне и гостиной горит свет. А ведь он перед уходом выключил его. Значит, Джесс уже дома. — Сделай мне одолжение — выруби сирену и мигалку. Когда в последний раз Джесс видела копа, вырывающего на подъездную дорожку, он приехал сообщить о смерти ее отца.

Тугодум Эд выключил сирену и проблесковые огни. Майк услышал, как под колесами скрипит снег. Он указал на почтовый ящик в конце подъездной дорожки. Тугодум Эд подъехал туда и остановил машину.

— Хочешь, я пойду с тобой?

Если Джесс увидит у себя в доме синюю полицейскую форму, с ней случится истерика.

— Не надо, я сам справлюсь, — отказался Майк и открыл дверцу.

— Постой. У вас есть недавняя фотография Сары?

— Мы фотографируемся в ателье «Сирз» на каждое Рождество.

— Фургон службы новостей канала «Ченнел Файв» случайно оказался поблизости. Они ехали по шоссе № 1, делали репортаж о буране и согласились подъехать сюда, чтобы показать Сару в телеэфире. Вреда от этого не будет.

Майк кивнул, захлопнул дверцу и быстро зашагал по подъездной дорожке, говоря себе, что Сара не пропала без вести, а всего лишь потерялась. Он был уверен в этом так же, как в тот день в реанимации, когда точно знал, что и Сара, и Джесс останутся живы. Дочка наверняка оступилась и скатилась вниз по склону, а сейчас бродит по лесу или присела под деревом, замерзшая и до смерти перепуганная. Он уже не сомневался, что, как только вернется на Холм, найдет ее у Билла на руках. Или она будет пить горячий шоколад в отдельном кабинете «У Баззи» в окружении облегченно улыбающихся копов. Господи, Сара, ну и напугала же ты нас...

Майк распахнул сначала наружную застекленную дверь, потом входную и, войдя в

полутемную прихожую, с удивлением увидел, что Джесс стоит у плиты и пересыпает нарезанный картофель с разделочной доски в кастрюлю с кипящей водой. К поясу у нее был пристегнут желтый плеер «Сони», каковой, вкупе с наушниками, означал, что она раздражена донельзя и не в настроении говорить с ним.

Майк пересек прихожую, подсознательно ожидая услышать топот маленьких ножек Сары, выбегающей из кухни. Сары, окликающей его по имени, улыбающейся и разбивающей стальные обручи страха, что сжимали его сердце.

Но навстречу ему выбежал лишь Фанг. Майк вошел в кухню, и пес потрусил за ним, виляя хвостом. Он заметил, что кухонный столик накрыт на троих.

— Почему ты дома?

— В последнюю минуту отец Джек отменил встречу. Какое-то срочное дело, — холодно отозвалась Джесс. — Почему бы тебе не подняться наверх и не набрать Саре ваннiу? После катания на санках она наверняка замерзла.

Сердце ему пронзила раскаленная игла. Втайне Майк надеялся, что кто-нибудь уже позвонил и оставил сообщение на автоответчике. Джесс, приходя домой, всегда первым делом прослушивала его. Но никто не позвонил, и Джесс еще ничего не знала о случившемся.

Он снял у нее с головы наушники.

— Что ты...

— Случилось...

Как сказать ей? Сара не пропала без вести — во всяком случае, не в том смысле, какой он вкладывал в это слово, — но то, что произошло, не было несчастным случаем.

— Случилось что?

— Сара поднялась на гору вместе с Полой, но не съехала вниз.

Кровь отлила у нее от лица.

— Послушай меня, — быстро сказал Майк. — Все под контролем. Полиция...

— Полиция...

— Она всего лишь потерялась. Я вызвал полицию, чтобы они помогли найти ее.

— О господи...

— Все будет в порядке. Эд Зуковски подвез меня. Он отвезет нас обратно на Холм, но нам нужно взять с собой подушку Сары... Джесс, подожди!

Она уже огибала кухонный столик. Майк шагнул ей навстречу, но она уже схватила свою куртку, висевшую па спинке стула. Он протянул к ней руку, но Джесс отпрянула.

— Я же говорила тебе не ходить туда, сукин ты сын!

— Джесс, послушай меня. Они привели ищеек, это потрясающие собаки, они...

— Какой ты после этого отец? Какой отец оставит свою дочь одну замерзать на таком холоде? Она перепугана до смерти, она могла ушибиться и пораниться, а ты бросил ее одну.

Майк попытался найти слова, чтобы успокоить ее, но это уже не имело значения. Она выскочила наружу, и ураганный ветер, распахнув вторую дверь, с радостным воем устремился внутрь.

Сэмми Пинкертон сидел на заднем сиденье «универсала» своего отца. Они возвращались с Холма и застряли в пробке. Сейчас он слушал очередной нудный выпуск новостей по радио, и диктор с восторгом повествовал, как снежный буран уже оставил без электричества половину Массачусетса и что он может по своим последствиям превзойти даже Великую снежную бурю 1978 года. Сэмми выключил его болтовню и принялся думать о том, что всего через несколько недель ему исполнится десять — двухзначная цифра, он официально станет мужчиной, а это круто — и что заикается он только тогда, когда нервничает. Так случалось почти всегда, стоило ему услышать, как родители скандалят насчет того, кто возьмет его под свою опеку на следующие выходные, но особенно тогда, когда он сталкивался с уродами вроде Джимми МакДональда.

Ну почему этот тормоз приперся сегодня на Холм? Сэмми всего лишь хотел испробовать свой новый сноуборд, и вот на тебе — в нескольких шагах от него нарисовался Джимми Мак со своими придурками друзьями из района Мишн-Хилл. Все они, как не подбор, вырядились в кожаные куртки и джинсы, всячески демонстрируя свою крутизну, и держали в руках дешевые пластмассовые санки в ожидании своей очереди скатиться с горы. Вот только ждать этого пришлось бы очень долго. Снег повалил сильнее — еще не буран, но видимость становилась все хуже, а очередь желающих скатиться вниз все не уменьшалась.

Джимми заорал:

— Если эта очередь не начнет двигаться, то я за себя не отвечаю!

Дружки Джимми из гетто с готовностью захохотали, желая произвести на него благоприятное впечатление, и окружающие присоединились к ним, за исключением двух девчонок, стоявших перед Джимми Маком. В той, что повыше, Сэмми узнал девочку из их школы — ее звали Пола О'Мэлли. У ее папаши, Дикого Билла, здорового дядьки, были замечательные татуировки на ручищах. Сэмми видел его один раз, когда он приехал, чтобы забрать Полу из школы, — на мотоцикле «Харлей-Дэвидсон». Отец, способный на такой поступок, имел полное право считаться самым крутым папашей на свете.

— Ну все! — заявил Джимми Мак и начал расталкивать стоявшую впереди малышню.

Пора было уходить. Сэмми усвоил этот урок пару месяцев назад, когда случайно столкнулся с Джимми Маком в туалете. Что поделаешь, такое иногда случается со всеми, верно? Урод схватил Сэмми, сунул его головой в унитаз и несколько раз спустил воду, а кто-то из дружков Джимми Мака хлопал в ладоши, приговаривая: «Джимми, черт побери, у нас появился первоклассный утопленник, который не желает тонуть!» Они ушли, все еще смеясь, а Сэмми досчитал до ста и только потом приоткрыл дверь кабинки, надеясь, что остался один. Дюжина глаз уставилась на него, когда он принялся яростно мыть лицо и волосы мылом, а потом сушить их под вентилятором.

— Эй! — заорала Пола. — убери от меня свои лапы!

— Детская горка — с другой стороны, козьявка. Вали отсюда!

— Сейчас наша очередь. Поехали, Сара.

Джимми Мак приподнял Полу, схватил ее за руки и силой усадил на надувные санки. Маленькая девочка в розовом комбинезоне, Сара, попыталась ухватиться за Полу, го ли для того, чтобы помочь ей встать, то ли чтобы остаться: с ней, но Джимми Мак толкнул ее своей лапищей прямо в лицо, так что она отлетела на несколько шагов назад.

— У тебя будут большие неприятности! — закричала Пола, но Джимми Мак толкнул ее санки ногой, и она полетела вниз с горы.

«Уходи поскорее», — прошептал ему внутренний голос. Нее это было нечестно и плохо, но Сэмми это не касалось, и ему уж никак не хотелось снова связываться с Джимми Маком.

Но все изменилось, когда он взглянул на маленькую девочку, которая сидела в снегу и горько плакала, как плачут все малыши, словно им отрубили руки.

Но не слезы девочки помешали Сэмми убежать, а ее очки — точнее, то, как они криво сидели у нее на носу. Она им глядела такой беззащитной, что прежде чем Сэмми успел сообразить, что происходит, прежде чем он успел прикусить язык, с губ уже сорвались слова, которые ему хотелось выкрикнуть в тот день в туалете, и он швырнул их прямо в лицо Джимми Маку:

— Надеюсь, Господь поразит тебя на месте, вонючее ты дерьмо!

Джимми Мак развернулся как ужаленный, вглядываясь в море лиц вокруг.

— Кто это сказал? Кто это сказал, я спрашиваю?

Сэмми не стал убежать. Он хотел — внутренний голос у него в голове надрывался, требуя, чтобы он убирался отсюда немедленно, — но что-то заставило его остаться на месте, какая-то новая мысль насчет того злополучного происшествия в туалете. В тот день он плакал и дрожал от гнева вовсе не из-за того, что его сунули головой в унитаз и что ему пришлось вернуться в класс со следами воды на одежде. Нет, хуже всего было то — и он понял это только сейчас, — что он не дал сдачи. Когда ты не преклонишь грубияну и драчуну, все заканчивается тем, что он получает власть над тобой. И при встрече он гадко улыбается, наслаждаясь этой властью, которую ты вручил ему собственными руками, потому что знает — у тебя кишка тонка постоять за себя. Может, было бы лучше, если бы он подрался. Может, лучше терпеть боль в сломанном носу или ходить с синяками, или что там еще мог сотворить с ним Джимми Мак, чем отводить глаза при встрече с учениками в школьных коридорах, слышать, как они смеются за твоей спиной и обзывают тебя Вонючкой. Синяки и сломанные носы заживают и проходят. Но они, по крайней мере, показывают другим, что ты не трус.

Тем временем эта маленькая девочка, Сара, встала на ноги и потащила санки за собой — проклятье! — на опасную сторону Холма, на тот самый склон, на котором стоит только поскользнуться и упасть, и все, пиши пропало, можно запросто раскроить себе голову. В прошлом году с одним мальчишкой, Джем Бароном, так и случилось. Его санки врезались в валун, Джей взлетел в воздух и ударился о дерево, так что с Холма его увезли на «скорой». Сэмми уже собрался помочь девочке, когда Джимми Мак загородил ему дорогу.

— Вонючка, это ты тут вякал?

— О-о-оставь м-меня в п-покое!

— А знаешь, почему ты за-за-заикаешься, Вонючка? — Глаза у Джимми были красными и налитыми кровью, как и каждое утро в школьном автобусе. В ушах у него покачивались золотые сережки, но сегодня у него появился новый пирсинг — бровь была проколота большим серебряным крючком, похожим на рыболовный. — Потому что ты — д-дебил!

Если не дать сдачи задире, все закончится тем, что он получит власть над тобой.

Отец Сэмми говорил, что если дело дошло до драки, главное — победить. Пусть Джимми Мак выше, хитрее и сильнее, но и у него есть одно местечко, где ему будет больнее всего. Щеки у Сэмми загорелись, под ложечкой засосало так, что подгибались колени, но он подобрался и пнул Джимми Мака прямо в мошонку.

Тот схватился обеими руками за низ живота и сложился полам. Глаза его наполнились слезами, как у девчонки, а губы сложились в трубочку.

Но Сэмми показалось, что одного удара по яйцам мало для наказания. Он хотел, чтобы Джимми сполна хлебнул унижения и боли, — он хотел поквитаться с ним за всех тех, над кем Джимми издевался каждый день. В глаза Сэмми бросился серебряный крючок, торчащий из брови Джимми Мака, и, не успев еще сообразить, что делает, он рванул его на себя.

Джимми Мак взвыл, и кровь залила его лицо.

Сэмми подхватил свой сноуборд и растаял за снежной пеленой. Он не видел маленькой девочки Сары, пока не и резался в нее. Вот уже второй раз за какие-то десять минут ее сбили с ног, и она приземлилась на попу.

— Прости меня, пожалуйста! — выпалил Сэмми, помогая ей подняться.

— Мои очки... — заплакала девочка.

Черт! Он не мог уйти и оставить ее без очков. Это было бы нечестно.

— Сейчас я помогу тебе их найти. Только не реви, ладно?

Но девочка продолжала плакать, совсем как его сестра.

Боже, ну почему они вечно ведут себя так?

— Все в порядке, правда, только перестань реветь.

Сэмми опустил на колени и принялся шарить в снегу — куда же подевались эти очки? — когда рядом с ним вдруг появился мужчина, отец девочки.

— Я нечаянно, честное слово, — сказал Сэмми. — Я налетел на нее нечаянно. Я просто не смотрел, куда бегу.

На мужчине были джинсы, черные перчатки и длинная синяя парка с капюшоном, полностью закрывавшим лицо, очень похожая на ту, которую надевал отец Сэмми, когда расчищал от снега подъездную дорожку. Вот только у этой парки мех по краям капюшона вытерся, и его коричневый цвет напомнил Сэмми шкуру енота. Под мышкой он держал свернутое одеяло. Не говоря ни слова, мужчина наклонился и взял девочку за руку. Она тут же отдернула ее. Типичная девчонка, ведет себя, как избалованная задавака.

— У нее упали очки, — сказал Сэмми. — По-моему, из-за этого она и плачет. Я не трогал ее, честное слово.

Отец девчонки пинком отправил сноуборд к Сэмми, а потом махнул рукой, показывая, чтобы он убирался куда подальше.

— Простите, — снова повторил Сэмми.

Прежде чем съехать на сноуборде с горы, он оглянулся и увидел, как отец девчонки что-то шепчет ей на ухо, закутывая ее в одеяло.

На следующее утро Сэмми уже не вспоминал ни о Джимми Маке, ни о маленькой девчонке; все его мысли были заняты электричеством. Оно вновь появилось около девяти утра, примерно через час после того, как закончился снегопад. Сэмми яростно гонял Тони Хоука на своей приставке Playstation-2, когда в комнату вошел его отец, офицер полиции Рей Пинкертон, и спросил, не знает ли Сэмми чего-нибудь о девочке в розовом комбинезоне, которую зовут Сара Салливан.

Не успел Сэмми опомниться, как оказался в полицейском участке. Он видел почти всех полицейских на барбекю или играх в софтбол. Обычно они приостанавливались, чтобы поздороваться с ним, но сегодня утром лица их были серьезными и даже одержимыми. Полицейский участок гудел, как пчелиный улей, и они отвечали на телефонные звонки,

выкрикивали вопросы и отдавали друг другу распоряжения. «Похищена». «Пропала без вести». «Исчезла». Эти слова раздавались со всех сторон, когда детектив Фрэнсис Меррик открыл дверь своего кабинета и пригласил Сэмми войти. Одного. Детектив Меррик закрыл дверь, и Сэмми опустился на стул по другую сторону большого стола, подумав: «Сейчас я буду разговаривать с детективом. Боже, кажется, я влип по самые уши!»

ЖИЗНЬ ПОЛНА НЕОЖИДАННОСТЕЙ (2004 ГОД)

В пятницу утром, около пяти часов, Майк сидел в своем грузовичке, глядя, как легкий снежок покрывает Холм. Ему отчаянно требовалась сигарета, но он не хотел испортить запах сирени. Каждый год на день рождения Сары он заказывал ее в цветочном магазине ДеКарло, и сейчас сирень в пластиковой обертке лежала на пассажирском сиденье. Сильный, но приятный аромат заполнял кабину грузовичка, мысленно перенося его в ту весну, когда Сара — ей тогда исполнилось три годика — спросила, можно ли ей нарвать сирени с дерева на заднем дворе и поставить в своей комнате. Она долго рассказывала ему, как ей нравится ее запах. Он посадил ее на плечи и, нарвав целое игрушечное ведерко цветов, они поднялись наверх и расставили их по всей комнате.

— Нет, папочка, положи цветы под подушку, а не на нее.

Это были ее собственные слова, а вот голос казался чужим. Нет, он принадлежал Саре, но Саре шестилетней. Майк не мог вспомнить, как она разговаривала в три или четыре годика, и он понятия не имел, как она разговаривает сейчас, пять лет спустя, в возрасте одиннадцати лет — одиннадцати с половиной. Сейчас ее тело вот-вот должно было вступить в период полового созревания, начать медленный процесс превращения девочки в молодую девушку. Он не сомневался, что она сменит очки на контактные линзы. Зная ее, он был уверен, что исчез и конский хвост, — она предпочла ему растрепанную короткую стрижку, которую он так часто встречал в последнее время у молодых женщин. Уши у нее проколоты — он надеялся, что всего по одному разу, просто и со вкусом, — и она, скорее всего, уже носит украшения, совсем немного, и пользуется косметикой, интересуется модной одеждой, выбирая ту, что подчеркивает ее незрелые формы, — все эти маленькие перемены, подталкивающие ее на пути к мальчикам. Он спросил себя, если бы встретил ее сейчас, то остались ли бы в ней черты прежней девочки, которой так нравилось подбрасывать поролоновый футбольный мяч на заднем дворе?

Майк отчетливо представлял себе все эти вещи, но лицо Сары, как обычно, выглядело размытым пятном.

Да, конечно, у него оставались фотографии. Он хранил снимки, сделанные в течение тех шести лет, что она росла у него на глазах, а из Национального Центра по борьбе с похищением и эксплуатацией детей ему прислали новые фотографии Сары, точнее, того, как она могла выглядеть сейчас, сделанные с помощью компьютерной графики и представленные в нескольких вариантах. Несмотря на то что они неплохо поработали, — говоря откровенно, они поработали чертовски хорошо, изобразив, как изменялась Сара с каждым годом, — перебирая всевозможные комбинации, он лишь еще сильнее запутывался. По ночам, лежа без сна, он пытался представить себе ее лицо, но перед его мысленным взором неизменно возникала маленькая девочка с выпавшими нижними зубками и криво сидящими на носу очками. Пожалуй, она отчетливо вставала у него перед глазами, лишь когда он был пьян, но теперь, по постановлению суда, он и пить-то больше не мог.

Солнце уже выглянуло из-за верхушек деревьев, когда Майк взял цветы, открыл дверцу и обошел свой грузовичок спереди. Проектор по-прежнему заливал голую вершину Холма мертвым, безжизненным светом. Кажется, он не гас никогда. Он подошел к тому месту, где нашел санки Сары, присел на корточки и положил сирень на землю. Сильный аромат ощущался даже здесь, на ветру. Он долго смотрел туда, где в последний раз стояла Сара,

думая о том, что у воздуха нет ни начала, ни конца, что ветер может пронести аромат сирени над городами и весями в комнату, где сейчас спит его девочка, и, может статься, разбудит ее. Майк представил себе, как Сара вдыхает аромат сирени, и он пробуждает в ней воспоминания о прежней жизни, о нем и о комнате, которая все еще ждет ее в Белхэме. Может, сегодня она поднимет трубку телефона и позвонит домой. Смешно и нелепо надеяться на это, конечно, но такова уж природа надежды. Вы готовы поверить во что угодно.

В бостонском офисе доктора Рэйчел Тило были серые стены цвета грозовой тучи, белый диван и стулья в тон, твердые, как стеклянная крышка кофейного столика. За исключением двух дипломов в дорогих рамочках, полученных в Гарварде, единственным предметом личного обихода оставалась картина маслом, висящая над ее столом, — белый холст, забрызганный кляксами, загогулинами и точками, словно рабочий передник маляра.

Дверь открылась, и в комнату, распространяя вокруг себя удушающий аромат дорогой парфюмерии, вошла доктор Ти, больше похожая на мистера Ти своим колышущимся рыхлым телом, упакованным в дорогой костюм от известного модельера. Из стопки папок, которую она держала под мышкой, боязливо выглядывал экземпляр «Бостон глоуб мэгэзин» за прошлое воскресенье.

Доктор Ти заметила, что Майк смотрит на него, и поинтересовалась:

— Почему вы мне ничего об этом не сказали?

— Нечего рассказывать, — ответил он. — С приближением дня рождения Сары я звоню знакомым репортерам и прошу их еще раз опубликовать ее историю. Это помогает поддерживать интерес.

— Я имела в виду то, что касается вашего отца.

— Я понятия не имел, что репортеры намерены взять у него интервью.

Это была правда. И Майк вынужден был признать, что на него произвел впечатление тот факт, что репортер или репортеры не только разыскали Лу во Флориде, но и каким-то образом заставили его разговаривать.

Доктор Ти устроилась в своем кресле.

— Это был первый раз, когда он открыто высказался о внучке, правильно?

— Понятия не имею.

— И как вы отреагировали?

— Никак.

Доктор не сводила с него глаз, наблюдая и оценивая его реакцию на предмет того, что суд определил как «проблемы управления гневом». Сначала ему было предписано пройти курс владения собой, а потом и сорок восемь обязательных сеансов психотерапии. Предлог казался ему совершенно нелепым и надуманным — выяснить, что подвигло его наброситься на Фрэнсиса Джоуну, человека, который, по всеобщему мнению, был ответствен за исчезновение Сары и двух других девочек: пятилетней Каролины Ленвиль из Сиэтла, штат Вашингтон, и Эшли Жиро, шести лет, из Вудстока, штат Вермонт.

Лу не имел к случившемуся никакого отношения, но доктор Ти, такое впечатление, просто обожала совать нос во все, с этим связанное. Впрочем, Майку нужно было как-то убить время, посему он в общих чертах обрисовал ей свою жизнь с Лу, рассказал о том, как отец начинал с воровства, грабя дома в шикарных пригородах, прежде чем перешел на более престижную «работу». Он стал обчищать склады компьютерного и электронного оборудования, нападать на банковские бронированные машины в Чарльзтауне и Кембридже.

Все члены прежней банды Лу были мертвы — за исключением его самого.

Воспользовавшись желтой закладкой, доктор Ти принялась перелистывать журнал, пока не нашла нужную страницу.

— Корреспондент спрашивает у вашего отца, разговаривал ли он с вами после исчезновения вашей дочери, и тот и торит: «Мы с Майклом почти не общались с тех пор, как он женился. Это был его выбор. Некоторым мужчинам нужно ненавидеть кого-то, чтобы прожить день спокойно».

Она подняла голову и посмотрела на него, ожидая ответа Майк же рассматривал ее кольцо с бриллиантом. Три карата, никак не меньше, судя по виду. Такое кольцо подразумевает и наличие няни, причем не приходящей, и дома в каком-нибудь фешенебельном районе наподобие Уэстона, где она живет со своим супругом (почти наверняка — хирургом), и собаки (золотистого ретривера или лабрадора, в зависимости от последнего писка моды в Уэстоне), и 2,5 ребенка (мальчиков с именами наподобие Фаддея и Хантера). Ее приобретенные в Гарварде наблюдения и решения вполне могли произвести неизгладимое впечатление на сходящих с ума от скуки домохозяек, которым требовался сочувственный слушатель и химическое отдохновение от безупречно-монотонного существования. Но они оборачивались полным провалом применительно к таким загадкам бытия, как Лу Салливан.

— У вас есть какие-нибудь мысли на этот счет?

— Никаких, — отозвался Майк.

— Я полагаю, ваш отец давал это интервью, рассчитывая помириться с вами и протянуть вам руку помощи.

Майк подался вперед и взял чашку кофе со стеклянного столика.

— Мой старик протягивает мне руку помощи? При всем уважении, я думаю, вы преувеличиваете.

— Причина, по которой я настаиваю на этом, заключается в следующем. Я хочу, чтобы вы видели своего отца таким, какой он есть сейчас, и убрали фильтры, оставшиеся у вас с детских лет.

— Фильтр из моих детских лет, — ровным голосом повторил Майк.

— Да. Мы склонны оценивать своих родителей по той роли, которую они сыграли в нашей жизни, а не как живых людей. Я обратила внимание, что вы, например, видите людей в черно-белых тонах — хорошие или плохие, умные или глупые. Я вполне могу понять ваши чувства к отцу и не собираюсь утешать вас, говоря, что представляю, каково это — жить с отцом, который был не только вором, но и отличался вспышками непредсказуемой ярости.

«Не надо забывать о том, что он был еще и убийцей», — добавил Майк про себя.

— Тем не менее у него есть и другая сторона, та самая, что воспитала вас после ухода вашей матери и водила вас на спортивные состязания. Та сторона, которую когда-то любила и ваша мать.

Взгляд его скользнул к часам на стене. Еще сорок минут, и все, sayonara ^[2].

— Если он пожелал выразить свои чувства на бумаге, — продолжала доктор Ти, — то, не исключено, он хочет открыть вам душу и рассказать правду о вашей матери.

Майк подумал об оловянной цепочке, лежащей у него в кармане, цепочке с круглым медальоном, на лицевой стороне которого выгравирован Святой Антоний с младенцем Христом на руках, а на обороте — церковь Сакре-Кер в Париже, на Монмартре. Цепочку доставили в посылке домой к Биллу через месяц после ухода матери. Майк столько раз читал

и перечитывал письмо, что помнил его наизусть: «.. в следующий раз я напишу, когда у меня будет адрес, на который ты сможешь писать мне. Скоро ты будешь жить со мной здесь, в Париже. Верь, Майкл. Помни, нужно иметь веру, как бы тяжело тебе ни было. И не забывай о том, что об этом письме нельзя рассказывать никому. Мне не нужно напоминать тебе, что со мной сделает твой отец, если узнает, где я скрываюсь».

Следующее письмо так и не пришло, но четыре месяца спустя, в июле, Лу вернулся домой после трехдневной командировки, позвал Майка на задний двор и разразился речью о том, что его мать больше не вернется к ним. Но Лу допустил ошибку, оставив свой чемодан открытым. Майк поднялся в спальню отца, заметил фотоаппарат, лежавший и чемодане, и вошел. Порывшись в вещах, он нашел конверт с паспортом и билеты на самолет в Париж. Вот только билеты были выписаны на имя Тома Петерсона — то самое, что значилось в паспорте под слегка измененной фотографией Лу.

— Послушайте, — сказал Майк. — Я понимаю, что вы стремитесь создать здесь нечто вроде, ну, не знаю, эмоционального момента Опри, и я, очевидно, должен расчувствоваться. Так вот, этого не случится.

— Вы отдаете себе отчет в том, что у вас меняется голос, когда вы говорите о своем отце?

Еще тридцать пять минут, которые надо как-то убить.

— Кадиллак Джек, — сказал Майк. — Я несколько раз упоминал о нем.

— Он — один из друзей вашего отца, гангстер, владелец автомобильной мастерской.

— На самом деле это была мастерская, в которой ворованные машины разбирали на запчасти. Кроме того, ему принадлежала подпольная букмекерская контора. Все думали, что Джек Скарлатта получил прозвище из-за своей одержимости «кадиллаками». Так оно и было, но любил он их потому, что в багажник влезали два, а то и три тела, которые он вывозил в тихое местечко Квинси, где и шлепал их. Вы шлете, что значит «шлепнуть»?

— Да, — сухо ответила доктор Ти. — К несчастью, мой муж настаивает на том, что мы должны смотреть «Клан Сопрано».

— Ага, значит, вы понимаете, о чем я веду речь. Кадиллак Джек и мой старик дружили еще со школы. Оба попали во Вьетнам, только Кадиллак Джек вернулся первым, а Лу задержался еще на годик, угодив в качестве военнопленного в бамбуковую кутузку, — смешно, но это был его первый и последний тюремный срок. Когда Лу вернулся, Кадиллак Джек уже был главарем банды из Мишн-Хилл. У моего старика талант вскрывать сейфы. Нет в мире такого сейфа, который он не смог бы вскрыть. В общем, оба процветали, пока пять или шесть лет назад Кадиллак Джек не познакомил Лу с этим федералом по имени Бобби Стивенс. Вы наверняка читали об этом в газетах, верно?

— Очевидно, Роберт Стивенс был продажным агентом ФБР. Помнится, Бюро тогда провело большое расследование.

— Тогда вам следует знать, что больше всего на свете ирландцы ненавидят стукачей. Сдать друга копам для них немыслимо, и в Белхэме вы поддерживаете своих. Например, кого-то убивают, потом приезжает полиция, начинает задавать вопросы, а вы держите язык за зубами. Так вот, Кадиллак Джек играл этого федерала втемную — ну, вы понимаете, давал ему кое-какие наводки в обмен на информацию о конкурентах Джека. Джек скармливал федералу ложные сведения. Но мой старик считал, что рано или поздно, но Джек по-настоящему заложит его самого. Это был лишь вопрос времени. И знаете, что с ним случилось?

— Боюсь, что нет.

— Я тоже. Его тела так и не нашли.

— Вы предполагаете, что ваш отец убил его?

— В ту ночь, когда он исчез, я слышал, как они о чем-то спорили в кухне, а потом мой старик предложил проветриться, подышать воздухом и все хорошенько обдумать. Домой Джек уже не вернулся.

— Может быть, он пустился в бега.

Майк вздохнул.

— Вы помните ограбления бронированных банковских машин, случившиеся лет пять назад? Когда в Чарльзтауне и Бостоне взяли три машины? Примерно за две недели до исчезновения моей дочери? Эти ребята унесли с собой что-то около двух миллионов.

— Смутно. — Теперь на лице доктора была написана скука. — Как правило, подобные истории не вызывают у меня интереса.

— Это была старая банда из Мишн-Хилл. Они работали всемером. Неделей позже полиция обнаружила семь трупов в багажниках трех разных «кадиллаков», припаркованных в аэропорту Логан. Их отравили мышьяком. А Лу был во Флориде, отмывая деньги.

Вы делаете слишком уж смелые предположения.

Вы правы. Мне следовало упомянуть об этом агентам ФБР, которые то и дело наведывались к нам домой.

— Ваш отец жив, — заявила доктор Ти. — По моему мнению, он попытается помириться с вами.

Господи Иисусе, она так ничего и не поняла!

Как вы себя поведете — дело ваше. Но мне представляется, что вам следует постараться отнестись к нему без предубеждения. На то есть две причины, на мой взгляд. Во-первых, начав диалог со своим отцом, вы сможете избавиться от гнева, который до сих пор тлеет в вас. Вы до сих пор злитесь на него, тем самым давая ему определенную власть над вами. Во-вторых, ваш отец не вечен. Хороший или плохой, но он — единственная ниточка, которая связывает вас с прошлым. Может быть, если вы откроете ему душу, он сделает то же самое в отношении вас.

Майк взглянул на часы на стене и едва сдержал улыбку.

— Похоже, наше время вышло.

— Мне бы хотелось поговорить с вами еще немного. О Джоуне.

Он почувствовал, как сердце замерло в груди.

— В статье говорится, что он умирает от рака поджелудочной железы.

Умирает. Это слово каменной плитой легло ему на грудь.

— Вы предполагаете, что скорая смерть Джоуны заставит меня вновь искать встречи с ним?

— Он и впрямь может скончаться скоропостижно, — заметила доктор Ти.

— Уверен, полиция не оставляет его своим вниманием.

— Сегодня у нас с вами состоялся последний сеанс психотерапии. Вам осталось еще шесть недель испытательного срока. Если в течение этого времени вы каким-либо образом вступите с Джоуной в контакт, то тем самым нарушите условия своего испытательного срока, и тогда у судьи не будет иного выхода, кроме как отправить вас в тюрьму. Это несправедливо, но таков закон. То же самое относится и к вашему пьянству. Вы по-прежнему посещаете встречи Общества анонимных алкоголиков?

— У меня много работы.

— Тем не менее вам следует постараться и регулярно бывать на собраниях.

— Я не пью вот уже два года.

— Меня больше заботит то, что будет после окончания вашего испытательного срока.

Вам понадобится поддержка, чтобы справиться с алкоголизмом.

Гнев вспыхнул у него в груди, устремился вверх, и сейчас его раскаленные щупальца вцепились Майку в глаза. В таких случаях — а это бывало очень часто, когда он сидел в этом кресле, — он просто выбирал узор на ковре и впивался в него взглядом, мысленно проделывая упражнение, которому научился на курсах управления гневом. Образ, который он вызывал у себя в памяти и с помощью которого успокаивался, был заключительной сценой из фильма «Мизери», когда хромой Джеймс Каан запикивает страницы своей обугленной рукописи в глотку психически больной сиделке Кэти Бейтс и кричит: «На, подавись! Жри, пока не сдохнешь, больная сука!» Вот только в версии Майка он запикивал однодолларовые банкноты в глотку доктору Ти, сто двадцать пять раз подряд, что составляло ее часовую плату за это дерьмо.

— Что-то не так? — поинтересовалась доктор Ти.

— Нет. Я всего лишь практикую одно из упражнений на визуализацию, которым меня научили на курсах управления гневом.

— Вот как? И помогает?

— Да, — отозвался Майк. — Еще как.

Его офицер, надзиравший за условно-досрочно освобожденными лицами, страдал комплексом неполноценности маленького мужчины и относился к своей работе с фанатичной одержимостью. Вор, поджигатель, насильник, убийца, наркоман, торговец наркотиками или отец пропавшей без вести девочки, избивший главного подозреваемого в исчезновении его дочери, — в мире Энтони Тесты между ними не было никакой разницы. Он навесил на них один и тот же ярлык и относился к ним с одним и тем же нескрываемым презрением.

Теста взвалил свой кожаный портфель на подоконник и щелкнул замками. Они стояли в туалете бензозаправочной станции компании «Мобил», расположенной в двух шагах от спортивного комплекса «Бостон Гарден» (Майк наотрез отказывался называть его «Флит-центр»). Майк уже собирался выехать из города, когда зазвонил его мобильный телефон, и Теста приказал ему возвращаться.

Полисмен протянул ему стаканчик и сказал:

— Ты уже большой мальчик и сам все знаешь.

По условиям условного заключения Майк должен помочиться у него на глазах — только так можно было быть уверенным, что образец мочи действительно принадлежит ему. Майк расстегнул молнию и начал наполнять стаканчик, а Теста поднес к уху свой мобильный телефон и возобновил разговор, мерно вышагивая взад и вперед по комнате и время от времени поглядывая в зеркало, чтобы проверить, как лежат его обильно умащенные гелем волосы.

В портфеле Тесты лежал сегодняшний экземпляр «Глоуб». Заголовок передовицы кричал аршинными буквами: «МИНУЛО ПЯТЬ ЛЕТ, А ВОПРОСЫ ТАК И ОСТАЛИСЬ БЕЗ ОТВЕТА». Сама статья занимала почти всю первую страницу. Репортеры не воспользовались компьютерными изображениями того, как должна была выглядеть Сара сейчас, когда ей исполнилось одиннадцать. Рядом с улыбающимся личиком шестилетней Сары размещалась фотография Джоуны в зимнем пальто и тростью в руках. Фотографу удалось передать хрупкость фигуры Джоуны и могильную бледность его кожи.

Ты — везучий сукин сын, Салли.

Голос его адвоката, Джимми Душетта. Почти четыре года назад, холодным мартовским днем, Майк заканчивал ремонт кухни в Вайланде, когда зазвонил его телефон и секретарь Душетта сказала ему, чтобы он бросал все свои дела и немедленно мчался в контору. Меньше чем через час Майк уже входил в кабинет Душетта на шестом этаже, из окон которого открывался роскошный вид на реку Чарльз. Адвокат разговаривал по телефону. Душетту скоро должно было исполниться шестьдесят, и у него были белые и легкие, как пух, волосы, и продубленная солнцем кожа.

Преступник. Это слово неустанно крутилось у Майка в голове, днем и ночью. Не имело значения, что у Джоуны была куртка, как две капли воды похожая на ту, что описал мальчишка-свидетель, Сэмми Пинкертон. Не имело значения, что на следующее утро, в воскресенье, когда примерно в девять часов утра разразился ураган, собаки-ищейки пошли по следу Сары и привели полицию к старому, изрядно потрепанному непогодой викторианскому особняку, в котором прошло детство Фрэнсиса Джоуны — только тогда Джоуна звался Дэвидом Питерсом. Не имело значения, что Джоуну лишили сана и что он

был причастен к исчезновению еще двух светловолосых девочек. Значение имели лишь улики.

Улики, или доказательства, как стало ясно Майку, были чем-то вроде святого Грааля. Белхэмские детективы призвали себе на помощь весь свой коллективный опыт и бригады экспертов-криминалистов. Они осмотрели и исследовали каждый дюйм дома Джоуны, его сарай для инструментов на заднем дворе и его фургончик и не смогли найти двух самых главных доказательств — следов ДНК и волокон. А это означало, что Фрэнсис Джоуна может собрать прессконференцию и объявить себя невинной жертвой полицейского произвола, вплоть до того, что призвать общественность молиться за благополучное возвращение Сары Саливан домой. Джоуна, если ему придет такое в голову, мог встать на вершине Холма и наблюдать оттуда за тем, как катаются маленькие девочки. Джоуна был свободным человеком, а свободные люди имеют полное право поступать так, как им заблагорассудится.

Нужно время, чтобы собрать улики и выдвинуть обвинение, мистер Салливан... Вам нужно проявить терпение, мистер Салливан... Мы делаем все, что в наших силах, мистер Салливан...

Наверное, полицейские — неплохие ребята, но они ничего не понимали. Для них Сара была всего лишь очередным делом с номером в списке к слушанию и примечаниями. Но для него Сара была дочерью, и просить его проявить терпение, пока этот ублюдок, который прекрасно знает, что случилось на самом деле, продолжает жить как ни и чем не бывало... У Майка больше не было сил и дальше терпеть это.

В тот вечер Майк был пьян, сильно пьян. Он и не отрицал этого. Но готов был поклясться Господом Богом, что пришел к Джоуне только для того, чтобы поговорить. Воззвать к его голосу разума.

Душетт повесил трубку.

— Это был адвокат Джоуны.

Майк не шелохнулся. На протяжении трех последних недель, пока Джоуна валялся в больнице, приходя в себя после нападения, в результате которого заработал три сломанных ребра и тяжелое сотрясение мозга, Майк пытался свыкнуться с мыслью о том, что ему предстоит провести следующие восемь лет жизни в тюремной камере. Но подобная перспектива по-прежнему оставалась для него абстрактной — с таким же успехом ему могли предложить провести отпуск на Марсе.

Он не жалел о своем поступке. Даже сейчас, стоя в кабинете адвоката, Майк не чувствовал желания вернуться назад во времени и переиграть все заново. А вот Джесс ему действительно было жалко. Если он попадет в тюрьму, она, конечно, может обналичить их пенсионные сбережения и выплатить некоторую часть долга по закладной, но все равно ей придется искать работу. Скорее всего, она будет вынуждена вернуться к преподавательской деятельности, а жалованье учителя вряд ли покроет даже месячные расходы. По всей видимости, ей придется продать дом, а потом или снимать квартиру, или вернуться жить к матери. Что же касается того кошмарного ночного визита к Джоуне, то он жалел лишь о том, что так и не выяснил, что этому сукиному сыну известно о Саре.

Душетт открыл папку. У Майка перехватило дыхание, и сердце замерло в груди.

— Джоуна решил снять все обвинения, — сказал адвокат. — И он пообещал не преследовать тебя в судебном порядке.

Майк перевел дыхание.

— Какими именно причинами он руководствовался, я не могу сказать. Адвокат Джоуны не пожелал распространяться на этот счет, но у меня есть кое-какие догадки. На мой взгляд, речь идет о попытке оказать влияние на общественное мнение. Своим поступком он показывает, что способен на сострадание. А сколько монстров могут похвастаться этим, верно? — Душett покачал головой. — Ты — везучий сукин сын, Салли. Но прежде чем ты станешь благодарить меня, лучше выслушай условия сделки.

Три года испытательного срока, включая пять недель лечения от алкоголизма. После этого — выборочные и нерегулярные проверки на содержание наркотиков в крови.

Если он хоть раз провалит тест, а в его крови будут обнаружены следы пусть даже стакана пива — все, он едет на автобусе в Уолпол [\[3\]](#), чтобы мотать срок в пять лет. Шестьсот часов общественных работ в Отделении черепно-мозговой травматологии Центральной клинической больницы Массачусетса. Двухмесячный курс управления гневом, занятия три раза в неделю. После этого — двадцать четыре сеанса частной психотерапии стоимостью от ста до ста двадцати пяти долларов в час, в зависимости от квалификации мозгоправа. За все это Майк должен будет заплатить из собственного кармана. Джесс все-таки придется выйти на работу. Это был единственный способ покрыть все расходы.

Майк поставил стаканчик с мочой на подоконник и, застегнув молнию, аккуратно закрыл его пластиковой крышкой.

Теста убрал телефон.

— По-прежнему работаешь в Ньютоне?

— Угу.

— Долго еще?

— До конца месяца, — ответил Майк.

Одним из условий его испытательного срока было подтверждение наличия постоянной работы. Поэтому ему приходилось предъявлять Тесте корешки чеков и квитанций — и всего прочего, что потребует от него офицер полиции. Теста любил вникать в детали. От него ничто не могло ускользнуть. Так точно, сэр, никак нет, сэр.

— Алкогольно-респираторная трубка рядом с портфелем.

Майк сполоснул руки и вытер их бумажным полотенцем. Потом взял алкотестер и дунул в него, после чего протянул прибор Тесте, который внимательно изучил показания.

— Чисто. Следов выпивки нет.

— Подумать только! — съязвил Майк. — Чист и трезв в половине девятого утра.

— Тебе все шутки шутить, а я знаю массу алкашей, которые не прочь перехватить стаканчик с утра пораньше, надеясь, что я их не поймаю.

Майк хотел было поправить его, заявив, что даже в худшие свои времена никогда не пил с утра, равно как и не садился за руль выпив, — с похмелья, это да, но пьяным — никогда. Но в глазах Тесты пьяница навсегда останется пьяницей, а Майк не желал оправдываться перед этим карликом с последней стадией человеконенавистничества.

— Ну что, мы уже закончили? — осведомился Майк. — Не всем так везет с почасовой оплатой.

— В котором часу ты сегодня заканчиваешь работу?

— Около шести.

— А потом?

— Еще не думал об этом.

— Ну так подумай сейчас.

Майк сунул руку в карман куртки и достал оттуда конверт, в котором лежал очередной контракт на очередную пристройку в Уэллесли.

— Хочешь убить вечер, проверяя, не напился ли я? На, полюбуйся, — сказал он и водрузил конверт на крышку стаканчика.

— Помнишь последний раз, когда ты попался на пьянке?

Два-ноль в пользу Тесты. Майк сделал ошибку, напившись накануне третьей годовщины исчезновения Сары, в одиночестве, дома, а Энтони Теста взял да и заявился к нему в десять вечера для выборочной проверки на алкоголь. На сей раз о тюрьме речь не шла, но судья назначил ему еще несколько сеансов психотерапии с доктором Ти и новый раунд лечения от алкоголизма. Майку вновь пришлось начинать с нуля.

— Если попадешься на выпивке или я обнаружу следы алкоголя в твоей моче, это будет третий раз и все, игра закончится, — сообщил ему Теста. — Или ты садишься в тюрьму, или получаешь свою жизнь обратно. Выбор за тобой.

Майк открыл дверь туалета и вышел на яркое зимнее солнце, спрашивая себя, о какой жизни ведет речь Теста.

Все утро и первую половину дня они устанавливали окна в двухэтажной пристройке Маргарет Ван Бурен в Ньютоне, одном из шикарных городков к западу от Бостона. В два часа они устроили перерыв на обед. Трое подсобных рабочих были еще мальчишками чуть старше двадцати, и все они только и делали, что мечтали о предстоящих выходных: о барах, куда завалятся, о девчонках, с которыми встречались и которых мечтали затащить в постель.

Билл собрал свой ленч.

— У меня больше нет сил слушать это, — заявил он Майку. — Я тону в пеленках, а эти парни развлекаются на вечеринках, принимая ванну с моделями в бикини.

Они сидели в грузовичке Майка и жевали невкусные сэндвичи, которые Билл купил в деловой части города. Приятель рассказывал о последних эскападах с близнецами: Грейс и Эмма проснулись в два часа ночи и решили порисовать у себя в комнате, причем Эмма умудрилась засунуть в нос красный карандаш.

— Вот, кстати, — сказал Билл. — Вчера вечером мы с Патти свозили детишек в кафе «Пограничье» на шоссе номер один. Там была очередь, ну, я и подошел к бару, чтобы выпить пивка. Смотрю, а все парни глаз не сводят с роскошной девицы в черном костюме и очках. Она пила пиво и читала «Спортивные новости». Это была Сэм.

— Саманта Эллис?

— Единственная и неповторимая.

Это имя пробудило в душе Майка воспоминания о самом приятном периоде его жизни — летних каникулах после первого курса Джесс в университете Нью-Гэмпшира. В то время они с Джесс решили, что им надо отдохнуть друг от друга.

Билл продолжал:

— Она рассказала мне, что вернулась сюда год или пол-юра назад. Она работает в какой-то адвокатской конторе и деловой части Бостона — одной из этих компаний с шестью фамилиями в названии, так что голова начинает болеть раньше, чем выговоришь их все. Харрингтон, Доул и еще кто-то. По-моему, она стала еще красивее. Что-то в ней есть от Джей Ло.

— Джей Ло?

— Ну да, Дженнифер Лопес. Ты что, не смотришь MTV?

— В последний раз я смотрел MTV, еще когда звездой Пыла Джоан Джетт.

— Ты много пропустил. Нынешние шоу-программы похожи на мягкое порно.

— Я хочу спросить тебя кое о чем, — сказал Майк. — Та статья в журнале «Глоуб» за прошлое воскресенье. Ты читал интервью Лу?

Билл кивнул и улыбнулся с набитым ртом.

— Твой старик всю жизнь занимался не своим делом. В нем погиб великий комик.

— Снежная королева думает, что Лу подает мне знак. Ну, типа помириться хочет и все такое.

— Ты серьезно?

— Она, во всяком случае, говорила на полном серьезе, — ответил Майк и впился зубами в мясной рулет.

— Тебе следовало рассказать ей о Кадиллаке Джеке.

— Странно, что ты заговорил об этом.

— И?

— Ни единой вмятины.

— Организуй им встречу. После того как она поговорит с ним хотя бы минуту, гарантирую, у нее появится ощущение, будто он ее искушал.

«Или он ее убьет, — подумал Майк. — И закопает в укромном местечке, где никто и никогда ее не найдет».

Он смотрел в окно, думая о матери.

Билл сказал:

— У меня есть лишний билет на концерт Грейс и Эммы сегодня вечером. Приходи, не пожалеешь. Поверь мне, это будет настоящая комедия.

— Мне опять звонила Дотти Конаста. У нее есть пара вопросов, на которые она хочет получить ответы, прежде чем подписать контракт. Я собирался заскочить к ней.

Билл ухмыльнулся.

— Ты ведь еще не встречался с ней, верно?

— Нет. А в чем дело?

— Я был у нее два дня назад, чтобы обсудить планы пристройки. Но она сказала, чтобы я не торопился. Она хочет, чтобы ее муж тоже послушал нас.

— Ну и что?

— Ее супруг уже давно покоится в урне. От этого дела за милю разит эксцедрином [\[4\]](#).

Зазвонил телефон Майка. Наверняка это Теста. Этот парень готов сегодня из штанов выпрыгнуть.

Но это был не Теста. Звонила Роза Жиро, мать второй жертвы Джоуны, Эшли Жиро.

В сообщении об исчезновении Сары содержалось упоминание и о Джоуне, о том, что он раньше был священником, а также о том, что он имеет какое-то отношение еще к двум девочкам, и все это попало на страницы газет и экраны телевизоров. Роза Жиро, приветливая и полная, словно пляжный мяч, крашенная блондинка, прикатила в Белхэм, чтобы предложить свою помощь и утешение, равно как и помочь им избежать ошибок, которые наделали они с мужем во время расследования исчезновения Эшли. Именно Роза объяснила им важность прессы в поддержании интереса ко всей этой истории. Джесс приняла ее с распростертыми объятиями. А Майк поначалу старательно избегал.

Просто весь опыт Розы, ее благонамеренные советы и молитвы, желание обнять, утешить и разделить с ними каждый всплеск эмоций беззвучно кричали о том, что Сара больше не вернется домой. Стоило ему услышать нотки сожаления в ее голосе, как он выходил из комнаты под первым же предлогом. «Со мной этого не случится. Полиция найдет Сару». Неделя превратилась сначала в месяц, потом и три, потом в шесть, и только тогда Майк нашел в себе силы заговорить с Розой.

— Я позвонила, чтобы узнать, как у тебя сегодня дела, — сказала Роза.

— Ничего, справляюсь. А у тебя?

— В том же духе.

— Как там Шон?

Помимо звонков накануне дня рождения Сары и периодических нерегулярных разговоров в течение года, Роза писала Майку длинные письма, подробно рассказывая о жизни своей семьи и трех ее остальных детей, словно для того, чтобы уверить себя — или, может быть, показать ему, — что можно взять себя в руки и жить дальше.

— Этой осенью Шон поступает на медицинский факультет Гарварда.

— Вы со Стэном наверняка гордитесь им.

— Да. Да, конечно. — Голос Розы звучал отрешенно, хотя, не исключено, она просто устала. — Я прочла статью в «Глоуб» за прошлое воскресенье.

Репортер обмолвился, что собирается взять интервью у Розы, а если получится, то и у Сюзанны Ленвиль. Читая статью, Майк отметил, что Эшли Жиро и Каролина Ленвил удостоились лишь нескольких строчек; Эшли Жиро пропала шестнадцать лет назад, а Каролина Ленвиль — двадцать пять. Мать Каролины, Сюзанна, развелась десять лет назад, вышла замуж во второй раз, сменила фамилию и исчезла. Она не давала интервью и никогда не обсуждала то, что когда-то случилось с ее дочерью.

— Я прочла насчет тебя и Джесс, — продолжала Роза. — Сколько вы уже живете раздельно?

«С того момента, как я вернулся домой и сказал, что Сара не съехала с горы».

— Около двух лет, — ответил Майк.

— У нас со Стэном тоже был кризис. Мы обратились к семейному психиатру, и это помогло, правда. Собственно говоря, у меня под рукой список психологов, которые как раз и специализируются...

— Уже поздно. В прошлом месяце мы подписали бумаги о расторжении брака.

И он, кстати, не жалел об этом. Господь свидетель, нисколько не жалел. После всего, что ей пришлось пережить из-за него, она заслуживала шанса на новую жизнь.

— Мне очень жаль, Майкл.

Телефон Майка пискнул, сообщая о том, что звонит кто-то еще. Он взглянул на экран. Вызов пришел из церкви Святого Стефана.

— Роза, у меня намечился еще один разговор. Я могу перезвонить тебе позже?

— Я буду дома. Последний вопрос: насчет рака — это правда?

— Боюсь, что так.

— Полиция допрашивает Джоуну?

— Кажется. — Хотя об этом Майк узнал вовсе не от полиции, а от репортера, который написал статью. — Роза, как только я что-нибудь узнаю, сразу же тебе перезвоню.

— Спасибо, Майкл. Да хранит тебя Господь.

— И тебя тоже, Роза. Спасибо, что позвонила. — Он нажал кнопку «Разговор» и переключился на входящий вызов. — Алло?

— Майкл, это отец Коннелли.

Голос отца Джека пробудил в нем череду воспоминаний: запах пива и жареного арахиса, которым пропахла арена «Бостон Гарден», когда они смотрели игры «Селтикс» в зените их славы, и Берд, МакГейл и Пэриш вели их к очередному чемпионскому титулу; Джесс в свадебном платье, идущая по проходу церкви Святого Стефана; отец Джек, пришедший в Центральную клиническую больницу штата Массачусетс, чтобы навестить Сару; отец Джек, совершающий обряд крещения Сары.

— Не знаю, может быть, это меня не касается, — начал отец Джек, — но Джесс только что ушла от меня. Она... она очень расстроена.

— Что случилось?

— Сегодня у меня не было других встреч. Не представляю, что привело его сюда.

Майк крепче стиснул трубку телефона.

— Она вышла из моего кабинета и увидела его в приемной, — пустился в объяснения отец Джек. — Я попробовал успокоить ее, попытался пригласить обратно в свой кабинет и

закрыть дверь. Я сказал, что сам отвезу ее домой, но она выскочила, прежде...

— Почему Джоуна пришел туда?

— Я не знаю номер мобильного телефона Джесс. Иначе уже перезвонил бы ей.

— Вы собираетесь отвечать на мой вопрос или будете уваливать?

Отец Джек вздохнул. На другом конце линии воцарилась долгая тишина.

— Так я и думал, — сказал Майк и повесил трубку.

Последний раз Майк был в Роули примерно полтора года назад, на похоронах матери Джесс. После завершения церемонии прощания Джесс поблагодарила его и пригласила в дом. Он согласился, отчасти из уважения к Джоди Армстронг, но больше из-за Сары. Примерно в это время его воспоминания начали тускнеть. Может, если он своими глазами увидит дом, где Сара провела столько уик-эндів и каникул, то это стимулирует ту часть его сознания, которая отвечала за сохранение ее образа.

Шел легкий снежок, когда Майк въехал на подъездную дорожку Джесс. Он заглушил мотор, взял лежавшие на пассажирском сиденье цветы, вылез из кабины и рысцой побежал по дорожке. Поднявшись на крыльцо, он уже собрался открыть наружную дверь и войти внутрь, как вдруг вспомнил о своем новом статусе в ее жизни. Он закрыл дверь и нажал кнопку звонка. Мгновением позже передняя дверь резко распахнулась.

Сначала — длилось это, правда, долю секунды — он даже не узнал ее. Джесс сделала себе мелирование, коротко подстриглась, и сейчас ее пушистые волосы торчали в разные стороны, словно она спала и только что проснулась. Хотя выглядела она совсем по-домашнему — на ней были серые армейские брюки и белая рубашка, — у него вдруг появилось отчетливое ощущение, что она ждала кого-то другого. Улыбка на ее лице сменилась гримасой удивления, может, даже легкого шока, когда она увидела его на пороге с букетом цветов в руках.

— Мне позвонил отец Джек, — сказал он.

Джесс опустила взгляд, открывая наружную дверь.

— Я пытался дозвониться тебе на мобильный, а потом и сюда.

— Я отключила телефон и вышла прогуляться, — сказала она, — и вернулась всего несколько минут назад. Заходи.

В прихожей было тепло и непривычно тихо — не работали ни радио, ни телевизор. И явственно пахло соусом дня спагетти. Майк вспомнил, какое удовольствие она получала, готовя это блюдо, — еще бы, ирландка самостоятельно готовит домашний соус из подручных ингредиентов. На выложенном белой плиткой полу, у лестницы, стоял и два черных чемодана, которые он подарил ей на Рождество сто лет назад.

Джесс закрыла дверь. Майк протянул ей цветы.

— Каллы... — сказала она. Это были ее любимые цветы. — Они очень красивые.

— Я просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке.

Зазвонил телефон.

— Извини, я сейчас, — сказала она, и Майк смотрел, как она вошла в кухню, положила цветы на стол и сняла радиотелефон с базы на стене.

Исповедь. Вот единственная причина, по которой Джоуна отважился бы зайти к отцу Джеку. Несмотря на свой статус лишенного духовного сана лица, Джоу на по-прежнему оставался набожным католиком — Майк слышал, что Джоуна неизменно приходит на воскресную мессу в церковь Святого Стефана, которая начинается в шесть утра.

Приготовление к похоронам можно было уладить по телефону, посему тот факт, что Джоу на пожаловал собственной персоной, мог означать только одно — он хотел получить отпущение грехов. По телефону этого не сделаешь.

Но если Джоуна явился вот так, без приглашения, значит, он прекрасно сознавал, что

ему осталось всего несколько дней.

Или часов.

— Разумеется, я понимаю, — прошептала на кухне Джесс. Она взяла бокал с вином и сделала большой глоток. — Со мной все в порядке, честное слово. Не волнуйся на этот счет.

Этот тон Майку был хорошо знаком. Джесс разозлилась, но не хотела, чтобы человек на другом конце линии догадался об этом.

— Встретимся в аэропорту... Да, я тоже. Пока.

Джесс повесила трубку и вышла обратно в прихожую, изо всех сил стараясь скрыть разочарование.

— Надеюсь, ты едешь куда-нибудь в теплые края, — заметил Майк, кивая на чемоданы.

— Пять недель в Париже, а потом — Италия.

— Едешь с кем-нибудь из сестер?

— Нет, — с напряженной улыбкой ответила Джесс. — С другом.

Вот, значит, как. Судя по тону, этот «друг» был ее кавалером или даже чем-то более серьезным.

— Рад за тебя, — совершенно искренне сказал Майк. Джесс, похоже, явно испытывала неловкость, поэтому он сменил тему. — Твоя мать всегда мечтала побывать в Италии.

— Мама мечтала о многих вещах. На прошлой неделе я разбирала вещи в спальне для гостей и нашла конверт под полом. Угадай, что в нем было? Облигации, выпущенные еще в пятидесятые годы. Их там целая стопка. Она уже три раза могла выкупить этот дом со всеми потрохами.

— Твоя мать всегда боялась, что новая Великая депрессия начнется со дня на день.

— Она накопила кучу денег, и для чего? — Джесс глубоко вздохнула и покачала головой. — Я приготовила лазанью. Может, пообедаешь со мной? Сразу говорю, что ты не отвлекаешь меня от дел.

По ее тону Майк заключил, что она действительно хочет, чтобы он остался. А вот он отнюдь не горел желанием обедать с бывшей женой и вновь возвращаться к прежней жизни, пусть даже ненадолго. Он начал мысленно подыскивать подходящий предлог, чтобы отказаться, но тут какая-то часть сознания напомнила ему, сколько раз Джесс забирала его мертвецки пьяным из бара МакКарти, убирала его блевотину и осколки стаканов, кружек и тарелок, которые он швырял в стену, потому что был пьян, страшно боялся за Сару и видел, как его брак разваливается на глазах, а он не может ничего с этим поделать. И не стоит забывать о том, что она осталась с ним, когда по всему выходило, что они могут лишиться дома, а все их сбережения пошли на оплату залога и гонорары адвокатам. У Джесс была масса причин отойти в сторону и предоставить его самому себе, но она не сделала этого. Она осталась с ним и, хотя могла претендовать на половину всего, что у них было, при разводе попросила всего лишь о двух вещах: сделать копии фотографий и видеопленок, на которых была снята Сара, и отдать ей вещи ее матери.

— С удовольствием, — сказал он.

На плите стояло блюдо с лазаньей, а на кухонном столике красовались два бокала, откупоренная бутылка красного вина и две тарелки. Джесс явно ждала гостей.

Майк снял куртку и повесил ее на спинку стула, а Джесс занялась тарелками. Окно над кухонной раковиной выходило на застекленную веранду, и со своего места Майк видел гигантский игровой комплекс «Джунгли», который подарила им Джоди, когда Саре исполнилось два годика.

— Как работа? — поинтересовалась Джесс.

— Хватает, как всегда. А ты по-прежнему работаешь секретарем в этой аудиторской фирме в Ньюберипорте?

— По-прежнему. Можешь не верить, но платят они больше, чем учительнице в школе. Кстати, политкорректность требует называть мою должность «офис-менеджер». — Она улыбнулась, протягивая ему тарелку, а потом открыла холодильник и достала оттуда запотевшую банку колы.

Джесс уселась за стол, взяла льняную салфетку и расстелила ее на коленях. Взявшись было за вилку, она отложила ее.

— Он открыл мне дверь и придержал ее.

Майк потер затылок и шею.

— Он просто стоял и смотрел на меня... и гадко улыбался. «Вы очень хорошо выглядите, миссис Салливан. Должно быть, жизнь в Роули пошла вам на пользу». А потом он открыл передо мной дверь. Я выскочила оттуда, не чуя под собой ног.

— Почему ты мне не позвонила?

— Чем бы ты мне помог?

— Я мог бы отвезти тебя домой.

— Если бы ты заехал на парковку, то нарушил бы условия своего испытательного срока. Джоуне достаточно было увидеть тебя в окно кабинета отца Джека, и тебя бы моментально упекли в тюрьму. Такое вот у нас замечательное законодательство.

— Мне очень жаль, Джесс. — Майк не совсем понимал, за что извиняется: то ли за ее встречу с Джоуной, то ли вообще за все.

Она небрежно отмахнулась, давая понять, что уже вполне пришла в себя.

— Как, по-твоему, для чего Джоуна приходил туда? — поинтересовался он.

— Тебе лучше спросить об этом отца Джека.

— Я пробовал, но он не захотел отвечать..

Джесс взяла бутылку и налила себе вина. Характерное бульканье напомнило ему о том, как льется виски в стакан с кубиками льда и как, бывало, он не мог дождаться вечера, чтобы попасть домой и ощутить в животе приятное жжение.

Она заметила, что он смотрит на бутылку.

— Я тоже могу не пить.

— Все нормально. А для чего ты ходила сегодня к отцу Джеку?

— Чтобы попрощаться. — Она поставила бутылку на стол и сцепила руки. — Я уезжаю.

— Куда?

— В Нью-Йорк.

Майк отложил вилку, чувствуя, как в душе зашевелился страх.

— Один знакомый — собственно, знакомый одного моего знакомого — переносит свой бизнес в Японию, — пояснила Джесс. — Ему принадлежит замечательная квартира в Верхнем Ист-Сайде, и он сдает ее мне на несколько месяцев. Там очень красиво. Грех не воспользоваться такой возможностью.

— Наверное, это дорого.

— Точно. Но у меня есть деньги, которые оставила Мама, а теперь еще и облигации. Квартира находится на пятнадцатом этаже, и из нее открывается прекрасный вид на город. Очень красиво.

«Да, ты уже дважды упомянула об этом».

Он спросил:

— А почему Нью-Йорк? Почему не Сан-Диего? Там живет твоя сестра с детьми.

Джесс помолчала и облизнула губы.

— Тебе никогда не хотелось сорваться с места и начать все с нуля там, где тебя никто не знает?

— Конечно, я думал об этом.

«В ту ночь на Холме я отчаянно желал этого», — мысленно добавил Майк.

— Ну и почему же ты этого не сделал?

Он снова взял в руку вилку и задумался.

— Как-то утром, наверное, месяцев через шесть после того, как твоя мать переехала сюда, мы с ней пили кофе. Я еще сказал, что мне очень нравится этот дом, а она ответила: «Здесь нет воспоминаний, одно эхо». Я навсегда запомнил ее слова.

— Дело не только в том, что люди оглядываются тебе вслед, — сказала Джесс. — Когда умер мой отец, он оставил ей два полиса страхования жизни и кругленькую сумму, так что маме не о чем было беспокоиться. Она и дом этот купила в расчете на меня, полагая, что Рэйчел и Сьюзен будут рядом и у нее появятся внуки. Но потом Рэйчел уехала, а Сьюзен... Словом, она никогда особенно не хотела иметь детей, так что после исчезновения Сары мама... просто продолжала мечтать о другой жизни. Я не хочу стать похожей на нее. Все время бояться, потому что я хотела, чтобы все было по-другому. Ты меня понимаешь?

— Конечно.

— Ты будешь продавать дом?

Майк пожал плечами.

— Когда-нибудь.

— Она больше не вернется, — мягко сказала Джесс.

Он поднес к губам баночку с колой и сделал большой глоток, чувствуя, как она обожгла ему пищевод. Он злился, но не понимал почему. Злость была вызвана отнюдь не ее замечанием о Саре или продаже дома. Она уже говорила об этом раньше, так почему же он злится именно сейчас?

Все дело в Нью-Йорке. Рвалась последняя ниточка, соединявшая его с Сарой.

Майк опустил баночку на стол и потер логотип большим пальцем.

— Ты видишь ее?

— Я не забыла ее. Я думаю о ней постоянно.

— Я имею в виду, когда ты закрываешь глаза, ты представляешь ее такой, какой она стала сейчас?

— Я помню Сару такой, какой она была.

— А я больше не вижу ее лица. Я слышу ее голос, я помню все, что она делала и говорила, но ее лицо остается размытым пятном. Раньше со мной такого не бывало.

— Когда ты пил.

Майк кивнул. Выпив, он ложился на кровать Сары, закрывал глаза и ясно видел ее как живую, и они вдвоем вели длинные и потрясающие разговоры.

Джесс сказала:

— Сегодня я была в книжном магазине, и какой-то малыш, лет четырех, не больше, стоял в очереди, держа в руках книжку «Дайте дорогу утятам». Помнишь, как ты в первый раз прочитал ей эту сказку?

— Саре тогда было около трех. Ты подарила ей эту книжку на Рождество. Она стала ее

любимой.

— После того как ты в первый раз прочитал ее ей, Сара умоляла нас отвезти ее в Бостон, чтобы посмотреть на утят, помнишь?

Майк почувствовал, как его губы раздвигаются в улыбке. Он вспомнил разочарование Сары, когда она узнала, что лодки в форме лебедей в Центральном парке не были настоящими лебедями. И как это разочарование сменилось слезами, когда Сара увидела бронзовую скульптуру мамы-утки с утятами. Это — не утки из сказки, папочка. Эти утята не настоящие. А на обратном пути домой Сара придумала объяснение: Я знаю, почему утята сделаны из металла, папочка. Это чтобы люди не могли сделать им больно. Дети садятся на спины маме-утке и утятам, а если бы у меня на спине целый день сидели люди, то она бы сильно болела. Днем они сделаны из металла, чтобы им не было больно. Л по ночам, когда все лежат в своих кроватках и спят, они превращаются в настоящих уток и идут плавать в озеро вместе с настоящими лебедями. Сара сидела на заднем сиденье «эксплорера», рассказывая ему об этом. Стекло было опущено, и встречный ветер трепал ее светлые волосы, бросая их ей в лицо, и на Саре была белая панама и розовый сарафан, которые подарила ей на день рождения мать Джесс. Сара уже посадила на платье шоколадное пятно.

Лицо Сары вновь расплылось и стало таять.

«Нет, Сара, пожалуйста. Не бросай меня!»

Фрэнсис Джоуна сидел во главе обеденного стола, прижимая к лицу кислородную маску. Глаза и щеки у него ввалились, кожа пожелтела и туго обтянула кости, а черный свитер болтался на нем, как на вешалке. Его некогда седые волосы выпали окончательно.

Худенькая брюнетка с коротко подстриженными каштановыми кудряшками, разделенными на прямой пробор, поставила перед ним стакан воды с соломинкой, и Джоуна кивнул ей в знак благодарности, а костлявые пальцы его свободной руки потянулись через стол и накрыли ее ладонь.

«Наверняка частная сиделка или социальный работник из хосписа», — подумал Майк. Мать Джесс сражалась с раком легких, а когда стало ясно, что врачи бессильны ей помочь, Джоди предпочла умереть дома, в собственной постели. Тогда у нее поселился социальный работник из хосписа, тучный терпеливый мужчина с теплой улыбкой, чьей единственной целью было облегчить боль и страдания Джоди.

Майк сидел в своем грузовичке, припаркованном на другой стороне улицы, курил и наблюдал за тем, как Джоуна оторвался от соломинки и задышал часто и мелко.

«Разворачивайся и уезжай отсюда».

«Посмотри на него. Он может умереть в любую минуту».

«Ему достаточно сделать один звонок, и полиция упрячет твою упрямую задницу в кутузку».

«Он знает, что случилось с Сарой. Я не могу допустить, чтобы он унес это с собой в могилу».

Как представлялось Майку, то небольшое, что еще оставалось человеческого в Джоуне, та сторона его натуры, которая подвигла его сегодня обратиться к отцу Джеку и покаяться в своих грехах, еще не умерла окончательно и к ней можно было достучаться. Отец Джек не мог открыть ему того, что было сказано на исповеди, но, быть может, он настоял на том, чтобы Джоуна, дабы получить прощение, признался в том, что знает, и тем облегчил страдания жертв.

Майк открыл дверцу грузовичка, вылез и осторожно прикрыл ее за собой.

Снаружи было холодно и сыро. Он пересек улицу и свернул за угол, направляясь к калитке, ведущей к дому Джоуны. Свет на крыльце не горел. Хорошо. Он отпер калитку, распахнул ее и осторожно зашагал по подъездной дорожке к ступенькам. Поднявшись по ним, он остановился перед знакомой, выкрашенной в синий цвет дверью с овальным толстым стеклом, которое он уже видел четыре года назад.

Вот только тогда он, спотыкаясь, взлетел на крыльцо и принялся барабанить в дверь кулаком, другой рукой терзая кнопку звонка, пока дверь не распахнулась и на пороге не появился Джоуна в помятых штанах армейского образца и желтой майке, с всклокоченными со сна волосами, растерянно моргающий и еще не до конца проснувшийся.

— Где она?

— Я не имею никакого отношения к тому, что произошло с вашей дочерью, мистер Салливан. Я невиновен.

— Невинные люди не меняют фамилии и не пытаются скрыться.

— Вы пьяны, мистер Салливан. Прошу вас, идите домой.

Джоуна попытался закрыть дверь, но Майк выставил руку и не дал ему сделать этого.

— Ты скажешь мне, что случилось с моей дочерью.

— Только Господу известна вся правда.

— Что? Что ты сказал?

— Я не могу дать вам того, чего у меня нет. Я не могу вернуть вам дочь, и я не могу забрать у вас вину, которую вы испытываете оттого, что разрешили Саре самой подняться на гору.

Когда Майк пришел в себя, Тугодум Эд с напарником прижимали его к полу, а в нескольких шагах от него изломанной куклой неподвижно лежал Джоуна, распухшее лицо которого кровоточило и стало неузнаваемым. Каким образом он сумел так изувечить Джоуну, Майк не понимал до сих пор...

Зазвонил мобильный телефон, и его громкое чириканье нарушило мертвую тишину, изрядно напугав Майка. Он забыл отключить звонок и переключить телефон в режим вибрации. Он сорвал телефон с пояса, чтобы отключить, но тут же спохватился, подумав, что это может быть его офицер по надзору за условно-досрочно освобожденными лицами, и решил ответить.

— Алло, — прошептал Майк.

— Если ты прямо сейчас сойдешь с крыльца, я постараюсь забыть о том, что видел тебя, — сказал Тугодум Эд.

Майк оглядел темную улицу в поисках патрульной машины.

Тугодум Эд продолжал:

— Считаю до десяти. За это время ты должен успеть добежать до своего грузовичка.

— Он ходил сегодня исповедоваться к отцу Коннелли, — прошептал Майк. — Ты же католик. Ты понимаешь, что это значит.

— Десять.

— Меррик допрашивал его?

— Девять.

— Эд, не делай этого.

— Восемь... семь...

Папочка, ты мне нужен.

По погруженному в темноту дому прошелестел голос Сары.

— Папочка, пожалуйста.

Майк откинул простыни и выскочил в коридор. Отворив дверь в комнату Сары, он обнаружил, что она залита солнечными лучами. Сара лежала на кровати, с головой укрывшись одеялом. Он заметил, что дом стоит на льдине, которая тянулась на много миль во все стороны. Лед выглядел толстым, он мог без проблем выдержать вес дома.

Одна из подушек Сары валялась на полу. Он поднял ее и увидел, что в окно заглядывает какая-то женщина.

Это была его мать.

— Никогда нельзя полагаться на крепость льда, Майкл, — сказала она. — Ты считаешь себя в безопасности, а лед иногда ломается без видимой причины. Стоит тебе соскользнуть под воду, и уже не имеет значения, хорошо ты плаваешь или нет. Намокшая одежда утянет тебя на дно, и ты утонешь.

Сара спросила:

— Почему ты не обращаешь на меня внимания?

Майк отдернул одеяло. Он не видел ее лица, но слышал, как она заплакала, не в силах успокоиться. И тогда он положил подушку ей на лицо и надавил, а его мать стала напевать композицию «Битлз» «Неизвестно, что будет завтра», которую пела всегда, когда была расстроена...

Он проснулся. Сердце гулко колотилось в груди.

Кошмар еще не отступил, но лицо Сары вновь ускользало от него. Он крепко зажмурился, стараясь дышать глубоко и ровно, и устремился за ней в погоню. Фанг, сто тридцать фунтов живого веса, спокойно похрапывал на второй половине королевской кровати, на том месте, где раньше спала Джесс. Иногда Сара втискивалась между ними, когда ей снились кошмары. А воображение у нее было очень богатое. Каким-то образом ей удавалось убедить себя, что под кроватью у нее притаились чудовища и что единственный способ избавиться от них — включить фонарь и на всю ночь оставить его под кроватью. Майк ясно видел ее тело, закутанное в простыни, а рядом лежал фиолетовый плюшевый мишка из серии «Бини Бэйби», с которым дочка не расставалась ни на секунду. Фиолетовый был ее любимым цветом. Однажды она высыпала целую пачку красновато-лилового «Кул эйда» в стиральную машину с белым бельем, потому что хотела, чтобы вся ее одежда стала фиолетовой. Сара сунула бутерброд с арахисовым маслом в приемное гнездо видеомэгнитофона. Сара просунула руку сквозь спинку колыбельки и заграбастала его маркеры, лежавшие в ящике стола, и он видел, как она стоит в своей кроватке, показывая на стену, где был нарисован спичечный домик, раскрашенный в коричневый и фиолетовый цвета, а вокруг растет трава и светит зеленое солнце. Но вот лица дочки он по-прежнему разглядеть не мог, и это наполняло его сердце ужасом.

Майк открыл глаза и уставился в потолок.

— Я не забыл тебя, маленькая, — сказал он пустой комнате. — У папочки просто стало плохо с памятью.

Папочка.

Зазвонил телефон. Майк подскочил на месте, повернулся и взял трубку, лежавшую на прикроватной тумбочке. Фанг вскинул голову, сонно поглядел на него и зевнул во всю пасть.

— Алло!

— Я собираюсь умереть в мире, — прошелестел Джоуна. — И этого тебе у меня не отнять, понял? Ни тебе, ни полиции, ни прессе. И держись от меня подальше, иначе на п от раз я упеку тебя за решетку.

Джоуна повесил трубку.

Майк рывком отдернул руку от уха и уставился на телефон, словно тот был змеей, готовой укусить. Он начал бы-ло набирать «*69» [\[5\]](#), но потом остановился.

Условия запретительного судебного постановления были недвусмысленными: никаких контактов вообще, включая телефонные звонки. Если он сейчас перезвонит Джоуне, тот обратится в полицию, а полиция, в свою очередь, свяжется с телефонной компанией, которая предоставит им запись звонка Майка. И не имеет значения, что Джоуна позвонил ему первым. Джоуна обладал этой свободой и этим правом, а Майк — нет.

Но почему Джоуна позвонил? Он никогда не делал этого раньше.

И этого тебе у меня не отнять.

Отнять что?

Телефон зазвонил опять.

— Майк, это Фрэнсис.

Фрэнсис Меррик, детектив, расследующий исчезновение С ары.

— Прошу прощения, что беспокою вас в такой час, — сказал Меррик, — но мне нужно, чтобы вы приехали в Парк Роби.

Сердце замерло у Майка в груди, а потом рванулось куда-то к горлу.

— Что происходит?

— Я все объясню, когда вы сюда приедете.

Въезд на Холм перегораживали два патрульных автомобиля. Посреди шоссе Ист-Дунстейбл Роуд стоял полицейский в форме, жестом подгоняя немногочисленные в этот час автомобили. Майк поставил свой грузовичок на обочине, распахнул дверцу и подбежал к полицейскому. Снег валил густыми хлопьями.

Коп оказался напарником Тугодума Эда, Чарли Рипкеном.

— Меррик наверху, — пробормотал Рип, старательно отводя глаза и тыча мимо слепящей круговерти синих и белых вспышек куда-то в сторону вершины Холма, залитой светом прожектора. — Ступай туда.

Поблизости от того места, куда еще сегодня утром Майк положил сирень, в землю были воткнуты четыре вешки, и на них трепыхалась желтая полицейская лента. Рядом стояли два детектива в штатском и о чем-то разговаривали, подсвечивая себе фонариками куда-то за ленту, на предмет, накрытый синей пластиковой пленкой.

Из снежной пелены вынырнул Меррик, держа над собой раскрытый зонт-гольф. Как всегда, его черные волосы и усы были безупречно приглажены. Стоило Майку завидеть его, как в памяти всплывал образ мужчины, увиденного однажды в церкви: грузный человек с обрюзгшим лицом, в наглаженных армейских брюках и отутюженной рубашке, идущий по проходу с корзинкой для пожертвований в руках. Даже с девятимиллиметровой кобурой на боку детектив все равно выглядел рохлей.

— Давайте-ка отойдем в сторонку, — предложил Меррик, и Майк последовал за ним к тому месту, где стояли два детектива. Один из них, в бейсболке «Ред Сокс», подтолкнул второго локтем, и оба перешли на другую сторону ограждения. На руках у обоих, отметил Майк, были латексные перчатки. Что бы ни лежало под пленкой, оно являло собой вещественное доказательство.

Меррик остановился перед ограждением. Майк встал рядом с ним под зонтик, глядя, как два детектива взялись за пленку с обоих концов, бережно стряхнули снег и откинули ее.

Он заметил розовое пятно, и у него перехватило дыхание.

Два детектива отступили, и Майк почувствовал, как и него впились три пары глаз.

Меррик сказал:

— Мне нужно знать, принадлежит ли это вашей дочери.

Розовая куртка от зимнего комбинезона Сары была наглухо застегнута под самое горло. Капюшон был расправлен и надвинут вперед, а оба рукава раскинуты в стороны. Из одного торчала деревянная палка — судя по ее виду, размером два на четыре дюйма.

Куртка его дочери была надета на крест.

«Это какая-то дурная шутка!»

В самом начале поисков, когда полиция вплотную занялась Джоуной — проклятье, даже когда Джоуна стал основным подозреваемым! — ящик электронной почты Майка оказался битком набит анонимными письмами, авторы которых утверждали, что знают, что случилось с Сарой. Среди них оказалось несколько заключенных, отбывающих серьезные сроки, которые хотели обменять информацию на смягчение приговора, но большинство писем были анонимными и явно фальшивыми. Впрочем, нашлось и несколько авторов, которые по непонятным для Майка причинам настаивали на том, что им нужно получить какой-либо предмет одежды Сары. Например, ее розовый лыжный комбинезон.

Все это была чушь собачья. Для дочки Джесс обычно покупала вещи парами, поскольку Сара принадлежала к числу тех детей, что быстро приводят одежду в негодность. И дубликат ее розового комбинезона был отправлен в лабораторию ФБР, откуда пришел отчет: его сшили на фабрике компании «Биззмаркет» из Северной Каролины; розовая модель оказалась одной из самых популярных и успешно продавалась по всему северо-востоку в магазинах типа «Уол-Март» и «Таргет».

Так что это явно была глупая выходка какого-то больного придурка, который ненавидел собственную жизнь и ради прикола приперся сюда посреди ночи и водрузил похожую куртку на деревянный крест.

Детектив в бейсболке «Ред Сокс» протянул руку в латексной перчатке и осторожно сложил капюшон, а потом и откинул его, чтобы Майк смог прочесть надпись на этикетке. Второй детектив щелкнул вспышкой фотоаппарата.

Майк подался вперед, медленно и неуверенно, словно боясь, что куртка вдруг укусит его.

На белой этикетке под воротником виднелась четкая надпись черными печатными буквами: «САРА САЛЛИВАН».

— Это почерк Джесс, — пробормотал Майк, вспоминая тот день, когда Джесс, разложив куртку от комбинезона на кухонном столе, написала имя Сары черным маркером на белом ярлыке. Тот факт, что на внутренней стороне было написано ее имя, не предавался огласке. — А карман?

Детектив в бейсболке «Ред Сокс» осторожно взял карман за кончик клапана и потянул его вверх, обнажив небольшой надрыв по шву — еще одна деталь, которая не стала достоянием общественности.

Майк даже не подозревал, что его сердце способно биться так быстро.

Закусочная «У Баззи» была открыта. В окнах горел свет, и владелица заведения, Дебби Даллал, расставляла на угловых полках замороженные десерты с сиропом. На звук открывающейся двери она подняла голову и, увидев Меррика со сложенным зонтом, за которым плелся Майк, выпрямилась. По губам ее скользнула неуверенная улыбка.

— Я как раз выставила на прилавок кофейник со свежим кофе.

— Спасибо, что вы еще не закрылись, — сказал Меррик, стряхивая снег с пальто. — Мы очень ценим вашу помощь.

— Это было нетрудно, — ответила Дебби, и, прежде чем она отвернулась, Майк успел подметить жалость, мелькнувшую в ее взгляде.

Длинный кофейный столик располагался в самом центре заведения, образуя островок напротив витрины с легкими закусками и грилем. Майк налил себе чашку кофе, вспоминая, как Дебби пришла сюда на следующее утро после исчезновения Сары. Буря на пару часов утихла, и Меррик использовал «У Баззи» в качестве временного оперативного штаба, чтобы координировать действия добровольцев, которые обходили каждый дом. Повсюду в Белхэме, Бостоне, аэропорте Логан и аэропортах Нью-Гэмпшира и Род-Айленда были расклеены цветные фотографии Сары с указанием возраста, роста и веса — все шесть лет ее жизни уместились на единственном листе бумаги размером 8x10 дюймов, в верхней части которого красовалась броская надпись крупными буквами «ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ», прямо над улыбающимся личиком Сары. Майк тогда стоял на этом самом месте, пил кофе, чтобы не свалиться от усталости, и смотрел в окно на круживший над лесом поисковый вертолет, инфракрасные детекторы которого обшаривали местность, надеясь уловить под слоем снега

исходящее от тела Сары тепло. Ищейки в это время обнюхивали все близлежащие тропинки.

Майк уселся на красный кожаный диван в одном из отдельных кабинетов у окна. Вода капала с его лица на стол. Он взял несколько салфеток и вытерся.

Происходящее казалось ему дурным сном. Куртка дочери, пропавшей пять лет назад, не может взять и появиться в одну далеко не прекрасную ночь на вершине Холма — да еще на кресте.

Меррик, держа в руках стаканчик с кофе, опустил на сиденье напротив.

— Вы как?

— До меня еще не дошло, — признался Майк. — Кто нашел куртку?

— Деб. Около девяти одна из ее холодильных установок скисла. Когда явился мастер из сервисного центра и заменил двигатель, время уже близилось к полуночи. Она пошла к своему грузовичку, увидела, что на снегу кто-то лежит, и подошла. Она решила, что человеку плохо, поэтому вернулась на Холм, села в свой грузовичок и набрала 9-1-1.

— Кто это был?

На лице у Меррика появилось странное выражение, и Майк напрягся.

— Джоуна часто гуляет по вечерам, — пустился в объяснения Меррик. — Днем он почти не выходит из дома. Как вам известно, некоторые из тех, кто узнает его, бросают в него камни или толкают — несколько месяцев назад кто-то едва не сбил его прямо на дороге. Я уверен, вы читали об этом в газетах. Вот почему он предпочитает гулять поздно вечером, закутавшись до неузнаваемости.

— И приходит туда, где похитил мою дочь, — с трудом выговорил Майк.

— У меня нет свидетеля, который бы видел, как Джоуна подбрасывает куртку и крест на вершину холма. Мы собираемся...

— Где он сейчас?

Меррик опустил стаканчик с кофе на стол, сцепил руки и подался вперед.

— Послушайте меня.

— Лучше не говорите ничего.

— Джоуна позвонил по номеру 9-1-1 за пять минут до Деб. Полиция уже ехала сюда.

— Меррик, у вас было пять лет — целых пять проклятых лет, чтобы выдвинуть против него обвинения, а теперь у вас появился и свидетель, который может подтвердить, что видел его с курткой моей дочери. Какого черта вы ждете? Чтобы Джоуна позвонил вам в дверь и сказал: «Привет, это сделал я»?

— Я понимаю, что вы расстроены.

Меррик говорил тем самым безразличным тоном, к которому прибегал всегда, особенно поначалу, когда делал вид, будто знает, что это такое — иметь детей, растить их и чувствовать, как разрывается сердце всякий раз, когда они выходят за дверь. Меррик никогда не был женат и жил один в кооперативном доме под названием «Высотка».

Приятное местечко, но ничего выдающегося.

— Вы знаете, что он звонил мне?

— Кто, Джоуна? Когда?

— Прямо перед вами, — сказал Майк и повторил слова Джоуны.

— Вы ведь не перезванивали ему, а?

— Разумеется, нет. Мне известны права Джоуны. И мы медь не хотим их нарушать, верно?

Лицо Меррика осталось невозмутимым. Можно кричать, визжать, рвать на себе волосы,

посвящать его в интимные подробности своей личной жизни, можно сломаться и расплакаться на глазах у этого парня — а он и дальше будет смотреть на вас невыразительным взглядом, как будто вы спросили, нравятся ли ему бутерброды с колбасой.

Майк больше не мог смотреть на его лицо. Он уже собрался встать из-за стола, как вдруг внутренний голос тихонько прошептал ему на ухо: «Если ты сейчас закатаешь Меррику истерику, хлопнешь дверью и уйдешь отсюда — он перестанет держать тебя в курсе расследования».

— Вам известно, что Джоуна умирает? — после короткой паузы спросил Меррик.

— Да. А вам?

— Как, по-вашему, где он скорее заговорит с нами? В тюремной камере или сидя в своем любимом домашнем кресле?

Майк потер лоб и попытался осмыслить происходящее. В закусочной было тихо, если не считать шуршания целлофана и легкого скрипа передвигаемых по полу картонных ящиков.

— Утром мы немедленно отправим куртку в лабораторию, — сказал Меррик. — Как только мне станет что-нибудь известно, я позвоню вам. А сейчас поезжайте домой и отдохните.

— Как скоро вы узнаете что-то определенное?

— Это зависит от того, насколько загружена лаборатория. Я позвоню вам, как только что-нибудь выяснится.

Чувствуя, как в груди закипает ярость, Майк сказал:

— Сегодня днем он был у отца Коннелли. Вы знаете об этом?

— Нет. Что произошло?

После того как Майк объяснил, что случилось, Меррик вовсе не выглядел удивленным. Майк понимал, что другие полицейские, такие как Тугодум Эд, следят за Джоуной, вот только он не мог говорить об этом. Если он это сделает, то признает, что нарушил условия своего испытательного срока, и отправится в тюрьму, а Джоуна будет преспокойно спать в своей постели.

— А как насчет сиделки из хосписа, которая ухаживает за Джоуной? Вы с ней разговаривали?

— Откуда вам известно, что к нему приставлена сиделка из хосписа?

— Сорока на хвосте принесла. Об этом все знают. Это правда?

Меррик кивнул.

— Да, ее призвали на помощь.

— И?

— Я прошу вас держаться от нее подальше.

— Я почему-то уверен, что ограничения моего испытательного срока не распространяются на сиделку.

— Вчера вечером кто-то позвонил в участок и сообщил, что на другой стороне улицы от дома Джоуны припаркован грузовичок. К сожалению, звонивший не рассмотрел ни лица водителя, ни номерных знаков. Если вы окажетесь рядом с Джоуной — хотя бы только для того, чтобы поздороваться, — ему достаточно снять трубку телефона и позвонить нам, и вы моментально отправитесь отбывать срок. А ведь вам грозит от пяти до восьми лет тюрьмы. И прямо сейчас я ничего не могу сделать, чтобы вмешаться.

— Парень с лучшим адвокатом всегда выигрывает, правильно?

— Благодаря О. Джею [\[6\]](#) мы стали жить в другом мире. — Меррик отодвинул в сторону

свой кофе и перегнулся через стол. На лице его появилось серьезное выражение. — Правда состоит в том, что вы мешаете расследованию.

Причем очень сильно мешаете. Когда все случилось, Джоуна охотно сотрудничал с нами, но потом появились вы, чуть не убили его, и теперь он шагу не сделает, не посоветовавшись со своим адвокатом.

Майк молчал.

— Джоуна живет взаймы. Я знаю, как получить от него то, что мне нужно, но для этого вы должны держаться как можно дальше от него, сиделки и всего этого дела. Предоставьте мне заниматься своим делом и беспокоиться о Джоуне. Возвращайтесь к своей прежней, нормальной жизни.

— У меня больше нет никакой жизни, — ответил Майк, — и я уверяю вас, что то, что от нее осталось, трудно назвать нормальным.

Бар располагался на окраине города, неподалеку от Челси, и носил весьма подходящее название «Последний приют». Заведение всегда вызывало у него в памяти черно-белый снимок, который он видел в катехизисе, еще когда учился в приходской средней школе: грешные души, которых не пускают в рай, лежат на больничных койках, и лица их искажены от боли. Они ничем не отличались от здешних постоянных посетителей, потеря иных, злых и отвергнутых людей, просаживавших свои пенсионные пособия, пособия по инвалидности и чеки на оплату социальных нужд. Целыми днями они переходили из одного бара с тусклым освещением и клубами сигаретного дыма под потолком в другой, ничем не отличавшийся от предыдущего.

Бармен был молодым парнишкой, едва за двадцать, в синей рубашке с обрезанными рукавами, выставившей напоказ татуировки в виде колючей проволоки на бицепсах.

— Стаканчик «Джека» и что-нибудь запить, — попросил Майк.

— Что именно?

— Все равно.

Один-единственный стаканчик. Это все, что ему сейчас нужно. Нормальные люди приходят домой после рабочего дня и расслабляются с помощью выпивки, которая становится для них наградой за нелегкий труд. Всего один стаканчик, чтобы успокоить нервы и заснуть ночью. Его офицер по надзору за условно-досрочно освобожденными наверняка не позвонит и не заявит к нему в такой час.

Вернулся бармен и поставил перед Майком на стойку стаканчик виски и бокал пива. Майк облизнул губы и уставился на выпивку.

«Ты жалеешь себя».

Предположим, это правда. Ну и что с того? Что плохого в том, если он пожалеет себя? И почему он должен соблюдать правила, регулирующие каждый его шаг, тогда как этот кусок дерьма может ходить там, где хочет?

Майк взял стопку и поднес ее к губам. Запах алкоголя защекотал ему ноздри.

Всего один стаканчик. Один-единственный, чтобы заснуть, и он отправится домой.

«Один стаканчик перейдет в два, три, четыре и пять, тебе станет хорошо, и ты напьешься, а потом сядешь за руль и поедешь к Джоуне. Если тебе так хочется опрокинуть этот стаканчик — пей, но, по крайней мере, будь честен с самим собой».

Майк опустил стаканчик на стойку, отцепил от пояса свой сотовый и набрал номер, который знал наизусть.

— Ты никогда не задумывался над тем, в чем разница между чистилищем и жизнью?

— Отец Джек? — спросил Билл сонным голосом. — Честное слово, я не трогал себя в неприличном месте.

— Час назад они нашли куртку Сары на вершине Холма. — Майк сделал глубокий вздох и проглотил комок в горле. — Она была надета на крест.

— Ты где?

— Смотрю на стакан «Джека» с пивом в «Последнем приюте».

— В этой дыре? Господи, Салли, если ты хочешь слететь с катушек, то, по крайней мере, мог бы выбрать для этого местечко попрличнее.

— Я видел его сегодня вечером.

— Кого?

— Джоуну, — ответил Майк и пересказал Биллу все, что случилось сегодня.

— Выходит, Тугодум Эд оказал тебе большую услугу, — заметил Билл. — Он хороший парень. Приходил навестить мою мать, когда она лежала в больнице.

Майк смотрел, как капельки влаги сбегают по запотевшей стенке бокала с пивом. На другом конце линии он расслышал нечто похожее на захлопнувшуюся дверцу машины и протяжное завывание стартера.

— Выкинь это из головы, Салли.

— Прошел уже час, а я все еще хочу убить его.

— Предоставь его старухе с косой. Оно того не стоит.

— Джесс переезжает в Нью-Йорк.

— Все уезжают из Белхэма. Кстати, сегодня вечером после спектакля я повез всех в кафе в Род-Айленде, где подают бифштексы. Помнишь его, на шоссе номер шесть? Угадай, кого я там встретил? Бам-Бама с новой подружкой. Ее зовут Надин. Ты уже встречался с ней?

— Еще нет.

— Она тупее Анны Николь Смит.

— Этого не может быть.

— Надин думала, что свинина растет в лесу, как грибы. Между прочим, следующая игра «Пэтриотс» в воскресенье отменяется. Похоже, Бам-Бам неожиданно засобирался в Аризону. Угадай зачем.

— Полагаю, не для того, чтобы поглазеть на Большой каньон.

— Посетить спа-салон. Надин хочет, чтобы Бам сбросил несколько фунтов, вот она и тащит его на неделю в спа.

На завтрак он будет есть оладьи из проростков пшеницы, заниматься йогой, принимать грязевые ванны, стоун-массаж и клизму.

Майк задумчиво крутил в пальцах стаканчик с виски.

— Влюбленные способны на самые невероятные поступки, — сказал он, думая о предстоящем переезде Джесс в Нью-Йорк, который, как он подозревал, был связан, по крайней мере частично, с новым мужчиной в ее жизни.

— Этот жирный ублюдок даже отбелил себе зубы. Я говорю ему: «Бам, тебе что, стало жалко пары баксов за пузырек корректора, чтобы раскрасить свои зубы, как ты сделал перед нашим выпускным вечером?»

Майк сухо рассмеялся.

— Видишь, как смешно. А что Надин? Она просто сидела и смотрела на меня. Клянусь я прямо-таки слышал, как в голове у нее крутится одна-единственная мысль, как канарейка в пустой комнате. Держись, Салли, я уже почти приехал.

Когда вы прибегаете к помощи средств массовой информации, все заканчивается тем, что они начинают использовать вас. Роза Жиро с самого начала вбила Майку в голову эту простую истину: «Майк, им нужны твои слезы. Это все, что их интересует. Они хотят, чтобы ты плакал для них, кричал и ругался, — они хотят, чтобы ты сломался перед камерой, и добиться этого они могут, только задавая тебе провокационные вопросы. Когда они начнут их задавать — а это произойдет обязательно, причем снова и снова, — всегда помни о своей дочери. Всегда помни о том, что за каждым идиотским вопросом стоят камеры и магнитофоны, которые передадут в эфир историю Сары и ее фотографии. Чем дольше тебе удастся поддерживать к ней общественный интерес, тем выше вероятность того, что рано или поздно, но у кого-нибудь появится нужная информация. Так что стой и терпи, потому что может настать такой момент, когда они тебе понадобятся».

В течение следующих пяти дней, чем бы Майк ни занимался и в каком бы настроении ни пребывал, он бросал все дела и снова и снова покорно отвечал на самые тупые и бессмысленные вопросы. Да, я уверен, что на вершине Холма обнаружили куртку моей дочери. Нет, я не могу объяснить, почему Джоуна позвонил по номеру 9-1-1 и сообщил об обнаружении куртки. Нет, мне неизвестно, что сейчас с курткой происходит. Нет, я не знаю, почему полиция еще не арестовала Джоуну. Мне вообще ничего не известно. Вам придется поговорить об этом с полицией. Обращайтесь к полиции. Разговаривайте с полицией.

Меррик провел две пресс-конференции — точнее, устроил дымовую завесу типа «Мы работаем над несколькими версиями» и «Никаких комментариев». Меррик не раскрывал свои карты; он не собирался ни с кем делиться имеющимися у него сведениями. А когда камеры и микрофоны исчезали и он оставался в комнате вдвоем с Майком, то и тогда обращался с ним в той же манере. Имейте терпение. Мы продвигаемся вперед. Но Меррик никогда не уточнял, насколько существенно это продвижение.

К концу рабочей недели, не имея свежих новостей, кои можно было бы смаковать, средства массовой информации впали в спячку. Они бездельничали в Белхэме, околачиваясь по большей части у дома Джоуны, надеясь застичь врасплох и сфотографировать умирающего отшельника. Иногда они приезжали к Майку и принимались барабанить в двери, надеясь на эксклюзивное интервью, — вот только его не было дома. Он с Фангом на время переселился в дом Билла. Энтони Теста заявился к нему на работу, чтобы взять очередной анализ мочи и дыхания, после чего удалился, злой и раздраженный. Майк забыл закрыть стаканчик крышечкой и случайно уронил его в портфель Тесты.

Каждое утро, с пяти до шести часов, даже зимой, отец Джек занимался бегом трусцой на стадионе Белхэмской средней школы. Майк знал об этом, потому что и сам бегал там же, чтобы поддерживать себя в форме для футбола, еще когда учился в школе. Они частенько бегали вместе, разговаривая о всякой всячине. Отец Джек, не стесняясь, запросто высказывал вслух свои мысли о Лу Салливане.

Дождливым утром пятницы Майк застал отца Джека наматывающим круги по стадиону. Священник, одетый в серые тренировочные брюки и темно-синий спортивный свитер с капюшоном, был один. Пробежав поворот дорожки, он поднял голову и увидел Майка, стоящего рядом с его спортивной сумкой, после чего перешел на шаг.

— Бросал бы ты это дело, — заявил отец Джек, кивая на сигарету в руке Майка.

— Он растлил первую девочку, но церковь замаяла ту историю.

Отец Джек остановился. По лицу его сбегали капельки пота, а изо рта вырывались клубы пара, ясно видимые и прохладном воздухе.

— Церковь перевела его в другой приход, но там пропала без вести Каролина Ленвиль, — продолжал Майк. — Мать задержалась и не успела встретить ее после школы, а Джоуна предложил подвезти ее домой. Полиция поверила ему, потому что не знала об обвинениях в растлении малолетних, но церковь помнила о них, и после того, как страсти улеглись, вы, ребята, перевели его в Вермонт, но там исчезла Эшли Жиро.

Отец Джек наклонился и достал из спортивной сумки полотенце.

— Вы держали Сару на руках, — сказал Майк. — Вы крестили ее. Вы преломили хлеб в моем доме.

— Ты хочешь, чтобы я снова повторил то, что уже говорил раньше, Майкл? Что я считаю Джоуну позором и бесчестьем? Что я стыжусь того, что сделала церковь? Что она закрыла глаза на происходящее, а впоследствии предала жертв? Ты знаешь, как я отношусь к тому, что случилось.

— Зачем Джоуна приходил к вам на прошлой неделе?

— Ты знаешь, что я не могу сказать тебе этого.

Значит, это была исповедь. А поскольку тайна исповеди оставалась нерушимой, то ни полиция, ни судьи, ни какое-либо судебное постановление не могли принудить отца Джека раскрыть ее.

Майк щелчком отправил окурок сигареты в полет и подошел к священнику вплотную.

— Клянусь, то, что вы скажете, останется между нами.

Отец Джек перевел взгляд на футбольное поле.

— Просто укажите мне, в какой стороне искать, — настаивал Майк. — Хотя бы намекните.

— Я знаю, тебе пришлось очень и очень нелегко. Но постарайся не забывать о том, что у Господа есть свой план для каждого из нас. Мы можем не понимать этого, можем даже гневаться иногда, но для каждого из нас у Него есть свой план.

— Мы не в церкви. Как насчет того, чтобы по-дружески рассказать мне о том, что я хочу знать?

— Отныне все в руках Божьих. Мне очень жаль.

Майк почувствовал, что в горле у него застрял вязкий комок.

— В этом вся штука, — пробормотал он. — Не думаю, что вы говорите искренне.

Рей Пинкертон стоял посреди кухни и, заправляя рубашку за пояс синих форменных брюк, говорил:

— Мне очень жаль, но я вынужден отказать. — У него был мягкий, почти женственный голос, который никак не вязался с крепкой, мускулистой фигурой. — У Сэмми выдалась очень нелегкая неделя.

— Я знаю, — сказал Майк.

Он ничуть не кривил душой, поскольку сам видел по телевизору, как репортеры буквально преследовали Сэмми Пинкертона всю прошлую неделю. Они разбили лагерь у его дома и подстерегали его у частной средней школы Святого Иоанна в Дэнверсе, фотографируя, как он спешит на занятия или мчится после их окончания к машине отца.

— За прошедшие пять лет ничего не изменилось. Обо всем, что Сэмми видел в ту ночь, он рассказал Меррику, а Меррик — вам.

— Я в этом совсем не уверен, — заметил Майк.

Пинкертон оставил его слова без ответа.

— Почему вы хотите опять поговорить с ним спустя столько времени?

А Майку просто хотелось представить Сэмми рядом с Сарой в ту ночь на Холме — и тогда, быть может, Сара станет ближе к нему. И еще — а вдруг? — если он услышит, как Сэмми рассказывает о том, что случилось, и взглянет на прошлое глазами мальчика, то это натолкнет его на новые мысли или подскажет, в каком направлении искать.

— Я не хочу показаться невежливым или что-нибудь и этом роде, — сказал Рей Пинкертон. — Я знаю, что вы и раньше просили дать вам возможность поговорить с ним, но я и тогда отказал вам. — Он вздохнул и провел рукой по бритой голове. — Знаете, он ведь винит себя в случившемся. Одно время он вообще не спал и почти ничего не ел. Я отвел его к психиатру, и он наконец пришел к внутреннему согласию, и теперь, учитывая последние события, я не могу допустить, чтобы все повторилось.

— Все нормально, папа.

Они одновременно повернулись и увидели, что в коридоре стоит Сэмми.

Глядя на Сэмми — Сэмми, который уже не был маленьким мальчиком, а превратился в шестнадцатилетнего юношу, высокого и худощавого, со стрижкой ежиком и клочьями щетины на щеках, пытающимися слиться в козлиную бородку, — Майк мысленно перенесся в то утро на холме и спросил себя, а как бы сейчас выглядела Сара. Он вдруг понял, что она могла бы пройти в двух шагах от него, и он бы ее не узнал.

Рей Пинкертон уже открыл рот, чтобы заговорить, но Сэмми опередил его:

— Честно, пап, со мной все нормально.

Вот только, судя по его голосу, это было не совсем так. И по виду тоже. Юноша явно был испуган и старательно избегал смотреть Майку в глаза.

— Я не имею к этому никакого отношения, — едва слышно прошептал Сэмми. — Я только вчера узнал о блоге Нила.

— Блог? Какой еще блог? — недоуменно переспросил Рей.

— Он похож на интерактивный журнал, — ответил Сэмми и переключил свое внимание на Майка. — Вы ведь из-за этого сюда пришли, верно?

— Я хотел поговорить с тобой о том вечере на Холме.

Сэмми оцепенел, боясь пошевелиться, и даже как будто стал меньше ростом. Сунув руки в карманы джинсов, он усталился себе под ноги.

— Нил, — проговорил Рей. — Нил Сонненберг?

Сэмми кивнул, и Рей пробормотал что-то себе под нос.

Майк стоял, совершенно ничего не понимая. Рей и Сэмми обменялись взглядами, потом Рей сказал:

— Нил живет здесь, в Белхэме. Напротив Джоуны. — Рей повернулся к сыну. — Так что там с этим блогем?

Сэмми развернулся и шаркающей походкой скрылся в коридоре. Майк услышал, как он поднимается по лестнице. Он перевел взгляд на Рея, который выглядел взволнованным ничуть не меньше сына и, похоже, точно так же хотел провалиться сквозь землю.

— Это как-то связано с Джоуной? — спросил Майк.

— Я ничего такого не слышал.

«Он лжет, — подумал Майк. — Он или врет, или утаивает что-то от меня — или и то и другое вместе».

Сэмми вернулся с ноутбуком в руках. Опустив его на кухонный стол, он вынул из телефона шнур и воткнул его в гнездо портативного компьютера. Затем включил его, и они стали ждать, пока загрузится система. Майку показалось, что даже в развороте плеч Сэмми ощущается напряжение, и он то и дело старался проглотить комок в горле.

Не прошло и пары минут, как Сэмми подключился к Интернету и вывел на экран сайт под названием «Берлога Нила». Там было полно фотографий долгового подростка с торчащими в разные стороны черными волосами, позирующего с женщинами разных возрастов на пляже, на футбольных матчах, на парковочных площадках или в «Хутерсе». Все женщины выглядели невероятно смазливymi и носили облегающую или открытую одежду, а Нил на каждом снимке улыбался голливудской улыбкой.

Сэмми дважды щелкнул на фотографии внизу, и на экране появилась заставка, требующая ввести имя и пароль. Он застучал по клавишам и нажал клавишу «Ввод».

На весь экран развернулась картинка, вверху которой красовалась надпись крупными буквами: «ОХОТА НА БАБАЯ». Майк узнал себя, кладущего букет сирени на вершину Холма, а слева от фотографии виднелся комментарий приятеля Сэмми, Нила.

— Господи Иисусе! — вырвалось у Рея.

— Я ничего не знал об этом до вчерашнего дня, — принялся оправдываться Сэмми. — Эту фотографию Нил защитил паролем, и с помощью поисковика «Гугл» ее не найти. Я и узнал-то о фотке только потому, что мне рассказал Барри Парлей и дал пароль, чтобы ее загрузить.

— И давно Нил занимается такими штучками? — Рей явно разозлился.

— Не знаю. Может быть, год. — Сэмми повернулся к Майку, умоляя о прощении или хотя бы понимании. — Богом клянусь, я говорю правду! — дрожащим голосом добавил он, уже готовый расплакаться. — Честное слово.

А Майк не сводил глаз с экрана ноутбука. Все его внимание было обращено на вторую фотографию, на которой был снят Джоуна, стоящий на вершине холма и с наслаждением вдыхающий аромат сирени, букет которой он держал в руках.

Интерактивный журнал Нила Сонненберга представлял собой хаотичное и бессвязное описание жизни Джоуны: и в котором часу тот выходил из дома, где гулял и чем занимался. Прочтя его, Майк распечатал текст с фотографиями и ушел от Пинкертонов. Сев за руль грузовичка, он набрал справочное. В списках адресов значился всего один Сонненберг. Майк уже ехал к нему, когда зазвонил его мобильный телефон.

— Вам известны условия вашего запретительного судебного постановления, — сказал Меррик. — Вы нарушите их, если приедете туда.

Очевидно, Рей Пинкертон позвонил Меррику.

Майк поинтересовался:

— И давно вы следите за Джоуной из дома мальчишки?

— Когда я что-нибудь обнаружу, то непременно дам вам знать.

— Например, о веб-сайте, верно?

— Вы читали интерактивный журнал парнишки. Там ничего нет.

— Тогда, наверное, вы не заметили фотографию Джоуны, стоящего на вершине холма с букетом цветов, которые оставил там я, и еще один снимок, на котором он бродит вокруг моего дома.

— Я вежливо просил вас не лезть в это дело, но вы упорно вмешиваетесь в ход расследования.

— Может, если бы вы хорошо выполняли свою работу, мне не пришлось бы этого делать.

— Если вы приедете туда, то отправитесь за решетку, — сказал Меррик. — Это я вам обещаю.

Чертежи пристройки Майк оставил в своем офисе, поэтому и решил заехать домой, с облегчением отметив, что репортеров поблизости не видно. Люди приходили и оставляли цветы, открытки и фотографии Сары на его передней лужайке. Он припарковался прямо и гараже, прихватив с собой мешок с корреспонденцией, которую забрал, заглянув на почту. Майк заблокировал свой почтовый ящик на следующий день после того, как Пыла найдена куртка Сары.

Часы показывали начало двенадцатого. Спать ему не хотелось, и он решил просмотреть почту. Занавески в гостиной были задернуты. Он достал банку колы из холодильника, принес из кухни мусорное ведро, включил телевизор, настроил его на канал ESPN и принялся разбирать гору конвертов, бандеролей и каталогов.

Писем от сумасшедших, утверждавших, будто это они надели куртку на крест, или заявлявших, что знают, что сделал с Сарой Джоуна, пока не было. Такие письма, если они приходили, он складывал в отдельную кучку и передавал Меррику. Большая часть писем содержала молитвенные открытки [7]или послания от экстрасенсов, как, например, вот это, написанное на розовой бумаге: «МАДАМ ДОРА, МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕДИУМ». письму прилагалась цветная брошюра с фотографией этой дамы, на которой она походила на Билла в соломенном парике. Майк скомкал письмо и отправил его в мусорную корзину в углу.

Куртка Сары все еще находилась в лаборатории. Руки в латексных перчатках подкручивали микроскопы и вставляли в них предметные стекла, собираясь выведать у находки ее тайны.

Итак, что же заставило Джоуну спустя столько времени не только предъявить куртку, но и надеть ее на крест?

Майк снова и снова задавал себе этот вопрос, но так и не смог найти на него ответа. Разумеется, это не мешало целой своре отставных криминалистов ФБР и так называемых экспертов по психологии преступников мелькать на телевидении. Вчерашняя «Геральд» со ссылкой на местное светило в области психопатических отклонений личности заявила нечто вроде того, что Джоуна по-своему, неким извращенным способом пытался дать понять полиции, что готов к разговору. Он, дескать, знает, что умирает, и посему считает своим долгом сделать признание, но вся штука якобы в том, что не может же он просто снять трубку и позвонить. Нет, его необходимо принудить к этому, и поэтому он подбросил улики и теперь ждет ответного хода полиции.

Кто-то постучал в переднюю дверь.

Майк подошел к окну, осторожно отодвинул занавеску и выглянул наружу. Нигде не было видно ни фургона, ни машины какой-нибудь телекомпании, так что это не мог быть репортер.

«Может, это Меррик?»

Стук раздался снова, и Майк вышел в прихожую. Он открыл дверь и уставился на гостя через застекленную створку.

— Вообще-то из вежливости полагается пригласить меня войти, — сказал Лу.

Майк немного подумал и отворил вторую дверь. Лу шагнул в прихожую. Майк выглянул, ища глазами машину, на которой приехал отец, но ничего не увидел. Лу что, следит за ним?

— Ты хорошо выглядишь, Майкл. Стройный, сильный и готовый на подвиги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

То же самое можно было сказать и о самом Лу. Он был и остался сухощавым и поджарым, подлость и готовая в любую минуту выплеснуться ярость словно законсервировали его. Волосы его поседели, солнце продубило кожу, но и облик Лу по-прежнему проглядывали бравада и чванство, свойственные ему еще в молодости, когда он был удачливым уличным бойцом, знающим, как ударить так, чтобы противник несколько недель не мог встать с кровати.

«Или исчез вообще, — добавил внутренний голос. — Не стоит забывать и об этом его таланте».

Майк запер дверь.

— Полиция знает, что ты в городе?

— Нет, и я был бы тебе благодарен, если бы ты сохранил мой визит в тайне, — сказал Лу. На нем был черный костюм и белая рубашка, черные лакированные туфли сверкали. — Полагаю, ты все еще корешишься с местным копом, ну, тем, который похож на Майка Тайсона в отставке? Как его там, Зуковски?

— Что тебе нужно?

— Я пришел поговорить. — Лу прикурил от золотой зажигалки, на лицевой стороне которой была выгравирована эмблема Корпуса морской пехоты. Эта зажигалка была у него всегда, сколько Майк себя помнил. Крошечное пламя на мгновение осветило лицо Лу и тут же исчезло. — Мы как и будем стоять здесь или все же присядем?

— Как по мне, так и здесь нормально.

Лу затянулся сигаретой и огляделся. Лицо его оставалось невозмутимым.

— Здесь раньше жил доктор Джексон. Вон там он устраивал партии в покер. — Он показал на гостиную. — Славный малый. Хотя никогда не мог остановиться вовремя.

— Тот самый, которого ты обработал трубой на Девон-стрит?

Лу снял с языка зернышко табака и внимательно осмотрел его.

— Я надеялся, что, учитывая обстоятельства, ты стал терпимее.

— Ты ошибся адресом. Церковь Святого Стефана в другой стороне.

Его слова не возымели никакого действия и провалились в глаза Лу, словно камешки в бездонный колодец.

— Ты знаешь, что Джоуна умирает, — сказал Лу.

— Об этом все знают.

— Я имею в виду, что он может сыграть в ящик в любую минуту. Его прикроватная тумбочка и кухонный стол завалены всевозможными лекарствами — морфином, демеролом, прозаком и тому подобным. Я удивляюсь, что этот сукин сын еще переставляет ноги.

Майк открыл было рот, но предпочел промолчать.

Лу знал о лекарствах, потому что наверняка побывал в доме Джоуны.

— Там творится черт знает что, — продолжал Лу. — Новогодние гирлянды и игрушки висят у него по всему дому — в спальне, в гостиной, везде. Фил говорил мне...

— Фил?

— Фил Дебруссио, один из телохранителей Джоуны. Их там двое. Пресса не оставляет Джоуну в покое с тех пор, как была найдена куртка Сары.

Сара. Лу произнес ее имя так, словно девочка принадлежала и ему.

— Все эти фокусы с новогодними игрушками и гирляндами называются депрессией, —

заявил Лу. — Сиделка из хосписа, приставленная к Джоуне, эта Терри Рассел, так вот, она говорит, что ее пациент умирает. Он возвращает-ся в прошлое, в счастливые времена своей прежней жизни, понимаешь?

— Это она сама тебе сказала?

— Разумеется, нет. Она не станет говорить со мной и уж, конечно, ни за что не станет откровенничать с тобой. Девчонка получила самые строгие распоряжения от Меррика не говорить тебе ни слова, как и тот парнишка со своим веб-сайтом, кстати. — Лу помолчал, давая Майку время осмыслить свои слова и уловить намеков. Он в очередной раз затянулся сигаретой. — Когда у Джоуны случается просветление, он подолгу беседует со своим адвокатом, — выдохнув клуб дыма, сообщил Лу. — Он панически боится умереть в тюрьме. Поэтому адвокат все время говорит ему, чтобы он не беспокоился об этом.

«Господи, он установил «жучки» в доме Джоуны!»

— Думаю, настало время Джоуне заговорить, — заявил Лу с беззаботной, магнетической уверенностью, и Майк сразу же вспомнил, как мать снова и снова верила словам мужа о том, что в следующий раз он сумеет держать себя в руках, не даст волю гневу и не станет доказывать свою правоту кулаками.

— Я не стану впутывать тебя в это дело, — продолжал Лу, — но если к тебе нагрянет полиция и начнет задавать вопросы, мне может понадобится алиби.

Ни единого разу Майк не вмешивался в ту, вторую, жизнь Лу. Когда он подрос, то всякий раз уходил к Биллу, если к ним заглядывал на огонек Кадиллак Джек или кто-либо еще из уголовников. Если же сбежать не удавалось, он запирался у себя в спальне и включал на полную громкость черно-белый телевизор или радио.

— Предоставь это полиции, — сказал Майк.

— Значит, ты этого хочешь?

— Они знают, что делают.

— Интересно, как, по-твоему, Джоуне удалось незамеченным выскользнуть из дома в ту ночь? — ухмыльнулся Лу, а потом добавил: — Когда в следующий раз увидишься со своим приятелем Зуковски, спроси у него, почему малый, которого они приставили наблюдать за Джоуной, спит на посту.

— Если ты вмешаешься в это дело и напортачишь, — ровным голосом пообещал Майк, — я расскажу Меррику о нашем разговоре.

В глазах Лу появилось безмятежное, отсутствующее выражение. Он шагнул вперед. В уголке рта у него дымилась сигарета, и Майк вновь почувствовал себя маленьким, а взгляд его помимо воли метнулся к рукам Лу. Он смотрел, не сожмутся ли они в кулаки, что служило верным признаком того, что ему предстоит трепка. Эти самые руки любили мать Майка, избивали ее и, в чем Майк не сомневался, похоронили ее.

— После того как в тот вечер мы столкнулись с тобой у МакКарти, на следующее утро я узнал, что ты отправил Джоуну в кому.

— Это был несчастный случай, — сказал Майк, глядя ему в лицо. — Я не собирался этого делать.

— Значит, вот что ты говоришь себе, когда смотришься в зеркало?

Майк выдержал отцовский взгляд.

— Это правда.

— Полиция, по твоим словам, прекрасно справляется с расследованием. Тогда какого черта ты поперся к Джоуне в прошлую пятницу?

— Не лезь в это дело.

— Джоуна часто разговаривает во сне. Мне немного удалось разобрать, но он несколько раз повторил имя Сары. Если передумаешь, шепни словечко Джорджу в заведении «У МакКарти». Он будет знать, как связаться со мной.

Майку было известно, что в первую пятницу каждого месяца Тугодум Эд играет в покер с приятелями из автоклуба Хайленда. Он заглянул в гараж и уже через десять минут знал, где началась сегодняшняя игра.

Майк выехал из гаража, придерживая руль одной рукой, а другой набирая номер Билла на сотовом телефоне.

— Как прошла операция? — Сегодня днем Биллу сделали вазэктомию [\[8\]](#).

— Прошло уже четыре часа, а у меня яйца до сих пор размером с мускусную дыню, — ответил Билл. — Небольшая опухоль, черт бы их побрал. Можешь привезти мне еще льда?

— Конечно. Что-нибудь еще?

— Два галлона обезжиренного молока. Грейс только что выплеснула в унитаз последний галлон — лучше не спрашивай почему. Да, и захвати упаковку «Ролэйдз». Патти готовит на ужин мясной рулет с индюшатиной.

— Ладно. Буду у тебя через несколько минут.

— Поспешу. У меня такое ощущение, будто я попал в сумасшедший дом.

Майк поехал в торговую часть города. Даже сейчас, при ярком свете дня, она производила гнетущее впечатление запустения. «Телик», мастерская, в которой мистер Демпсон чинил видеоманитфоны и телевизоры, был заколочен досками, став еще одной жертвой менталитета одноразовых покупок: к чему возиться с починкой, если можно выбросить устаревшую технику и купить новую и более дешевую? Обувной магазин «Кингворлд шуз» не смог предложить такой же низкой бросовой цены на свои товары и вынужден был закрыться. Два года назад пожар уничтожил ледовый каток, на котором Сара отпраздновала несколько своих дней рождения, а заодно и пустующий магазин по соседству, «Кусяк фабрикс» (некогда на нем красовалась горделивая вывеска «Наш магазин пользуется всемирной известностью с 1912 года»). Старый кинотеатр «Стрэнд», куда он ходил с матерью и куда водил Сару посмотреть «Инопланетянина», ожидал сноса. Единственным уцелевшим зданием оставалась публичная библиотека. Лу, когда у него случались приступы великодушия, ездил туда, и Майк сидел с отцом на ступеньках, слушая, как тот рассуждает о том, что если к его жизни добавить время, проведенное им в ожидании женщин, то он прожил бы никак не меньше ста лет.

Бакалейную лавку «Колетт grosери» ждала такая же печальная участь. Уже в следующем году она должна была превратиться в один из огромных сетевых супермаркетов с аптекой и фотолабораторией. Вокруг изменился не только пейзаж, но и сама атмосфера, но никому, похоже, до этого не было дела.

Майк решил, что, раз уж оказался здесь, нужно купить кое-какие продукты. Он покатил тележку в молочный отдел, где заприметил отца Коннелли, одетого в джинсы и толстовку. Священник увлеченно рассматривал йогурты. Майк спросил себя, а не повернуть ли назад. Слишком поздно. Отец Джек увидел его.

— Майкл.

«Почему он нервничает? И почему смотрит мне за спину?»

Майк обернулся.

Фрэнсис Джоуна указывал на картонную упаковку апельсинового сока, другой рукой опираясь на трость. Рядом с ним стояли два верзилы в штатских костюмах — телохранители,

здоровенные широкоплечие ребята. Один из них, с наголо бритой головой, подхватил упаковку и водрузил ее на тележку. Второй, пониже ростом, коротко стриженный, с бриллиантовой сережкой в ухе, в упор смотрел на Майка.

— Уходите, мистер Салливан, — сказал Ежик. — Вы знаете правила.

Майк не пошевелился, глядя, как Джоуна отвернулся от упаковок с апельсиновым соком и отнял от лица кислородную маску.

— Ты слышал, что тебе говорят, — прохрипел он. — убирайся.

В памяти у Майка всплыло испуганное лицо Сары, для которой мир вокруг превращался в размытое пятно, когда она теряла свои очки, и он представил, как она кричит, и ужасе отодвигаясь от жадных рук, которые тянутся к ней.

— Ты нарушаешь условия испытательного срока, — заявил Джоуна. — У меня есть сотовый телефон и свидетели. Правильно, отец Коннелли? Ладно, Чаки, звони.

Отец Джек схватил Майка за плечо.

— Предоставьте его Господу, — прошептал он.

Джоуна облизнул губы. Глаза его блестели.

Реджи Демпсон по-прежнему жил в большом фермерском доме, где вырос вместе с тремя сестрами и матерью, Полоумной Элис, которая заставляла детей спать с металлической фольгой на голове, чтобы НЛО, кружившие над домом по ночам, не могли прочесть их мыслей. Машина Тугодума Эда, «Хонда Аккорд» цвета «брызги шампанского», стояла на подъездной дорожке.

Без четверти десять Майк припарковался на другой стороне улицы, заглушил двигатель, достал непечатую пачку «Мальборо», закурил и стал ждать.

Когда пачка опустела наполовину, в десять тридцать из дверей дома Демпсона вышел Тугодум Эд, задержавшись на ступеньках, чтобы попрощаться с Реджи. Майк завел мотор и опустил окно в тот самый миг, когда Тугодум Эд подошел к своей машине.

— Это не слишком хорошая идея — садиться за руль пьяным, офицер Зуковски. Позвольте подвезти вас домой.

— Поговори с Мерриком, — огрызнулся Тугодум Эд, открывая дверцу.

— У вашего начальника нет привычки отвечать на телефонные звонки.

— Может, он боится, что в следующий раз ты все-таки вышибешь Джоуне мозги.

— Значит, у Меррика все-таки есть что-то на Джоуну.

— Это сказал ты, а не я.

— Да ладно тебе, Эд, я просто хочу быть в курсе. Вы уже должны что-нибудь знать.

— Я уже ответил тебе: поговори с Мерриком.

— Я слышал, что парень, которого вы отрядили наблюдать за домом Джоуны, спит на посту, — сказал Майк. — Надеюсь, пресса еще не пронюхала об этом.

Тугодум Эд выпрямился, неторопливо подошел к грузовичку и, положив одну руку на крышу, наклонился к окошку.

— Салли, ты мне нравишься. Я всегда считал тебя нормальным парнем и поэтому решил не сдавать тогда. Можешь мне поверить, мы копаем под Джоуну, проверяем его прошлое, в том числе и то, почему он сменил фамилию перед тем, как переехать сюда, — причем, заметь, я говорю тебе все это чисто по-дружески, а ты готов отблагодарить меня, играя Уайетта Эрпа [\[9\]](#), так, что ли?

— Я никогда не рассказывал Меррику о нашем с тобой разговоре.

— Но он знает, что проболтался кто-то из его отдела. Угадай, кому из копов засунули

тогда микроскоп в задницу?

— Сколько мне можно извиняться? Говорю тебе, я был пьян. И ты прекрасно знаешь, что больше я не пью.

— Я не имею в виду твое пьянство. Ты вроде бы прошел курс управления гневом. Как тогда понимать твое появление вчера вечером на крыльце Джоуны? Что это за фокусы, а? Там тебя ждут с нетерпением, кстати. А теперь выкладывай.

— Вы ведете наблюдение за Джоуной из дома того парнишки, правильно? Нила Сонненберга. Он организовал целый веб-сайт с фотографиями.

Тугодум Эд промолчал.

— Я читал его интерактивный журнал, — продолжал Майк. — Меррик отредактировал там все или только по-||овину?

— Ни слова. Парень просто решил повыделываться перед друзьями.

— Тогда почему веб-сайт прикрыли?

— А ты хочешь, чтобы эти фотографии появились в газетах и на телевидении?

— Это продолжается уже две недели, а я ни сном ни духом.

— Меррик делает все, что в его силах, Салли. Вот тебе истинный крест.

— Я так больше не могу. Еще немного, и я просто не выдержу.

Тугодум Эд побарабанил пальцами по крыше кабины.

Пар от его дыхания клубами висел в ночном воздухе.

— Дай мне что-нибудь, чтобы я поверил, что вы, ребята, обложили его, и, клянусь, я отойду в сторону.

Тугодум Эд перестал барабанить и оперся о крышу и второй рукой.

— Слово?

— Слово.

Полицейский помолчал немного, а потом заговорил:

— Меррик привлек к делу психолога из ФБР. Они сошлись на том, что заставить Джоуну рассказать все, что он знает, можно, только предъявив ему веские доказательства. Ну, ты понимаешь — показать ему, что у него нет другого выхода.

— У него и так нет выхода. Он умирает.

— Об этом я и говорю. Как только Меррик получит свои неопровержимые доказательства, он поставит Джоуну перед выбором: или тот рассказывает нам все, что ему известно о девочках, или сдохнет в тюрьме. Как, по-твоему, что предпочтет Джоуна?

— Вы уже получили результаты лабораторного исследования?

— Только предварительные выводы. Повторяю, предварительные. Так что сейчас мы ждем окончательных результатов, и тогда Меррик возьмется за Джоуну всерьез.

— И сколько еще вы намерены ждать?

— Все зависит от экспертов.

— Хотя бы примерно?

Тугодум Эд опять немного помолчал и сказал:

— Думаю, не больше недели.

— К тому времени он умрет.

— Не каркай.

— Ты видел его в последнее время? — поинтересовался Майк, вспоминая, как Джоуна выглядел в бакалейной лавке: скелет, обтянутый кожей, на котором одежда болталась, как на вешалке.

— Все эти фильмы об экспертах-криминалистах, что показывают по телевизору, — чушь собачья. Или ты и впрямь думаешь, что можно свалить все улики на этих парней, а они тебе через час дадут результаты ДНК-теста и исследований волокон?

— А у вас есть ДНК?

— Я этого не говорил. Послушай, наша цель — заставить Джоуну заговорить, и я уверен, что мы расколем его. Наберись терпения и подожди еще немного.

Майк лег грудью на руль и уставился сквозь ветровое стекло.

— Мне это не нравится.

Тугодум Эд заметил:

— Если бы Джоуна не позвонил по 9-1-1, если бы кто-нибудь увидел, как он втыкает в землю крест или держит в руках куртку Сары, да, тогда все было бы по-другому. Может, он признался бы прямо там, на Холме. Не знаю. Мы играем теми картами, которые у нас есть.

— Я говорю о том, как все обращаются с Джоуной. Словно он невиновен.

— Мы делаем все, что можем, Салли.

Майк вновь мысленно вернулся к сцене в бакалейной лавке. Поворачивайся и уходи, сказал тогда Джоуна. И Майк повиновался, словно проститутка по вызову.

— Я хочу, чтобы он горел в аду, Эд. Поклянись мне, что этот сукин сын будет гореть в аду.

Работенку ему предложили непыльную — ухаживать за стариком, который одной ногой уже стоял в могиле. Чаки Бреслер с пеленок занимался подобными вещами, начав с должности вышибалы в баре своего отца в Саути, а уже потом перебрался в более престижные клубы на Лансдоун-стрит. Он без особого труда наловчился разнимать повздоривших пьяниц. Требовались лишь твердая рука да немного мускулов, и его слушались беспрекословно.

Почти всегда.

Проблемой были позеры. Да, конечно, вычислить их было легко — ребяташки в обтягивающих рубашках с короткими рукавами, увешанные золотыми цепями и прочими железяками, сорящие «зеленью» и с важным видом расхаживающие по бару, словно заведение принадлежит им, и напрашивающиеся на неприятности. В те времена, когда в клубах еще не стояли на входе металлодетекторы и вас не обшаривали с ног до головы переносными устройствами, эти пижоны запросто могли пронести с собой нож или даже пушку. Самому Чаки никогда не угрожали пистолетом, но однажды банда панков из Маттапана устроила разборку прямо в баре, так что, когда Чаки вмешался в драку, трое из них были уже холодными. А ему самому воткнули в спину лезвие выкидного ножа.

Врачу пришлось изрядно повозиться, чтобы починить проколотую почку. Благодарение Господу, его спасли болеутоляющие. Пока Чаки валялся в больнице, к нему в палату появился здоровенный чернокожий мужик в дорогом прикиде и заявил, что на него произвела большое впечатление сноровка, с которой Чаки управился с приснопамятными разборками в клубе. Мужика звали Букером, и он владел частным охранным агентством в деловой части Бостона. Тебя интересует постоянная работа, достойный заработок, оплачиваемый больничный, отпуск и членство в дорогом спортивном клубе? Еще бы.

Это было почти десять лет назад, и за это время Чаки, которому сейчас стукнуло уже сорок три, ни разу не пожалел о своем выборе. Он ни в чем не нуждался, и его единственной постоянной белой партнершей была питбуль в юбке по прозвищу Снежок. Если в Бостон приезжали кинозвезды, рекламирующие очередное дерьмо, в котором снимались, Чаки предлагали поработать охранником во время легких и необременительных, хотя и многолюдных, светских мероприятий. Но по большей части ему приходилось служить телохранителем у клиентов Марка Томпсона, парней, вышедших под залог, которым нужна была сиделка, — вот как этому малому по имени Фрэнсис Джоуна.

С шести вечера Джоуна восседал в кресле-качалке, закутавшись в шерстяной плед и глядя в окно, выходившее на задний двор. Сейчас был уже час ночи, а он пока не собирался отправляться на боковую, по-прежнему покачиваясь в кресле и бездумно пялясь в окно. Какой смысл спать, когда знаешь, что твои дни сочтены, верно? Одного взгляда было довольно, чтобы понять — ему осталось недолго. Из его ноздрей торчали дыхательные трубки, рядом на полу стоял переносной баллон с кислородом, под прозрачной пожелтевшей кожей виднелись синие прожилки вен, а в глазах уже навечно поселилось отсутствующее выражение. Чаки столько раз приходилось видеть этот взгляд в своей профессиональной карьере, что он мгновенно распознал его.

— Хотите что-нибудь съесть или выпить, мистер Джоуна? — спросил Фил Дебруссио. Он был напарником Чаки. В таких делах всегда работают вдвоем.

Джоуна пробормотал себе под нос что-то неразборчивое.

— Простите, мистер Джоуна?

Никакого ответа. Впрочем, ничего удивительного. Джоуна предпочитал молча разговаривать сам с собой, не слыша или не обращая ни на кого ни малейшего внимания. А может, он просто молился. Любой человек на его месте, зная, что вот-вот сыграет в ящик, наверняка стер бы язык в молитвах, разговаривая с тем парнем наверху, чтобы убедиться, что его ждет теплый прием.

Вот только этот самый приятель мог молиться двадцать семь часов в сутки и все равно ничего бы не добился. После того, что он сотворил с теми маленькими девочками, его ждет куда более жаркий климат.

— Я собираюсь сделать себе бутерброд, — сообщил Фил Чаки. — Хочешь чего-нибудь?

Чаки покачал головой, и Фил поднялся на ноги, прошел по коридору и скрылся в кухне. Чаки же вернулся к статье, в которой рассматривались плюсы и минусы имплантатов для увеличения груди. Сугубо медицинская статья была интересной, спасу нет, но в ней ничего не говорилось о том, какую грудь предпочитают мужчины.

— Шейла Бреслер — ваша сестра, — слабым голосом прохрипел Джоуна.

Чаки захлопнул «Ньюсуик» и постарался придать лицу непроницаемое выражение, прежде чем взглянуть на клиента. Джоуна перестал раскачиваться. Он склонил голову набок, откинув ее на подголовник кресла-качалки, и Чаки показалось, будто эти мечтательные, отсутствующие глаза проникли ему в самую душу.

— Статья в «Глоуб», — прошелестел Джоуна. — Там шла речь о вашей сестре. Она умерла от передозировки героина.

Интервью было напечатано в «Глоуб» примерно месяц назад. Автором был один репортер из местных, решивший обсудить эпидемию героина в Саути, и Чаки ухватился за представившуюся возможность обеими руками. Ему хотелось показать всем, что его сестра была не просто конченной наркоманкой, загнувшейся в комнате дешевого мотеля.

— Я понимаю. Иногда боль оказывается такой сильной, что становится невыносимой. Господь понимает это. Он не осуждает нас, а принимает такими, какие мы есть. Не носите боль в себе. Если вы отпустите ее, Господь освободит нас. Он исцелит вас. Поверьте мне.

Чаки швырнул «Ньюсуик» на край стола и встал. Колени его щелкнули. Не говоря ни слова, он вышел из гостиной на кухню.

Фил отложил бутерброд.

— Что стряслось?

— Выйду покурить.

Чаки снял с вешалки свой темно-синий бушлат и, сунув руку в рукав, понял, что он ему мал.

Это был не его бушлат, а Джоуны.

Правильно. У Джоуны откуда-то был точно такой же морской бушлат, как и у Чаки.

Фил обронил:

— Что-то ты белый, как стенка.

— Ты сможешь сам поднять его по лестнице?

Фил прикинулся оскорбленным.

— Чаки, долларовая бумажка и то весит больше этого старика.

— Вздремни, если хочешь. Я подежурю первым.

Чаки взял свой бушлат, надел его и вышел на заднее крыльцо. Потом, когда он будет

лежать в больнице и врачи сумеют унять нестерпимую боль, он еще успеет подумать о том, как череда самых незначительных событий может сложиться в торпеду, которая к чертовой матери взорвет устоявшийся порядок твоей жизни.

Вызванный морфином психоз. Джоуна не помнил простых вещей, например, куда он положил свои очки и ключи, зато с легкостью мог вызвать в памяти воспоминания о детстве или статье в журнале месячной давности. Очень странно. Впрочем, Чаки уже приходилось сталкиваться с этим раньше. Когда рак груди у Труды, его мачехи, вступил в последнюю стадию, она иногда не могла вспомнить, кто он такой. А потом, ни с того ни с сего, вдруг начинала без запинки перечислять ингредиенты рецепта, который вычитала сто лет назад в «Книге о вкусной и здоровой пище». Морфин вырывал отдельные воспоминания, перемешивал их в кучу и создавал некое подобие памяти.

Слава богу, ночной воздух был прохладным, сладким и чистым. Стоит провести хотя бы час в этом доме с закрытыми окнами, когда плинтусное отопление разогревает все чихи и кашли Джоуны, и начинаешь ценить свежий воздух. Сейчас здесь было тихо, на улице не теснились машины репортеров — по крайней мере, он не видел ни одной. Бесконечный поток корреспондентов ненадолго прервался и иссяк. Прошлой ночью, примерно в это же самое время, Джоуна решил прогуляться. И он опять отказался воспользоваться ходунками. Они стояли на своем обычном месте, в углу у верхней ступеньки.

Чаки наклонился, взял их и потянулся. После первой передозировки Шейла ослабела настолько, что только с их помощью могла добрести до туалета. Она испробовала все процедуры детоксикации и лечения, какие только существуют на свете, но в конечном итоге все заканчивалось иглой. Она не могла жить без укола, и Чаки знал это. В глубине души он сознавал, что это лишь вопрос времени, и рано или поздно ему придется сказать «прощай». Он начал готовиться к неизбежному заранее, полагая, что заблаговременная печаль, если можно так выразиться, смягчит боль потери, которая ждала его в будущем. Он ошибался. Когда случилось самое худшее, избежать скорби и горя не удалось. Все равно приходится выделять кусочек души, в котором хранится память об утрате, и придумывать способ, как дальше нести свою любовь к этому человеку, чтобы не утонуть в ней. Чаки Бреслер не услышал сухого шелканья зажигалки, как не увидел и вспыхнувшего огонька, зато до него донесся хруст снега под чьими-то тяжелыми шагами. Когда он вскинул голову, стеклянная бутылка уже вдребезги разбилась о перила, обрызгав бензином его лицо и одежду, и пламя поглотило его.

Самодельный «коктейль Молотова», — пояснил Меррик. — Стеклянная бутылка разбилась от удара о перила крыльца, обрызгав лицо и одежду пострадавшего. К счастью для себя, он мгновенно нырнул в снег и стал кататься по нему, сбивая пламя.

Майк загрузил ящик с инструментами в кузов своего грузовичка. Они стояли на подъездной дорожке дома Маргарет Ван Бурен в Ньютоне. Была суббота, начало второго пополудни, и Майк закруглялся, хотя мог бы работать до самого вечера.

— Но целью нападавших был отнюдь не телохранитель, — продолжал Меррик. — У него просто оказался бушлат, как две капли воды похожий на тот, что носил Джоуна. Кто-то выкрутил лампочки в светильниках с датчиками, установленных на заднем крыльце. Бреслер оказался там в полной темноте. Они с Джоуной примерно одного роста, одет он был в такой же бушлат, вдобавок и стоял он возле ходунков, так что его вполне могли принять за Джоуна. Если бы Бреслер обратил внимание на то, что освещение на крыльце не зажглось, он сейчас не боролся бы за жизнь в ожоговом отделении Центральной больницы штата Массачусетс.

Майк с лязгом закрыл задний борт.

— Мне неприятно задавать вам этот вопрос, — заявил Меррик, — но я должен знать, где вы были прошлой ночью.

— Что там с курткой моей дочери?

— Она все еще в лаборатории. Мы ждем результатов.

Майк вытащил из кармана ключи. Голос Меррика неприятно зудел ему в уши.

— Значит, вы ничего не знаете.

— Пока не знаю, — уточнил полицейский. — Но скоро буду знать.

Майк сдерживался из последних сил. Отчаянный крик уже готов был сорваться с его губ. Он протиснулся мимо Меррика, открыл дверцу своего грузовичка и залез в кабину. Меррик остановился рядом с опущенным стеклом.

— Я задал вам вопрос.

— Знаете, я, пожалуй, последую примеру Джоуны, — сообщил ему Майк. — Как это у вас называется? Обставиться адвокатами?

— Можете объяснить, какая муха вас укусила?

— Прошу прощения, но это — вопрос к моему адвокату.

Майк завел мотор, раздумывая, отважится ли Меррик прямо сейчас защелкнуть на нем наручники и отволочь по в участок. Тот выглядел достаточно взбешенным для этого.

— Предлагаю вам отправиться домой, — сказал Меррик. — Там вас будет ждать детектив с ордером на обыск.

— Ключ лежит под ковриком на переднем крыльце. Чувствуйте себя как дома, офицер Коджак [\[10\]](#).

Выпуск новостей по радио не обошел ночное происшествие вниманием.

— После покушения, при совершении которого, по словам полиции, убийца обознался и произошла трагическая ошибка, Чарльз Бреслер, один из двух телохранителей, приставленных к Фрэнсису Джоуне, находится в критическом состоянии. Он получил ожоги кожных покровов третьей степени и дыхательных путей в результате взрыва зажигательной бомбы. Фрэнсис Джоуна, бывший священник, которого полиция считает причастным к

исчезновению трех маленьких девочек, последней из которых стала Сара Салливан из Белхэма...

Майк выключил радио и так крепко стиснул рулевое колесо, что у него побелели костяшки пальцев. Чертов Меррик! Этот малый преследует его, приезжает к нему на работу, требуя ответа на свои дурацкие вопросы и рассчитывая, что Майк бросит все дела, чтобы сделать ему приятное, а сам лжет насчет лабораторного исследования.

И как там Джесс? Сейчас она должна уже знать о том, что здесь происходит. Историю с обнаружением куртки Сары упомянули все средства массовой информации — и газета USA Today, и CNN. Ведь в Париже продается USA Today, правильно? А CNN есть наверняка, тем более что эту историю последние два дня повторяют все выпуски новостей. И даже если Джесс не читает газет и не смотрит телевизор, кто-нибудь из ее подруг должен знать, что происходит, и она непременно позвонила бы ей в Италию, или где она там проводит медовый месяц со своим новым ухажером.

Майк остановился на светофоре. По спине под рубашкой сбегал пот, во рту пересохло. На другой стороне улицы виднелся бар. Майк как замороженный уставился на неоновую вывеску и большое черное окно, выходящее на улицу, но тут у него в кармане зазвонил телефон. Это был Тугодум Эд.

— Ты что, совсем рехнулся?

— Ты тоже думаешь, что это я бросил бутылку?

— Это ты мне скажи. Это ведь ты вел разговоры о том, что Джоуна должен гореть в аду.

— Знаешь что, Эд... А не пошел бы ты куда подальше!

— Тогда что за фигню я слышу насчет того, что ты вдруг пожелал обставиться адвокатами? Меррик только что звонил сюда, чтобы получить ордер на обыск.

— Меррик приперся ко мне на работу и начал задавать вопросы насчет того, где я был вчера ночью.

— Правильно. Это называется полицейским расследованием, Салли. Кто-то пытался превратить Джоуну в свечной огарок, но ошибся адресом. Учитывая историю ваших взаимоотношений, ты стал тем, кого мы называем главным подозреваемым.

Майк плотнее прижал к уху телефон, утапливая в пол педаль газа.

— Я от вас в восторге, ребята. Выходит, по первому вашему требованию я должен бросить все и отвечать на вопросы, но стоит задать вопрос мне, как вы ведете себя так, словно языки проглотили.

— Салли, мы с тобой это уже проходили.

— Я спросил Меррика о результатах лабораторного анализа.

Тугодум Эд молчал.

— Я ничего не говорил ему о нашем с тобой разговоре прошлым вечером, — продолжал Майк. — Я просто хотел знать...

— Не верю своим ушам.

—.. говорит ли он правду, а Меррик, как всегда...

— У тебя большие проблемы со слухом, приятель.

— У меня есть право. Вы все время забываете, что мы говорим о моей дочери.

— Да, тут ты абсолютно прав, Салли. По-твоему, мы — никчемное собрание бессердечных уродов. Именно поэтому мы поначалу держали тебя в курсе, вот только ты взял и выбил все дерьмо из нашего главного подозреваемого, потому что счел, что мы, видите ли, плохо делаем свою работу.

— Если бы вы, парни, хорошо сделали свою работу пять лет назад, Джоуна уже сидел бы за решеткой. По крайней мере, я получил хотя бы такое удовлетворение. Но он на свободе и по-прежнему делает то, что хочет. Коп, которого вы приставили наблюдать за ним, бессовестно дрыхнет на посту, а я вынужден тратить свое время и деньги, чтобы мочиться в проклятый пластиковый стаканчик.

— Ты никогда не спрашивал себя, почему Джоуна нанял телохранителей? Почему он распорядился установить тревожные кнопки по всему дому? Или ты думаешь, что он боится нас? Или репортеров?

Кровь шумела у Майка в ушах. Он почувствовал, как вспыхнуло лицо и вздулись жилы на висках.

— Меррик приезжает к тебе на работу — приезжает сам, чтобы тебе не пришлось тащиться через весь город в участок и разбираться со всем этим дерьмом, что вывалили на страницы газет репортеры. Он делает тебе одолжение, а ты, по своему обыкновению, поворачиваешься к нему спиной да еще даешь ему пинка под зад. Нет, Салли, ты и впрямь рехнулся окончательно.

— Я рехнулся?

— Ты, ты, а кто же еще? Это ты всем недоволен. Это ты...

— Они нашли куртку моей дочери, надетую на крест, — на крест, Эд! А как бы ты вел себя, если бы человек, которого ты любишь больше жизни...

У Майка перехватило горло. Он попытался откашляться и ощутил жжение в груди. Это искала выхода его любовь к Саре. Он чувствовал, как надежда то вспыхивает, то угасает у него в душе, а потом вспомнил о куртке на кресте и понял, что с радостью отдал бы правую руку, если бы это помогло ему узнать, что стало с дочкой. Потому что знать, через что ей пришлось пройти и какой кошмар она пережила одна, без него, — лучше, чем терзаться сомнениями и жить так, как он жил сейчас.

— То, что куртку Сары обнаружили, — ведь это должно что-то означать, Эд. Я ждал целых пять лет. Все, мое терпение закончилось. Интересно, сколько бы ты выдержал на моем месте.

— Салли...

Майк отвел руку с телефоном от уха и вытер глаза рукавом. Сара по-прежнему жила у него в душе, говоря, чтобы он не сдавался.

— Салли, — повторил Тугодум Эд уже мягче, но в его голосе все еще звучало недовольство.

— Что?

— Просто скажи, где ты был прошлой ночью, и не пудри мне мозги. Договорились?

И тут Майк ощутил, как желание сражаться за Сару угасло.

— Моя собака сейчас дома у Билла, — сказал он. — Его дети присматривают за ней вот уже несколько дней. У меня в грузовике лежал собачий корм, вот я и заехал к нему, а потом вышло так, что я остался у него ночевать.

— В котором часу ты приехал к нему?

— Где-то в половине двенадцатого. Билл видел, как я приехал. Он еще не спал, играл с одной из близняшек.

— Хорошо, — сказал Тугодум Эд. — Второй телохранитель говорит, что Бреслер вышел покурить в час ночи. Это очень хорошо. Билл знает, о чем ты разговаривал со мной?

— Я дал тебе слово, помнишь?

— Подожди секунду.

До Майка донеслось невнятное бормотание, а потом на пинию вернулся Тугодум Эд. Тяжело вздохнув, он поинтересовался:

— Ты где сейчас?

— Возвращаюсь в Белхэм.

— Встретимся в автоклубе Хайленда. Ты сможешь оставить там свой грузовичок, а я отвезу тебя к нам, и ты дашь письменные показания.

— Я ведь уже сказал тебе, где был прошлой ночью.

— Я знаю, но мне только что сообщили, что телохранитель умер. Теперь мы расследуем убийство, и ты стал нашим главным подозреваемым.

Имя Саманты Эллис всегда заставляло его вспомнить счастливые и беззаботные деньки на пляже, где приходилось волноваться только о том, чтобы пиво было холодным, а музыка, звучащая из колонок, — приятной. Майк вообще никогда не встретился бы с Самантой, если бы после первого курса Джесс не решила отправиться на все лето поработать в Ньюпорт в Род-Айленде со своей соседкой по комнате и новой лучшей подругой Кэсси Блэк. Она решила, что должна познакомиться с новыми людьми, дабы понять, серьезно ли то, что происходит между ними, и не соединил ли их всего лишь страх двух подростков, приспособляющихся к взрослой жизни после школы.

В общем-то, Майк в некотором смысле даже испытал облегчение, хотя его вполне устраивал сложившийся ритм их отношений. Каждую пятницу вечером он садился за руль и через час езды прибывал в университет Нью-Гэмпшира, чтобы провести выходные с Джесс и встретиться со старыми школьными друзьями, к числу которых принадлежал и Джон «Бам-Бам» Бэмфорд. Бам получил стипендию на обучение за свои успехи на футбольном поле, и его тренер подсунул ему на лето славную работенку в качестве маляра по покраске домов, вот только парню, которому принадлежало предприятие, требовались рабочие руки. Нет ли у Бама кого-нибудь на примете?

По утрам в субботу они тащили свое похмелье на север, чтобы занять местечко на пляже Хэмптон-Бич, где правили бал неоновые бикини и накладные ногти, и пофлиртовать с девчонками, работающими барменшами и официантками — цыпочками с «Акванетом», как называл их Билл. Смешливые, вечно жующие резинку девчонки с торчащими во все стороны волосами и кучей золота — цепочки, ножные и наручные браслеты, колечки и тому подобное — обожали оттягиваться под музыку короля волосатых рокеров, Джона Бон Джови.

Все, за исключением Саманты Эллис. Сэм, как она предпочитала, чтобы ее называли, с гордостью носила свои гладкие каштановые волосы, собранные в конский хвост на затылке, и, в отличие от других девчонок, не испытывала потребности выставлять на всеобщее обозрение каждый дюйм своего тела. Она не расставалась с книгами Хемингуэя и Фолкнера и пила сухой джин «Танкерей» с тоником, в то время как ее подружки читали «Космо», «Гламур» и поглощали коктейли с названиями типа «Пронзительный оргазм» и «Холодеющие соски». Остальные девчонки терпели ее присутствие, но, стоило ей уйти, они принимались перемывать ей косточки: «Только потому, что она, видите ли, побывала во Франции и Италии и учится у Смита^[11], она считает себя лучше других. Непонятно, зачем она вообще работает — у ее родителей дом на Мартас-Виньярд». Девчонки из Саугуса прозвали Сэм «еврейской воображалой из Ньютона».

Впрочем, это была не неприязнь, а дискомфорт. Сэм не нужно было прибегать к ухищрениям макияжа или покупать модные шмотки, чтобы выглядеть хорошо, потому что она всегда выглядела прекрасно. Ей не нужно было прилагать усилий, чтобы казаться интересной, потому что с ней действительно было интересно. Одно уже присутствие Сэм напоминало им об их недостатках. Они ей завидовали. В чем они могли соперничать с ней, так это в будущей семейной жизни, попытавшись выйти замуж за парня с более высоким социальным положением. Сэм же могла позволить себе разборчивость.

В последнюю субботу июля налетел шторм, и на море поднялось волнение. Майк

отправился кататься на доске для серфинга и часом позже, обессиленный, выбрался на берег и повалился на одеяло. Подняв голову, он увидел, что остальные играют в волейбол — все, за исключением Сэм. Она сидела в пляжном шезлонге, потягивая колу и распределяя свое внимание между игрой в волейбол и закатом. Одна из девчонок завизжала. Билл стянул шорты и показал ей свои голые ягодицы.

— Посоветуй своему другу воспользоваться клерасилом, — сказала Сэм. — Он избавится от прыщей раз и навсегда.

— По-моему, ему все равно.

— Именно это мне в нем и нравится больше всего. — Сэм склонила голову к плечу и, щурясь от вечернего солнца, посмотрела на него. — А ты почему не играешь?

— Прибой слишком хорош, чтобы упустить его. А как насчет тебя? Ты не играешь, потому что боишься, что тебе покажут голую задницу?

— Мама советовала мне никогда не упускать возможность полюбоваться закатом. Никогда не знаешь, когда он станет последним для тебя.

— Ты, случайно, не ирландская католичка?

Сэм рассмеялась. Майку пришелся по душе ее заразительный смех и то, как внутри у него потеплело. И тут ему пришла в голову одна мысль, от которой в горле пересохло, а сердце учащенно забилося.

«Ни за что, — прошептал внутренний голос. — Ни за что на свете».

Но сейчас было лето. Он отдыхал и веселился, да и настроение было подходящим, так почему бы и нет?

— Закат лучше смотреть с берега, — сказал он. — Хочешь прогуляться?

— Конечно.

Она жила в Ньютоне, в городе, который у него всегда ассоциировался с деньгами и статусом. Ее родители были адвокатами, получившими образование в Гарварде, и работали в одной конторе в деловой части Бостона. Отец предложил ей попробовать себя в качестве офисного служащего. Интернатура в адвокатской фирме будет хорошо выглядеть в резюме, сказал он.

— А что привело сюда тебя? — Она и впрямь выглядела бы уместнее где-нибудь в Виньярде.

— То, что мой отец никогда здесь не бывает. А тебя?

Единственная вещь, которую Майк точно знал о себе, — он не умеет притворяться. Поэтому он сказал ей правду.

В сентябре он намеревался бросить муниципальный двухгодичный колледж и заняться строительным бизнесом, и не с кем-нибудь, а с тем самым Уильямом О'Мэлли, у которого прыщавая задница. Майку нравилось работать руками. Именно это умение позволило отцу Билла, не имея университетского диплома, обзавестись хорошим домом, несколькими автомобилями и новеньким снегоходом «Ски-Ду», который он менял каждые три года. Какой смысл влезать в долги, чтобы ходить на занятия, когда в результате получаешь работу, которая вселяет чувство неудовлетворенности и опустошения?

— Мои поздравления, — сказала она.

— С чем?

— С тем, что ты — настоящий. Что уже в возрасте восемнадцати лет ты знаешь, кто ты есть на самом деле, чего хочешь от жизни, и имеешь мужество стремиться к этому.

Большинство людей всю жизнь делают вид, что им нравится работа, которую они

ненавидят.

Через три недели они уже спали вместе. Прошли годы, но Майк все равно помнил во всех подробностях, как выглядела Сэм, когда раздевалась, а вокруг нее ветер раздувал занавески; прохладный воздух, наполненный запахом морепродуктов, долетавшим из кафешки на первом этаже; первое прикосновение, которое казалось ему ударом тока; то, как она смотрела ему в глаза в самый последний, кульминационный момент, когда от счастья у него заходило сердце, и он знал, что она делит с ним не только плотские удовольствия.

Это не должно было закончиться никогда, но все-таки закончилось в последнюю неделю лета. Джесс вернулась из Ньюпорта вся в слезах и заявила, что совершила ошибку и хочет, чтобы они вновь жили вместе. И он сказал «да».

Майк выждал, пока Сэм уедет в колледж, прежде чем сообщил ей, что между ними все кончено. Он сделал это по телефону, а когда она спросила почему, ответил, что возвращается к Джесс. Она ему не поверила. Когда же она продолжила донимать его звонками, он перестал отвечать на них. Может, он просто боялся признаться себе в том, что совместная жизнь с Джесс была удобной, знакомой и предсказуемой. И разве можно было всерьез рассчитывать на то, что кто-нибудь вроде Сэм надолго задержится рядом с рабочим парнем без диплома? Он собирался вернуться к жизни в Белхэме, а Сэм... что ж, она могла идти на все четыре стороны.

Однажды воскресным утром, около шести часов, Майка разбудил грохот — это Сэм барабанила в двери. Он стал умолять Лу, чтобы тот не вздумал открыть ей.

— Майкл, не каждый день отдаешь другому человеку кусочек своей души. Если тебе в высшей степени наплевать на это, то, по крайней мере, имей мужество посмотреть мне в глаза и объяснить почему.

Сэм прождала пять минут, после чего запрыгнула в джип и умчалась вниз по улице.

— Огонь-девка, — с ухмылкой заметил Лу. — Наверное, с ней было нелегко, а? С такими вот энергичными особами это часто случается.

— Мистер Салливан?

Женственный голос принадлежал худому как щепка молодому человеку двадцати с чем-то лет в черных брюках и черной же рубашке. Кожу его покрывал сильный загар, и, хотя Майк не считал себя знатоком в таких вопросах, его брови были или выщипаны, или подведены. Такой нот у них был странный вид.

— Здравствуйте, — сказал молодой человек, протягивая ему руку. Его пожатие было таким же твердым, как мокрая туалетная бумага. — Я — помощник Сэм. Меня зовут Энтони. Простите, что заставили вас ждать, но у нас тут сегодня небольшое столпотворение. Следуйте за мной, пожалуйста.

Майк последовал за Энтони, когда тот принялся лавировать по коридорам меж строгих костюмов и юбок. Кое-кто отрывался от книг по юриспруденции и с легким любопытством поглядывал на его одежду. Майк как раз возвращался с работы, когда в голову ему пришла одна идея. Он вспомнил две первые фамилии в названии адвокатской конторы, а терпеливая леди из «Веризона» сообщила ему все остальное.

Сэм стояла в арочном проеме своего кабинета. Она по-прежнему казалась той красивой и уверенной в себе девушкой, в которую он влюбился далеким уже летом в Нью-Гэмпшире.

Билл был прав. Она выглядела хорошо. Чертовски хорошо.

— Майкл Салливан, — проговорила она. — Сколько мы с тобой не виделись? Лет пятнадцать?

— Что-то в этом роде. Спасибо, что согласилась принять меня сразу же.

Заговорил Энтони:

— Мистер Салливан, могу я предложить вам что-нибудь выпить? У нас есть «Пеллегрино»...

— Кофе будет в самый раз, — перебила его Сэм. — Заходи, Салли.

Кабинет Сэм размерами не уступал гостиной Майка. Вдоль одной стены выстроились книжные шкафы вишневого дерева, но самым впечатляющим предметом мебели оказался стол — или даже целых полтора. Длинной он превосходил раму грузовика, и на нем уместились компьютер, принтер и факс, да еще осталось вдоволь места для ее бумаг и книг.

— Вот это да, — протянул Майк. — У тебя есть даже собственный туалет.

— С собственным душем. Вот что получаешь взамен рабочей недели в девяносто часов и полного отсутствия личной жизни.

Сэм села за стол. Майк опустился в одно из мягких кресел черной кожи перед ним. В комнату торжественно вплыл Энтони, держа в руках поднос с двумя фарфоровыми чашечками и кофейником. Поставив поднос на угол стола, он поинтересовался, не желает ли Сэм еще чего-нибудь. Она ответила отрицательно, поблагодарила его и разрешила идти домой. Энтони пожелал им доброго вечера и плотно прикрыл за собой дверь.

Сэм надела очки в черепаховой оправе и, держа в руке чашечку с кофе, откинулась на спинку кресла.

— Полагаю, это не просто визит вежливости.

— Хотелось бы мне, чтобы это было не так. Ты, наверное, в курсе последних известий.

Сэм кивнула, и лицо ее смягчилось.

— Билл рассказал о том, что случилось, когда мы случайно столкнулись, — сказала она. — Мне очень жаль.

— Куртка моей дочери лежит в лаборатории уже две недели. Но всякий раз, когда я пытаюсь разговорить детектива, работающего по этому делу, его зовут Меррик, он уходит от ответа.

— Быть может, он еще не получил результаты исследования.

— Получил. И уже давно.

— Ты уверен?

— Один человек, имеющий отношение к расследованию, рассказал мне об этом. Мой вопрос — и ради этого я пришел к тебе — заключается в следующем: имеет ли он законное право так поступать? Я имею в виду, если Меррику известно что-либо, он не может скрывать это от меня, верно?

— Начнем с того, что я не специализируюсь на уголовных делах. Я занимаюсь главным образом работами по контрактам. Слияние, поглощение и приобретение. Не волнуйся, я не стану утомлять тебя подробностями. Но я могу сказать, что формально Меррик не обязан делиться с тобой информацией. Я знаю, такое поведение кажется тебе жестоким, но детективы из отдела по расследованию убийств, как правило, начисто лишены сентиментальности. При этом они вовсе не бессердечны, и я бы сказала, что Меррик обязательно держал бы тебя в курсе, разве что у него есть веская причина не делать этого.

Его стычка с Джоуной по-прежнему не сходила со страниц газет и экранов телевизоров.

— Меррик считает, что я снова покушался на Джоуну, — признался Майк.

— Это уважительная причина для беспокойства с его стороны. Если уж строить догадки, я бы предположила, что он боится, что ты можешь развалить все дело, тогда как

его, будем говорить откровенно, интересует лишь возможность поскорее закрыть его.

— Если так, то он уже давно должен был упрятать Джоуну за решетку.

Сэм сочувственно кивнула.

Майк выставил руки перед собой.

— Извини. Я вовсе не хотел нагружать тебя своими проблемами.

— Я прекрасно понимаю твое негодование и отчаяние.

— Сэм, ты не подскажешь, как можно узнать, о чем идёт речь в отчете лаборатории?

— Тебе лучше поговорить с адвокатом по уголовным делам. Как насчет того, что занимался твоим уголовным делом?

— Он умер год назад.

Сэм ненадолго задумалась.

— У нас есть свой адвокат по уголовному праву. Его зовут Мартин Вайнштейн. Это лучший специалист в штате. Сейчас он в отпуске, но должен вернуться во второй половине недели, и я смогу ему позвонить.

Снова ждать... Майк научился справляться с бессонными ночами, волоча на себе днем, подобно кандалам, усталость и изнеможение вкупе с растущей тягой к выпивке, но ожидание сводило его с ума. Люди, подобные Меррику и Сэм, не цеплялись за последнюю надежду, как за соломинку. Они делали свое дело и уходили домой, возвращаясь к другой, настоящей жизни.

Сэм спросила:

— Можно задать тебе личный вопрос?

— Конечно.

— Почему я?

— Ты имеешь в виду, почему я обратился именно к тебе?

Сэм кивнула.

— Ты наверняка должен знать и других адвокатов.

— Ты удивишься, но больше я никого не знаю. Ты единственная. А те, с кем мне приходилось сталкиваться за прошедшие годы, — просто дерьмо.

— Это одно из условий работы.

— К тебе это не относится. Ты никогда не притворялась.

— Ты мог сказать Энтони по телефону, что тебе нужно, — сказала Сэм, — и я бы тебе перезвонила.

— Мне нужно было поговорить с живым человеком, а не с телефонной трубкой. Честно говоря, ожидание меня убивает. Билл обмолвился, что видел тебя, и я решил позвонить. Если и есть адвокат, который может мне помочь, так это ты.

Сэм сдержанно кивнула.

— У меня есть номер сотового телефона этого адвоката, но я ничего не могу обещать. Как тебя найти в случае необходимости?

Майк опустил чашечку и блюдо на край стола и достал из бумажника визитную карточку. Написав на обороте свой домашний телефон, он протянул визитку Сэм.

— Спасибо, — сказал он.

— Посмотрим, что ты скажешь, когда Мартин пришлет тебе счет.

Она проводила его до двери и распахнула ее.

— Билл рассказал мне о тебе и твоей жене, — сказала она. — Я сама прошла через это. Поначалу бывает нелегко, но потом привыкаешь. Во всяком случае, сейчас свидания стали

намного интереснее. Два месяца назад один парень прокатил меня в Европу на своем частном самолете.

— Должно быть, это очень мило.

— Он повез меня туда на концерт Дэвида Хассельхофа.

— А вот это уже не очень мило.

— Точнее, полный отстой. Не пропадай, Салли.

Сэм улыбнулась и потрепала его по руке.

Десять минут спустя, заведя мотор своего грузовичка, он по-прежнему ощущал прикосновение ее ладони. Пятнадцать лет... Может, и нельзя повернуть время вспять, зато можно вновь пережить события, воспоминания о которых греют тебе душу.

У Фанга приключился приступ колита, поэтому, услышав жалобное тьяканье, Майк откинул одеяло, как был, в одних трусах пробежал по полутемному дому и застал пса поскуливающим в гостиной. Бедняга прижался носом к стеклянной раздвижной двери.

Майк откатил ее в сторону, и пес сбежал по ступенькам крыльца, мгновенно исчезнув в густом белом тумане, окутавшем землю перед рассветом. Майк зевнул, прислушиваясь к тому, как Фанг мечется по заднему двору, обнюхивая траву и выискивая подходящее местечко, чтобы сделать свои дела. Как бы сильно собаке ни хотелось облегчиться, она должна сделать это именно в правильном месте...

Фанг залаял. Громкий, раскатистый звук прорезал раннее утро, и, прежде чем Майк успел позвать его домой, пес метнулся в лес и растворился в нем.

Майк взбежал наверх, поспешно влез в джинсы, сунул ноги в кеды, набросил на себя фланелевую рубашку, в которой был вчера вечером, распахнул москитную дверь и побежал по тропинке, ведущей в лес. Где-то впереди, в тумане, по-прежнему раздавался лай Фанга. Под ногами трещали сухие ветки.

Тропинка вывела его на главную дорогу, являвшую собой утрамбованный грунтовый проселок, который позже превратится в непролазную грязь. Этот поросший лесом район оставался последним незастроенным участком земли в Белхэме, частью природоохранной зоны, и зимой, на выходные, пруд Салмон-Брук кишел детишками, которые только учатся стоять на коньках, подростками постарше, играющими в хоккей, и взрослыми, надзирающими за своими чадами или просто собравшимися поболтать. Майк повернул налево и побежал по дороге. Туман плотной пеленой окутывал землю, и впереди по-прежнему раздавался лай Фанга, достаточно громкий, чтобы разбудить всю округу. Наверное, его сосед, Боб Доуэри, отставной пилот авиалиний, заслуживший репутацию местного жандарма, уже проснулся. Майк знал, что позже Боб непременно заявит к нему с унылым выражением на лице и примется читать нудную нотацию о том, каким должен быть ответственный владелец собаки.

Лай оборвался. Майк перешел на шаг и через несколько минут заметил Фанга, ожесточенно помахивающего хвостом в манере, которая безошибочно давала понять миру, что он пребывает в состоянии собачьего экстаза. На краю крутого склона на животе лежал человек. Мужчина, скорее всего. Женщина не стала бы надевать бушлат военного моряка и ярко-оранжевую охотничью шапочку, закрывавшую уши.

Мужчина застонал. Майк заметил, что ноги его изогнуты под каким-то неестественным углом.

Это сделал Фанг, своим весом в сто с чем-то фунтов сбив этого невезучего на землю.

— Фанг, ко мне!

Но пес был слишком занят, обнюхивая лежавшего. Майк слепил снежок и, привлекая внимание собаки, бросил его в сторону главной дороги, подальше от пруда. Фанг с восторгом припустил за ним, а Майк перенес все внимание на мужчину.

— Прошу прощения, но он сорвался в лес раньше, чем я успел остановить его. Вы ранены?

Мужчина отмахнулся от его извинений. Он приподнялся на руках, опустив голову, так что лица его не было видно, и пополз по снегу к своей тросточке и маленькой красной

пластмассовой трубочке — астматическому ингалятору. Майк наклонился и поднял его, уже собираясь передать мужчине, как вдруг обратил внимание на руки в коричневых пятнах и крючковатые паучие пальцы.

— Дайте... его... мне, — прохрипел мужчина.

Звук этого задыхающегося хриплого голоса пронзил Майка, как удар током. Он выпрямился и отступил на шаг.

«Отдай ему ингалятор и уходи».

Да. Правила его условного освобождения предусматривали — нет, требовали! — чтобы он отдал ингалятор и ушел.

Вложи ингалятор ему в руку, бегом возвращайся домой и позвони по номеру 9-1-1, а потом Меррику. Произошел несчастный случай, детектив. Клянусь, во всем виноват пес. Я подобрал ингалятор, отдал его ему, ушел и набрал 9-1-1. Видите, какой я добрый самаритянин и законопослушный гражданин. Видите, я держу свой гнев под контролем, доктор Ти. Ну, давайте сюда свой анализатор дыхания, мистер Теста, и сами увидите, что я чист, как агнец...

И тут Майк вспомнил гаденькую довольную улыбочку Джоуны в бакалейной лавке. Ты — мой, говорила она. Я забрал у тебя дочь, а теперь и ты сам принадлежишь мне и ничего не можешь с этим поделать.

«Отдай ему ингалятор и уходи!»

— Что вы делаете здесь в такую рань?

Джоуна не поднимал голову, и пар от дыхания клубился вокруг его лица.

— Рассвет. Я пришел сюда, чтобы посмотреть на... рассвет... перед тем, как... — Каждое слово давалось ему с невероятным трудом, словно на грудь ему возложили мельничные жернова. — Ингалятор...

Майк присел рядом с ним на корточки и зажал ингалятор между большим и указательным пальцами.

— Посмотри на меня.

Бывший священник медленно поднял глаза на Майка.

— Ты скажешь мне, где Сара, — потребовал Майк. — Ты скажешь мне то, что я хочу знать, а я отдам тебе ингалятор.

— Мне... нечем... дышать...

— Очень хорошо. Теперь ты представляешь, что я чувствую каждый день в течение последних пяти лет.

В глазах Джоуны отразилась паника. Легкие его захрипели, словно мокрый цемент всасывали шлангом пылесоса.

— Мне... нечем...

— Что ты с ней сделал?

Губы Джоуны шевелились, пытаясь сделать глоток воздуха. Трахею у него свело судорогой, и сейчас он тонул в океане свежего воздуха. Майк вдруг понял, что какая-то часть его наслаждается этим зрелищем панического ужаса в глазах калеки.

Майк покрутил ингалятором перед носом Джоуны.

— Одно впрыскивание, и ты снова сможешь дышать.

— Мне... нечем...

— Сможешь и будешь.

— Пожалуйста. — Джоуна умолял, и теперь отчаяние звучало уже и в его голосе.

— Ты хочешь умереть здесь?

Джоуна отчаянно рванулся к ингалятору, но Майк вовремя сжал руку.

— Никто тебе не поможет, — сказал Майк, глядя, как костлявые пальцы Джоуны тщетно пытаются разжать его кулак. — Ты скажешь мне, что случилось с Сарой и двумя другими девочками, и скажешь это сейчас или так и сдохнешь здесь.

Джоуна не отвечал. Майк нажал большим пальцем на металлический колпачок, ингалятор зашипел и выпустил в воздух струйку лекарства.

— Мне... нечем...

Майк все нажимал и нажимал на колпачок, а Джоуна следил за ним полными слез глазами.

— Скажи мне, — сквозь стиснутые зубы процедил Майк. — Скажи мне, и я подарю тебе жизнь.

Джоуна повалился на снег. Лицо его покраснело от напряжения. Майк сел на него верхом и обеими руками ухватился за воротник бушлата.

— Ты должен мне сказать. Ты ведь был священником, помнишь? Тебе нужно мое прощение. — Майк встряхнул его. — Говори, что случилось с моей дочерью?

Джоуна пошевелил губами, но не произнес ни слова.

Майк наклонился над лежащим, приблизив ухо к его губам. Он оказался настолько близко от своего врага, что уловил его гнилостное дыхание, в котором чувствовался страх. Это был запах Смерти.

— Отче наш... Иже еси на небесех...

Майк отдернул голову. Джоуна смотрел в небо. Бескровные губы его шевельнулись, на них пузырилась пена, выкашливая мокроту и прочую жидкость, что закупорила его дыхательное горло.

— ...да святится... имя...

Майк снова встряхнул его.

— Я нужен тебе, чтобы простить.

—.. да приидет Царствие Твое...

— Покайся. Я дам тебе шанс искупить свою вину. А теперь говори, сукин ты сын!

—.. яко на небеси и на земли...

Майк тряхнул Джоуну так, что у того лязгнули зубы.

— Говори, будь ты проклят! ГОВОРИ!

В глазах Джоуны появилось мечтательное, отсутствующее выражение. Туман начал рассеиваться, и краем глаза Майк заметил Фанга на другой стороне дороги. Пес увлеченно елозил носом по земле, вынюхивая что-то и приближаясь к пруду «Вертолетик! — сказала Сара, тыча пальцем в телевизор, на экране которого девочка каталась по льду на коньках, а потом вдруг подпрыгнула и сделала в воздухе пируэт, прежде чем приземлиться. — Я тоже хочу научиться крутить вертолетик, папочка». И он повел ее на пруд, надел ей коньки, зашнуровал их, а потом поставил на лед два ящика из-под молока. Прижав к ним ее ладошки, он показал дочери, как надо отталкиваться и сохранять равновесие. Сара внимательно выслушала его, но потом опять пожелала узнать, когда он покажет ей, как прыгать вертолетиком. Сможет ли она научиться такому прыжку, когда вырастет? О да, конечно, на свете нет ничего невозможного, надо только верить, верить искренне и вести себя хорошо, и еще молиться, и тогда Господь защитит тебя, потому что Господь — это и есть любовь, и свет, и...

— ГОВОРИ!

Пар от дыхания уже не клубился вокруг посиневших губ Джоуны.

«Он умирает».

«Пусть умирает. Мне все равно».

«Если он умрет здесь, то унесет свои тайны с собой».

Майк сунул ингалятор в рот Джоуне и нажал на колпачок контейнера. Раздалось шипение. Он снова и снова впрыскивал лекарство, и губы умирающего шевельнулись, сначала неуверенно, а потом с жадностью впились в насадку ингалятора, словно новорожденный — в материнскую грудь.

Еще через мгновение взор Джоуны прояснился.

Майк выпрямился во весь рост, тяжело дыша. Несколько минут они просто смотрели друг на друга — двое мужчин, последними прикасавшиеся к Саре.

— Скажи мне, что она жива, — пробормотал Майк. — Хотя бы это ты можешь мне сказать?

Прошла еще целая минута, прежде чем к Джоуне вернулась способность дышать.

— Только Господу известна вся правда.

Краем глаза Майк заметил его тросточку. Взгляд его устремился на колено Джоуны, и он воочию представил себе, как трость ударяет по нему, круша кости.

Майк выронил ингалятор и, спотыкаясь, побрел прочь. Ему показалось, будто он услышал, как Джоуна заплакал, но он заставил себя идти дальше, не оглядываясь.

В тот же день, в воскресенье, после обеда Билл устраивал пикник с жареным на углях мясом. Майк заехал к нему с утра пораньше и принялся помогать по хозяйству. Он не стал рассказывать другу о своей встрече с Джоуной.

На краю просторной веранды стояли два бочонка, а из динамиков неслись заводные ритмы музыкальной передачи «Рок из Бостона». Майк пил ледяную колу из баночек, через силу улыбался и старательно делал вид, что все в порядке, пытаясь поддерживать непринужденную беседу с друзьями и соседями Билла, а в ушах у него назойливо звучал плач Джоуны.

Быть может, тот факт, что сегодня утром Джоуна взглянул смерти в лицо, заставит его осознать, что ему осталось жить всего несколько дней или даже часов. Быть может, тот факт, что он получил свою жизнь обратно — то, что от нее осталось, во всяком случае, — пробудит в нем давно уснувшие человеческие качества.

«Мне не следовало уходить, — думал Майк. — Я должен был подождать еще немного. Он наверняка рассказал бы что-нибудь, а так я все испортил».

«Еще несколько минут не сыграли бы никакой роли».

«Я должен был попытаться!»

«А если бы он не дал того, что тебе было нужно, что бы ты сделал? Разбил бы ему тростью коленную чашечку?»

Майк не понимал, что вселяло в него больший ужас: холодное спокойствие, с которым он наблюдал за тем, как Джоуна старается проглотить хоть каплю воздуха, или потрясающая легкость, с которой он вернулся в свое прежнее состояние. Состояние, которое, как он был уверен вплоть до сегодняшнего утра, пробуждала в нем только выпивка. Он вдруг понял, что тлевшая в душе ярость не угасла и никуда не исчезла, она всегда жила в нем, и спиртное было лишь неубедительной отговоркой, чтобы она вспыхнула ярким пламенем.

Он посмотрел на часы. Начало четвертого. Может, Меррик уже узнал что-то.

Майк вынул свой сотовый, отошел в уголок двора, где было поспокойнее, и набрал прямой номер Меррика в участке.

Звонок.

«Джоуна умирает».

Звонок.

«И ты ничего не можешь с этим поделать».

Звонок.

«Но тебе придется смириться с этим».

Включилась голосовая почта Меррика. Майк оставил сообщение с просьбой перезвонить немедленно и закрыл телефон. Сердце гулко колотилось у него в груди, на лбу выступил пот.

В то последнее утро он вошел в спальню Сары и поцеловал ее в лобик. Это был неизменный и ежедневный ритуал, и он всегда изумлялся тому, как один вид малышки, которая одновременно была частью его и не походила ни на него, ни на кого-либо еще во всем мире, наполнял его любовью и страхом. И эти чувства жили в нем постоянно. Эту любовь можно познать только тогда, когда у вас родится ребенок, когда вы станете менять ему пеленки, баюкать его на руках ночи напролет и класть его с собой в постель, когда он

заболеет. И только когда ваш ребенок впервые взглянет вам в глаза и улыбнется, вы поймете, насколько редко встречается такая любовь и как она вас изменила. В то утро, глядя на нее, он понял, что у него уже есть все. Если в жизни у него больше не будет радости, то он все равно будет счастлив. Он искренне верил в это.

«Та жизнь закончилась. Ты не сможешь вернуть ее обратно».

Она родилась недоношенной, но выжила, несмотря ни на что, превратившись в замечательную, упрямую, маленькую девочку, которая...

«Ты должен отпустить ее. Неси в сердце тоску и печаль, но живи дальше».

Ради чего?

«Когда-нибудь узнаешь».

«Я не хочу больше ничего узнавать. Я хочу, чтобы моя дочь вернулась ко мне!»

«Та жизнь ушла».

И ушла уже давно, не правда ли? И та жизнь, которую он вел сейчас, тоже заканчивается, верно? И Джоуна должен был умереть не сегодня, так завтра — точная дата особого значения не имела, поскольку Майк знал, что он унесет все тайны с собой в могилу, а ему останется только голос Джоуны, который вечно будет звучать у него в памяти вместе с голосом дочери.

Майк поднес стаканчик ко рту и обнаружил, что тот пуст.

Он прошел через задний двор, поднялся на веранду и оказался в кухне. Там, на столике, вместе с содовой выстроились бутылки «Джека Дэниэлса», «Абсолюта» и «Капитана Моргана».

В кухне он был один.

Майк пожирал глазами бутылку «Джека», когда в боковом кармане у него завибрировал сотовый телефон.

Это был не Меррик. Звонила Сэм.

— Салли, хорошо, что я тебя разыскала. Я оставила сообщение на твоём домашнем телефоне.

— Что случилось?

— Я разговаривала с частным детективом, который иногда выполняет наши деликатные поручения, и мне удалось заполучить копию лабораторного отчета об исследовании куртки твоей дочери. Я понимаю, что звоню в самый последний момент, но не мог бы ты в течение часа подъехать в город?

— Уже еду.

Сэм не преувеличивала продолжительность своей рабочей недели. День близился к завершению, а адвокатская контора по-прежнему напоминала пчелиный улей. Людей, правда, было уже не так много, как давеча, и они не носились по коридорам с таким видом, словно от них зависели судьбы мира, тем не менее в их походке по-прежнему ощущалась энергичность заводных игрушек. Стол Сэм пребывал в том же беспорядке, как и вчера, а корзина для мусора ломилась от картонных упаковок из-под еды навынос. Майк подивился про себя, уж не ночует ли она тут.

Во главе стола для совещаний Сэм сидела приятная на вид женщина с короткими взъерошенными светлыми волосами в серой спортивной куртке на молнии. Вставая, она выдула розовый пузырь жвачки, который лопнул с громким треском.

Сэм сказала:

— Майк, это Нэнси Чайлдз.

— Привет-как-поживаете, — произнесла Нэнси. Слова слились в одно.

Пожалуй, она употребляет такие словечки, как «чертовски круто» и «прикольный», решил Майк, обмениваясь с ней рукопожатием. Для секретарши рука у нее оказалась на удивление крепкой.

— Частный детектив скоро будет? — поинтересовался он у Сэм.

Нэнси ответила:

— Он уже перед вами, босс.

Когда Сэм произнесла словосочетание «частный детектив», перед его мысленным взором возник образ мужчины лет этак под шестьдесят, бывшего копа или агента ФБР, с начесом редких волос на лысине и в костюме от «Сиэrsa». Может быть, кого-нибудь вроде Роберта Уриxa из сериала «Спенсер», но уж никак не жующей жвачку выпускницы Школы секретарей из Ревира средних лет.

— Хотите, угадаю, о чем вы подумали? — улыбнувшись, сказала Нэнси. — Вы решили, что я секретарша.

— Прошу прощения. Наверное, я просто не знал, чего ожидать.

— Не расстраивайтесь. Такое случается постоянно. Мы с Сэм уже привыкли к этому, вот только Сэм достается меньше, поскольку разговаривает она и одевается лучше, чем я. Ты права, мне нужно перестать жевать резинку и начать носить большой револьвер на боку.

Перед тем как сесть, Нэнси метнула на Сэм выразительный взгляд, говоривший: «Все мужики такие идиоты». Сэм устроилась у противоположного конца стола, а Майк выбрал кресло рядом с Нэнси. Верхний свет в кабинете был приглушен, и из динамиков стереосистемы на книжной полке лилась негромкая музыка.

— Сэм говорила, что вам удалось достать копию отчета криминалистической лаборатории штата... — начал Майк.

— Достала. Для этого мне пришлось попросить кое-кого из своих должников об ответной услуге. Большой услуге.

— Вы не представляете, как я вам благодарен.

— Об одолжениях я заговорила только потому, — сказала Нэнси, — чтобы вы поняли, что не должны разглашать полученные сведения ни в коем случае.

— Я понимаю.

— В самом деле?

— В самом деле что?

— В самом деле понимаете? О вас говорят, что вы — горячая голова. Из своего опыта общения с горячими головами я могу заключить, что они не только не способны контролировать свои порывы, но и после общения с ними всегда оказываешься в заднице.

Майк замер, пытаясь абстрагироваться от ее слов. Краешком глаза он заметил, как Сэм пошевелилась в своем кресле.

Нэнси продолжала:

— Прошу прощения за прямоту, но я не привыкла вести светские беседы и не умею льстить. Многим мужчинам это не нравится, и это объясняет, почему я до сих пор одна. Это еще одна общая черта у нас с Сэм, помимо того, что мы обе очень красивы. — Нэнси улыбалась, но она не шутила.

— Есть какая-то особая причина, по которой вы капаете мне на мозги?

— Когда кое-кто помог вам в последний раз, вы повернулись к нему спиной и использовали Джоуну в качестве боксерской груши. Прошу прощения, но известность подобного рода меня не прельщает.

Она явно издевалась и намеренно выводила его из себя. Пожалуй, она могла бы добиться своего, если бы не благодатное общение с королевой унижения мужчин — доктором Ти. Так что грязные приемчики Нэнси были ничуть не хуже тех, к которым прибегали доктор Ти, Теста и Меррик. Нэнси своей нарочитой брутальной честностью и покровительственным похлопыванием по плечу, стремящаяся показать, что она ничем не хуже любого мужчины, явно добивалась того, чтобы он вспылil, и тогда она могла бы преспокойно забрать все свои бумаги и удалиться с гордо поднятой головой. Типа, извини, Сэм, но я не имею дела с горячими головами и алкоголиками.

— Сегодня утром я столкнулся с Фрэнсисом Джоуной, — сообщил Майк.

Нэнси меланхолично жевала свою жевательную резинку. Она или ожидала продолжения, или ей было все равно — Майк не взялся бы судить об этом.

— Моя собака сбила его с ног, и он приземлился на задницу. Вот вам истинный крест, я говорю правду, — продолжал Майк. — Джоуна лежал на снегу и задыхался, причем по-настоящему. Он выронил свой ингалятор, а тот нужен ему, чтобы дышать. Ингалятор лежал у меня под ногами. Я поднял его, и тут мне в голову пришла идея обменять ингалятор на информацию о дочери. Он расскажет мне все, что знает о Саре, а я в ответ верну ему ингалятор, и он сможет дышать. А теперь скажите мне, Нэнси, как бы вы поступили в подобной ситуации?

— Не знаю.

— А если подумать? — упорствовал Майк. — С удовольствием выслушаю ваше просвещенное мнение.

Нэнси принялась барабанить пальцами по столу.

Майк покачал головой.

— Вот этого я и не понимаю. Все говорят мне, как я должен был поступить, — в общем, изображают кабинетных стратегов, а потом осуждают меня. Но когда я прошу их встать на мое место, они лишьжимают плечами или, подобно вам, сидят словно воды в рот набрали. К чему я это говорю? Если вам, Нэнси, не нравится то, что я сделал из любви к своей дочери, можете взять этот лабораторный отчет, свернуть его в трубочку и засунуть себе в задницу. Говорю откровенно, в полном соответствии с царящим здесь духом полной

откровенности, что мне осточертело объясняться с людьми бесцеремонными и невежественными.

Прошло несколько секунд. Никто не проронил ни слова.

Потом Нэнси наклонилась и подняла кожаный портфель, который стоял на полу возле ее кресла. Ну что ж, вали отсюда! Черт с тобой! Ему надоело просить и умолять.

Но она не ушла. Она вынула из портфеля синюю папку-скоросшиватель, положила ее на стол перед ним и открыла.

Там была цветная фотография куртки Сары. Рядом с курткой лежала линейка для масштабирования, а капюшон был откинут.

— Что это? — спросил Майк, указывая на три пятнышка черного цвета размером с четвертак [\[12\]](#), ясно видимых на левой стороне капюшона.

— Это следы крови.

Сердце замерло и оборвалось у Майка в груди.

— Они провели ДНК-тест крови и сравнили его с образцами, которые уже были у них, — с волосами, которые они взяли с расчески Сары после ее исчезновения, — пояснила Нэнси. — Образцы совпали.

Он не помнил, чтобы видел кровь в ту ночь на Холме.

«Л ты и не мог ее видеть. Детектив сложил капюшон, помнишь?»

Да. Детектив в бейсболке «Ред Сокс» сложил капюшон, причем специально. Меррик не хотел, чтобы он заметил кровь, и не обмолвился о ней, потому что, узнай Майк об этом, он бы ни за что не стал...

Майк отвел взгляд от фотографии, вспоминая свое утреннее столкновение с Джоуной.

— Вам ничего не бросается в глаза на куртке?

Он вдруг понял, что его ждет одиночество и страх. Он испугался поражения.

Нэнси пояснила:

— Куртка в отличном состоянии, вы не находите?

Она была права. Если не считать крови, на куртке не было ни пятнышка, дыры или разошедшегося шва, да и белый мех, которым был оторочен капюшон, тоже выглядел чистым.

— Он где-то хранил ее, — сказал Майк.

— Чтобы куртка оставалась в таком состоянии, да, она должна была храниться где-либо. Мы знаем, что после исчезновения Сары из Полицейской лаборатории Бостона прибыла бригада экспертов-криминалистов, которые перерыли дом Джоуны сверху донизу. И мы знаем, что они ушли с пустыми руками. Именно поэтому против Джоуны не было возбуждено уголовное дело. Напрашивается предположение, что Джоуна спрятал куртку где-то в другом месте, быть может, даже в банковской ячейке.

— Я полагал, что Меррик уже давно проверил такую возможность.

— Проверил — и под настоящим именем Джоуны, и под вымышленным. Но тут всплыла куртка вашей дочери, и теперь Меррик думает, что если у Джоуны была одна фальшивая личность, то кто может быть уверенным в том, что у него нет еще нескольких? До меня дошли слухи, что сейчас Меррик глубоко копает как раз в этой области.

— Не понимаю, почему он сохранил курточку. Это же улика против него.

— Некоторые серийные преступники оставляют себе сувениры о своих правонарушениях, чтобы потом, ну, вы понимаете...

— Нет, — ответил Майк, глядя на нее. — Не понимаю.

— Они хранят какой-нибудь предмет одежды своей жертвы, ювелирное украшение — и называют их трофеями. Некоторые серийные убийцы оставляют их на память, чтобы еще раз пережить свои преступления. Насколько мне известно, Меррик уже много лет занимается именно этим аспектом. Вот почему, когда подошел очередной юбилей вашей дочери, он приставил к нему новых людей. Меррик даже просматривал мусор, выброшенный Джоуной, и отслеживал его телефонные звонки — словом, он не сдался. Но вся проблема в том, что Джоуна далеко не дурак. Его IQ намного выше среднего, это во-первых, а во во-вторых, он, к несчастью, знает, как замечать следы. А теперь я отвечу на ваш следующий вопрос: для чего Джоуне понадобилось надевать куртку на крест и рисковать тем, что он вновь окажется под микроскопом, особенно теперь, когда он умирает и хочет закончить свои дни в мире? — сказала Нэнси. — Вполне уместный вопрос. Но проблема заключается в том, что на него нет удовлетворительного ответа. К таким вот Джоунам обычная логика нормальных людей неприменима. Я разговаривала на эту тему с несколькими психологами-криминалистами, которых уважаю, и они склоняются к мысли, что Джоуна хочет, чтобы его поймали. Как бы невероятно это ни звучало, такое желание испытывают большинство преступников. Одних ловят, и они начинают хвастаться своими подвигами. Другие затевают нечто вроде игры — возьмите, к примеру, Теда Банди [\[13\]](#).

— Джоуна умирал сегодня утром и отказался говорить.

— Почему это вас удивляет?

— Вас там не было. Он страшно боялся умирать. Я видел это по его глазам.

— Разумеется, ему было страшно. Вы уже отделали его один раз. Задохнуться или быть избитым до смерти... Что бы вы выбрали?

Майк спросил:

— Вы узнали что-либо еще?

— Лаборатория обнаружила два волокна, оба синтетические. Одно из них совпадает с той имитацией меха енота, что Джоуна носит на капюшоне своей куртки. Но *coup de grace* [\[14\]](#) — это единственный волосок, который эксперты обнаружили на одном из обшлагов куртки.

— Это был волос Джоуны.

— В самую точку. По словам моих источников, Меррик может со дня на день нагреться к Джоуне с ордером на обыск. Располагая такими уликами, я бы предположила, что домой Джоуна уже не вернется.

Наконец-то. Прошло пять лет, и теперь он имел осязаемые вещественные доказательства, привязывающие Джоуну к исчезновению Сары.

Майк уставился на фотографию куртки. Эта борьба отняла у него столько времени и сил, что он надеялся ощутить... Что? Отмщение? Неужели? Почему же в таком случае он не чувствует ничего, кроме опустошения?

«Чувство опустошения вызвано шоком».

— Я не отдам вам эту папку, — заявила Нэнси. — Если кто-нибудь увидит вас с ней и об этом станет известно Меррику или еще кому-либо, связанному с этим делом, мне чувствительно прищемят задницу.

— Спасибо вам. — Майк все еще не мог прийти в себя.

— Не за что.

Нэнси встала, держа в руке портфель и папку, и вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Майк откинулся на спинку кресла и провел рукой по гладкой поверхности стола, глядя в окно на полудюжину небоскребов, торчащих вдали, на горизонте.

— Прощу прощения за то, что Нэнси вела себя так резко, — спустя несколько мгновений сказала Сэм. — Она хороший человек. Просто у нее были большие проблемы с пьяницами. Ее отец и брат алкоголики.

— Ну, по крайней мере, ты знаешь, чего от нее ожидать. Спасибо за то, что организовала эту встречу, Сэм. Я твой должник.

— Я могу еще чем-нибудь помочь?

Майк покачал головой и закрыл глаза. Потирая их, чтобы избавиться от непрошеной влаги, он представил курточку Сары лежащей в ящике для вещественных доказательств, с заклеенной клейкой лентой крышкой, в каком-нибудь темном шкафу.

Когда он открыл глаза, Сэм смотрела на него. Выражение ее лица было беззащитным, как много лет назад, вечерами на пляже, когда они сидели рядышком и проверяли друг другу свои разочарования и обиды. Тогда она выслушивала его рассказы об отце и не судила его, и Майк готов был биться об заклад, что она не станет осуждать его и сейчас.

— Мне все время снится один и тот же кошмар, — признался Майк. — Сара спит в своей комнате и плачет во сне. Плачет и не может успокоиться. — Он сделал глубокий вздох и продолжал: — Я хватаю подушку и прижимаю к ее лицу. А вчера ночью мне приснился другой кошмар. Мы едем в машине, Сара плачет, и я вышвыриваю ее вон. Я. Ее отец. Почему мне снятся такие сны, хотел бы я знать?

Той ночью Сара вновь пришла к нему.

Она стояла на краю пруда Салмон-Брук в застегнутой под горло розовой курточке, но капюшон Пыл откинут, и лицо дочери оставалось ясным и чистым. Она приоткрыла рот и высунула язык, облизывая нижнюю губу.

— Смотри, папочка, смотри! — закричала она, едва не срываясь на визг от восторга, и поехала через пруд, судорожно перебирая ногами в манере «О господи, я сейчас упаду», свойственной всем юным фигуристам, и размахивая руками, как крыльями.

Майк катился на коньках рядом с ней. Стоял чудный зимний день: небо было пронзительно-синим, а воздух — прохладным и свежим, и в нем не чувствовалось той морозной крепости, что заставляет вас сидеть дома. Пруд в форме бобового стручка был битком забит детишками и родителями. В одном его конце, подальше от основной массы народа, мальчишки играли в хоккей, и в ясном воздухе раздавался глухой стук их клюшек об лед.

— У тебя отлично получается, Сара.

— Поехали со мной.

— Я могу взять тебя за руку?

Сара задумалась.

— Ладно, — сказала она и, перебирая ногами, понеслась вперед. — Но мы должны сделать прыжок вертолетиком.

— Ты же знаешь, что я так не умею, хорошая моя.

Сара остановилась, подняла на него глаза и поправила сползшие на кончик носа очки. Сейчас, на ярком солнечном свете, каждая черточка ее лица смотрелась выпукло и объемно: ямочки на бледных ирландских щеках, синева глаз.

— Но ведь так нас будут оценивать судьи, — сказала она.

Он нахмурился, пытаясь понять, что она имеет в виду.

— По телевизору, папочка, помнишь? Мужчина и женщина катались по кругу. А потом получили очки.

— А-а, ты имеешь в виду фигуристов.

— Мужчина подхватывает женщину и держит ее в воздухе. А судьи дают им очки.

— Ага, понятно. Ну, думаю, на это я способен. Готова?

— Готова, — ответила дочка и протянула руку.

Ее маленькая ладошка напомнила ему наполненные страхом и тревогой дни, когда она лежала в реанимационном отделении для недоношенных детей Центральной клинической больницы Массачусетса, и все четыре фунта ее крошечного тельца опутывали шланги и провода хитроумного компьютерного оборудования. Тогда Сара только училась дышать самостоятельно, потому что легкие у нее еще не сформировались окончательно, а потом сражалась с инфекцией, едва не погубившей ее.

— Папочка!

— Да, хорошая моя?

— Ты невнимательный. Судьи смотрят на нас. Они хотят, чтобы ты поднял меня в воздух и подержал над головой.

Он сделал так, как она просила: поднял ее над головой, что было совсем не трудно,

поскольку она весила едва сорок фунтов. Для своего возраста Сара по-прежнему была очень маленькая.

Она вытянула руки и ноги в стороны.

— Морская звезда! Теперь твоя очередь.

Он посадил Сару себе на плечи, а потом обхватил ее ноги одной рукой и прижал их к груди, а вторую руку отставил в сторону.

— Так?

— Назови, что ты делаешь, папочка!

(Гаав-гав)

— Стрелу!

Сара возразила:

— Судьям не понравится такое слово.

— А как бы ты назвала это?

— Бойцовая рыбка!

(Снова залаял Фанг: Гаав-ГАВ!)

Он открыл глаза. Комнату заливал лунный свет. Фанга на кровати не было. Майк повернул голову и увидел, что пес стоит под одним из открытых окон, выходящих на задний двор, уткнувшись носом в сетку и принюхиваясь. Его короткий хвост вилял из стороны в сторону.

Наверное, енот или еще кто-нибудь. Окна на втором этаже были распахнуты настежь, и по дому гулял сквозняк, принося с собой запахи леса.

— Фанг, ко мне!

Пес не сдвинулся с места. Майк встал, чувствуя, как исчезает из памяти лицо Сары, и быстро схватил пса за ошейник.

— Папочка!

Майк отпрянул от окна, налетел на пса и едва не упал. Испуганный Фанг вывернулся у него из рук и залаял.

Голос Сары. Это был голос Сары, и он доносился со двора.

«Я все еще сплю. Сон не окончательно выветрился у меня из головы, и воображение сыграло со мной злую шутку».

Порыв ветра всколыхнул занавески. С бешено бьющимся сердцем он опустил на колени и выглянул в окно. Над темными вершинами сосен висела полная луна, заливая неверным неоновым светом островки слежавшегося снега. Он обвел взглядом задний двор и стал ждать.

«У тебя слуховые галлюцинации. Сегодня ты столкнулся с Джоуной, тебе приснился кошмар, и...»

— Папочка, где ты?

Голос Сары. Это был голос Сары, и она звала его.

Майк нашарил в полутьме джинсы и надел их, дрожащими руками застегнул пуговицу и молнию.

— Папочка?

Он сунул босые ноги в кеды, сбежал по лестнице и влетел в гостиную. Фанг с лаем мчался за ним. Дрожащими руками Майк отпер замок раздвижной стеклянной двери, откатил ее в сторону, и пес выскочил наружу. Майк побежал по тропинке. Низко нависающие еловые лапы, оцетинившиеся иглами, и ветви деревьев закрывали луну, и по

мере того как он углублялся в лес, вокруг становилось все темнее. Фанг с лаем несся скачками где-то впереди, и сухие сучья трещали под его лапами.

— Папочка, где ты?

Голос Сары, это был голос Сары. Каким-то чудом Господним она вернулась, но заблудилась в лесу, и сейчас он найдет ее и отведет в дом.

— Я здесь, Сара, здесь!

Он побежал еще быстрее, спотыкаясь на каждом шагу.

Майк остановился на опушке леса, там, где тропинка переходила в грязную проселочную дорогу, залитую лунным светом.

— Сара, я здесь, в лесу, рядом с тобой.

В верхушках деревьев засвистел ветер, раскачивая ветви. Майк ждал, что она ответит, расширенными глазами вглядываясь в тени. Ноги у него подгибались, и он безуспешно пытался проглотить комок в горле.

— Папочка?

Ее голос доносился откуда-то спереди, из чащи леса.

— Держись, Сара, я уже иду!

Майк сошел с тропинки и стал спускаться по склону. Резиновые подошвы кедров скользили по подмерзшему льду, а он думал о голосе Сары, о том, каким восхитительно спокойным и терпеливым он кажется, и это хорошо, это просто невероятно хорошо.

Здесь, у подножия, было темно, хоть глаз выколи. Земля была неровная, вся в ямах, усеянная крупными валунами, ветками и сучьями. Майк углублялся в лес, шагая быстро, но осторожно. Ветки то и дело ударяли его по лицу, а иглы впивались в голые руки. Ему показалось, что прямо впереди, в залитом лунным светом просвете между деревьями, он заметил Фанга, взбирающегося по крутому заснеженному склону.

— Я не вижу тебя, — раздался где-то над его головой голос Сары. Голос, все еще исполненный терпения, но в нем уже звучали панические нотки.

— Я прямо под тобой, — откликнулся Майк. — Оставайся на месте. Я поднимаюсь.

Он принялся карабкаться вверх по склону, хватаясь за кусты, чтобы не упасть. Он продвигался медленно, резиновые подошвы скользили, не давая возможности упереться.

— Папочка? — Сара уже готова была расплакаться.

— Не бойся, хорошая моя. Говори со мной. Я уже почти на месте.

Майк продолжал карабкаться наверх. По его лицу ручьями стекал пот.

— Ты где? — снова окликнула его Сара.

Залаял Фанг.

Звуки по-прежнему раздавались где-то впереди и выше, но явно стали громче и ближе.

— Слушай мой голос, Сара. А другие звуки, треск ветвей и сучьев, — это Фанг, он тоже бежит к тебе. Мы оба очень по тебе скучали.

— Папочка, где ты?

— Милая, я прямо...

Голос был неправильный. Это был голос Сары, никаких сомнений, но это был ее прежний голос, голос шестилетней девочки. А ведь теперь Саре исполнилось уже одиннадцать. И голос ее должен звучать совсем по-другому. И нем не должно быть этих пронзительных высоких ноток. Он, пожалуй, должен стать глубже.

— Сара, — закричал он со склона, — скажи мне, как зовут твою собаку!

Молчание.

— Назови мне свой любимый цвет!

Залаял Фанг.

Наконец крутой подъем закончился, и Майк остановился. Отсюда он видел главную дорогу и кусочек пруда Салмон-Брук. Фанг, уткнувшись носом в землю, бегал вокруг огромного старого клена.

— Папочка, где ты?

Майк обернулся. На обломке сгнившего ствола стоял переносной магнитофон, из тех, что называются «бум-бокс». Динамики его были повернуты в сторону дома.

— Папочка? — донесся оттуда плач Сары.

Но Майк больше не смотрел на магнитофон. Его взгляд устремился к тому, что приковало к себе внимание и Фанга, — телу Фрэнсиса Джоуны, висевшему на ветке клена.

Фрэнсиса Джоуну похоронили в пятницу, первый день весны.

Завещание бывшего священника предусматривало проведение закрытой поминальной службы — и никаких репортеров. Все мероприятие было вверено попечению отца Джека Коннелли. Сей уважаемый и любимый многими служитель церкви пользовался большим авторитетом в общине. Он сумел убедить полицию, большинство и которой составляли именно католики, что отныне Господь сам будет судить Джоуну, а они должны уважить последнюю волю усопшего.

Впрочем, чего отец Джек предотвратить не смог, так это утечки информации. Кто-то шепнул словечко репортерам, и они разбили лагерь прямо перед церковью.

Передние двери храма Святого Стефана распахнулись, и четверо молодых людей из похоронного бюро МакГилла-Флэттери вышли на ступени, неся на руках гроб. Они явно не ожидали увидеть такое количество любопытных. Засверкали вспышки, защелкали затворы фотоаппаратов. Вступил в дело наряд полиции, расчищая дорогу для катафалка.

Майк устроился на пассажирском сиденье патрульного автомобиля Тугодума Эда, припаркованного на другой стороне улицы. Через очки он внимательно вглядывался в толпу, насчитывающую сотню с чем-то человек.

— На кладбище будет то же самое, — проворчал Тугодум Эд. — Или еще хуже.

Майк не ответил. Он просто сидел и смотрел в окно, чувствуя, как медленно тает тонкая, отделяющая его от остального мира стена.

Тугодум Эд завел мотор патрульной машины и отъехал от тротуара.

— Мы имеем право не пустить репортеров на кладбище, но не можем запретить им выставить камеры над оградой. А на Эвергрин они прямо-таки встали табором. Представляешь, они залезли на крыши фургонов, чтобы лучше видеть процедуру похорон. Ты говорил, что не хочешь, чтобы твоя физиономия мелькала на экранах телевизоров. Но если ты пойдешь туда, то увидишь себя в ближайшем выпуске новостей на всех каналах.

Движение в деловой части города было слабым. Выхав на Паркер-стрит, они поднялись на крутой холм. Проезжая по Эвергрин, длинной улице, застроенной типовыми домами для тех, кто навсегда потерял надежду обрести работу и собственную крышу над головой, Майк увидел, что на ступеньках нескольких домов столпились жители с опухшими от сна и беспробудного пьянства лицами. Дрожащими руками они прикуривали сигареты и пили кофе, наблюдая, как репортеры прихорашиваются, прежде чем предстать перед объективами телекамер. Вдоль тротуара вереницей выстроились фургоны, нацелив в небо тарелки спутниковых антенн.

— Если ты идешь туда, чтобы повидаться с отцом Джеком, — сказал Тугодум Эд, — я могу развернуться и отвезти тебя к нему домой. Если хочешь, могу подождать здесь, с тобой, пока он не выйдет с кладбища.

Тугодум Эд предлагал достойный выход из положения. Ему и впрямь не было никакого смысла светиться в этом деле — во всяком случае, разумную и уважительную причину Майк назвать не мог, хотя и пытался. Его спрашивали об этом и Тугодум Эд, и Билл, но Майк лишь разводил руками, будучи не в силах объяснить ни им, ни себе желание непременно присутствовать на похоронах. Но что-то внутри толкало его на этот шаг, какое-то необъяснимое стремление оказаться на кладбище в тот момент, когда Джоуну будут

опускать в могилу. Быть может, эта внезапная тяга имела какое-то отношение к прежним снам о Саре и к новым тоже — тем, в которых Джоуна уже лежал на холодном стальном столе в прозекторской, а его последние слова так и замерли у него на языке. Майк буквально слышал их. Боже, они были здесь, совсем рядом, их оставалось только взять и понять! Но никому не было до этого дела. Джоуне начали зашивать рот, и Майк кричал, что этого нельзя делать, но его никто не слушал.

Майка не покидало ощущение, что эти сны были сигналом, что он должен продолжать борьбу. Хотя не исключено, им руководило стремление наказать себя. В конце концов, именно он привел в действие жернова судьбы.

Тугодум Эд посмотрел налево, на Хэнкок. У входа стояли два патрульных автомобиля. Он опустил стекло, помахал рукой, и патрульный открыл ворота. Они въехали на кладбище, и, когда Тугодум Эд прижался к обочине, прямо впереди, на вершине холма, Майк увидел клочок земли, на котором должны были вот-вот похоронить Джоуну. Он вдруг испытал приступ страха, который, словно раскаленная игла, пронзил его защитную оболочку.

— Я знаю, что ты близок с отцом Джеком. Был близок, во всяком случае, — начал Тугодум Эд. — Поэтому я не думаю, что он станет возражать против твоего присутствия здесь. Но если он попросит тебя уйти, мы должны будем уважить его просьбу.

Майк кивнул и вылез из машины. Солнце ласково светило ему в лицо, пока он поднимался по склону с сырой травой, направляясь к тому, что издалика казалось сараем для инструментов. Рядом росла кучка деревьев, которые по каким-то причинам еще не спилили.

Дойдя до вершины, Майк обогнул дерево и увидел хитроумный механизм, которому предстояло опустить гроб с телом Джоуны к месту его последнего упокоения. Здесь не было деревьев и, соответственно, на тень тоже рассчитывать не приходилось. Прямо перед ним зияла разверстая яма, вызывавшая в душе какое-то смутное беспокойство.

Через несколько минут на кладбище въехали катафалк и лимузин. Примерно с полдюжины полицейских в синей форме перекрыли движение, чтобы дать им проехать невозбранно. Мгновением позже катафалк и лимузин замерли у обочины. Из машин вылезли молодые сотрудники похоронного бюро и понесли гроб с телом Джоуны вверх по склону. Отец Джек, облаченный в ризу священника, шел следом.

Носильщики опустили гроб с телом Джоуны на поддон механизма и отступили. Майк смахнул пот со лба рукавом спортивного свитера.

Отец Джек раскрыл Библию.

— Давайте помолимся.

— Майкл...

Джесс смотрит на него широко распахнутыми от полночного ужаса глазами, в которых нет и следа сна, и он сразу понимает, что с малышкой что-то не так. Шла уже двадцать вторая неделя беременности, они собирались назвать свою еще не рожденную дочку Сарой, и вот теперь с ней что-то случилось.

Ключи и бумажник лежат на прикроватной тумбочке, чтобы не тратить время на их поиски среди ночи. Он хватает их и садится на кровати.

— Все в порядке, Майкл. Дай мне руку.

Он повинуетя, и она прижимает его ладонь к своему животу.

Толкается. Малышка толкается.

— Ты чувствуешь ее?

Еще бы. Сара толкалась как заведенная. Джесс ложится на спину, и он расслабляется.

придвигаясь поближе к жене. Он не убирает руку от ее живота, не желая расставаться с ощущением жизни, зарождающейся в ней. Подари мне ее, Господи, подари, и я больше не буду просить тебя ни о чем!

Скрежешут шестерни, и Майк видит, как гроб опускается и землю.

Джоуна лежит на столе в морге, стараясь освободить слова, которые не идут с его языка. Только Господу известна вся правда.

Скрежет шестеренок смолкает.

Гроб лежит в могиле и ждет, чтобы его похоронили.

— Аминь, — провозглашает отец Джек и закрывает Библию.

Майк впирается ногтями в кору дерева, чтобы не закричать.

Майк меряет шагами лужайку рядом с патрульной машиной, пытаясь избавиться от нервного напряжения, от которого подгибаются ноги. Его сотовый телефон завибрировал вот уже в третий раз за последние две минуты. Он взглянул на экран. Там значилось: «Номер не определен».

Наверное, кто-то из репортеров. Майк закрыл телефон, вернул его на место и увидел, что к нему направляется отец Джек.

Священник подошел и остановился рядом.

— Мне очень жаль, Майкл.

— А он не... ну, вы понимаете...

Отец Джек опустил голову и принялся сосредоточенно изучать носки своих ботинок.

Вновь завибрировал сотовый телефон Майка. Он достал п о из заднего кармана и взглянул на экран. Звонил Билл. Майк ответил.

— Мне только что звонила Джесс, — сообщил Билл. — Она пытается дозвониться тебе на сотовый, но говорит, что у нее ничего не получается.

Вот что означала эта надпись «Номер не определен» — п о были звонки от Джесс.

— Спасибо, — ответил Майк и отключился.

Отец Джек поднял голову и теперь смотрел прямо ему в лицо.

— Фрэнсис был ожесточившимся человеком. Ожесточившимся и очень злым. Он отрекся от людей. — Отец Джек покачал головой и вздохнул. — Я пытался...

У Майка перехватило дыхание. В горле образовался комок, который ему никак не удавалось проглотить.

— Мне очень жаль, — сказал отец Джек.

Ладно, ничего не поделаешь. Значит, отцу Джеку ничего не известно. Но оставались еще Меррик и сестра Рассел, с которыми можно было поговорить. Кто-то из них должен знать. Надежда умирает последней.

Вновь зазвонил телефон Майка.

— Майкл?

Это была Джесс, и в ее взволнованном голосе звучали знакомые панические нотки.

— Я тебя плохо слышу.

— Я звоню из Франции. — Она говорила торопливо, проглатывая слова, словно задыхалась после быстрого бега. — Я только что узнала обо всем. Я была на ферме, там нет телевизора и... В общем, это не имеет значения. Я только что заказала билет на самолет и буду дома завтра после обеда. С тобой все в порядке? Ты где?

Взгляд Майка метнулся на вершину холма и уперся в надгробный камень на могиле Джоуны.

Я так больше не могу, Билл. Я устал жить с закрытой морской раковиной. Я устал жить с женщиной, которая панически боится жизни и которая превратила меня в пленника в моем собственном доме. Я устал сражаться за простые вещи — например, за то, чтобы отвести свою шестилетнюю дочь покататься на санках с горы. Я устал и не хочу жить так дальше.

Это были слова, которые он, как молитву, мысленно произнес в тот вечер на Холме.

— Майкл! Ты меня слышишь?

— Я стою у могилы Джоуны, — отозвался он.

— Что? Почему? Зачем ты туда пошел?

Ему хотелось заплакать и закричать одновременно. Он хотел избавиться от этих чувств, загнать их вглубь и отвести взгляд от могилы. Хотел и не мог.

— Перестань мучить себя. Сколько раз я должна повторять это тебе? Помнишь тот случай в гастрономе? Сара была со мной, и я отвернулась буквально на секунду, но она исчезла. Продавцы перевернули весь магазин, а пять минут спустя я нашла ее на улице. Сара разговаривала с какой-то женщиной, которая показалась ей матерью ее подружки, и она пошла за ней к выходу...

— Ты не понимаешь...

— Чего я не понимаю? — В голосе Джесс явственно прозвучали слезы. — Пожалуйста, не прогоняй меня. Я хочу помочь.

«В ту ночь на Холме я разрешил Саре подняться наверх самой, потому что был зол на тебя. В ту ночь я молился о том, чтобы найти выход, и в кои-то веки Господь услышал меня».

— Поговори со мной, Майкл. Не прогоняй меня. Не сейчас.

Майк открыл было рот, чтобы заговорить, но с губ его сорвался лишь стон. Чувство вины, гнев, любовь, которую он по-прежнему питал к дочери и прошлой жизни, все, что он носил в себе целых пять лет, с рыданиями хлынуло наружу, и он захлебнулся слезами.

Тугодум Эд загнал патрульную машину на подъездную дорожку, на которой уже стоял грузовичок Майка.

— Сиделка Джоуны, Тереза Рассел... — нарушил молчание Майк. — Она ничего не говорила о том, что Джоуна во сне произносил имя Сары?

— Нет, никогда не слышал ничего подобного.

— Что она рассказала Меррику?

— Подробности я не знаю. Тебе лучше расспросить об этом самого Меррика. Он сейчас в Мэне. У его отца возникли серьезные проблемы со здоровьем, насколько мне известно. Болезнь Альцгеймера. Он должен вернуться сегодня, и я попрошу его позвонить тебе. Обещаю.

— А отчет о вскрытии? В нем нет ничего интересного?

Тугодум Эд поерзал на сиденье, и пружины отозвались жалобным скрипом.

— Салли, давай зайдем ко мне. Шейла приготовила такого цыпленка, пальчики оближешь.

— Шейла?

— Новая подружка. Пойдем, посидим немного.

— Может, в другой раз. Спасибо за помощь, Эд.

— Я знаю, что ты остановился в квартире у Бама в Мелроуз. Если хочешь задержаться, у меня есть свободная комната. Я буду только рад, если ты поживешь у меня, пока не уляжется шумиха. Все должно закончиться через пару дней.

«Уляжется, — подумал Майк. — Закончится».

Майк позвонил в справочную службу и через двадцать минут уже ехал по Викерс-стрит в районе, именуемом Старым городом. Здесь дома были на порядок лучше, чем на Эвергрин: коттеджи на две семьи, разделенные длинными и узкими подъездными дорожками, с небольшими и аккуратными передними лужайками, огороженными проволоочной сеткой. И здесь не ощущался запах отчаяния. Здания сверкали свежей краской, кусты были недавно подстрижены, а цветочные клумбы пестрели высаженными цветами. На улице царили тишина и спокойствие, все были на работе, за исключением нескольких пенсионеров, моющих машины и окна в своих домах.

Дом № 53 оказался трехэтажным особнячком с верандой, доски пола которой были выкрашены в серо-стальной цвет, и каменными ступеньками. Майк припарковался прямо на улице, вылез из кабины, прошел по вымощенной каменными плитами дорожке и поднялся по ступенькам к двери с левой стороны. Нажав кнопку тонка, он с облегчением услышал шум шагов внутри и лязг отодвигаемого засова. Дверь распахнулась.

Перед ним стояла женщина, которую он видел в ту ночь в доме Джоуны.

— Мистер Салливан... — сказала Тереза Рассел.

— Прошу прощения, что пришел без приглашения, но мне хотелось бы поговорить с вами.

— Разумеется, — сказала она и сделала приглашающий жест.

Поднявшись по ступенькам, Майк оказался в большой прямоугольной комнате с дубовым полом, ярко-желтыми стенами и камином из голубого песчаника, по обеим сторонам которого высились встроенные книжные шкафы.

На полках теснились книги религиозного содержания с названиями типа «Жизнь, подчиненная цели» и «Беседы с Господом», фарфоровые фигурки распятого Иисуса Христа, святого Антония и Девы Марии. В комнате было тепло от солнечного света, струившегося в окна, выходящие на задний двор, где четверо или пятеро малышей гоняли футбольный мяч.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросила Тереза. Она была одета в джинсы и черную кофту на пуговицах без воротника. На шее виднелась простая золотая цепочка с распятием. Это было единственное украшение, которое она себе позволила. Никаких сережек или колец, и макияжа тоже. — Кофе у меня нет, но я могу предложить вам чай или колу.

— Спасибо, ничего не надо.

Тереза присела на один краешек дивана цвета темного шоколада, который был единственным предметом мебели в комнате, Майк опустился на другой. Окна были приоткрыты, и со двора доносились звонкие детские голоса и крики.

— Чем я могу помочь вам, мистер Салливан?

— Прошу вас, называйте меня Майк.

— Тогда и вы можете звать меня Терри.

Майк выдавил улыбку.

— Насколько я понимаю, вы сотрудничали с полицией.

Терри кивнула.

— Я работала с детективом Мерриком. Мы разговаривали с ним каждый день, пока Фрэнсис был жив.

Услышав, что она называет Джоуну по имени, он вдруг разозлился.

— Судя по вашему тону, детектив Меррик ничего не рассказывал вам о моих беседах с Фрэнсисом.

— Нет, — ответил Майк, — не рассказывал.

— Детектив Меррик... словом, он дал мне несколько необычные инструкции. — Она разгладила складки на коленях. У Майка сложилось впечатление, что женщина тщательно подбирает слова. — Мне очень жаль, что все так вышло, — сказала она. — Я чувствую себя ужасно.

— Вам не за что извиняться. Я просто надеялся... — Го-юс у Майка сорвался. — Джоу на никогда не заговаривал о Саре?

— Со мной — нет. И я никогда не спрашивала его о ней. Доктор Бойнтон настаивал на этом.

— Доктор Бойнтон?

— Психолог-криминалист или психиатр, не знаю в точности. Кажется, он живет и работает в Бостоне. Детектив Меррик поинтересовался, не соглашусь ли я помочь ему в проведении расследования, и познакомил меня с доктором Бойнтоном. Мы обсуждали мои разговоры с Фрэнсисом. Мы стали довольно близки — с Фрэнсисом, я имею в виду. Я понимаю, это может показаться в каком-то смысле чудовищным, но когда человек оказывается в ситуации крайнего порядка, он нередко приоткрывает душу — даже незнакомым людям. У Фрэнсиса ведь не было друзей, если не считать его адвоката, конечно. Но ведь это не настоящий друг, верно?

— Полагаю, что нет.

— Думаю, он считал меня своим другом, — сказала Терри. — Поначалу мы просто болтали ни о чем. «Доброе утро, Терри. Вы сегодня прекрасно выглядите. Как настроение?» В таком духе. Но со временем он приоткрылся. Он рассказывал мне о том, как рос здесь, в

Белхэме, как всегда хотел стать священником и как его мать гордилась этим.

— Он следил за событиями в мире? — спросил Майк, вспоминая, как какой-то мозгоправ на телевидении окрестил Джоуну «самовлюбленным». Дескать, его интересует в новостях лишь собственная персона, что помогает ему на шаг опережать полицию.

— Ему нравилось смотреть выпуски новостей. CNN и программы типа «Перекрестный огонь». Но если ведущий заводил речь об этом деле, Фрэнсис переключал канал — по крайней мере, в моем присутствии.

— Значит, вы с ним никогда не разговаривали об этом.

— Нет. Доктор Бойнтон предложил, что если эта тема все-таки всплывет в разговоре, то я должна прибегнуть к приему «третьего лица». Ну, то есть задать Фрэнсису вопрос типа «Что за человек мог оставить на вершине холма детскую куртку, надетую на крест?». Доктор Бойнтон полагал, что такой подход может заставить Фрэнсиса раскрыться, и он заговорит об этом без страха, потому что речь ведь идет не о нем. Помню, как доктор Бойнтон упомянул, что подобный прием оправдал себя в случае с Тедом Банди. Он отрицал, что имеет какое-либо отношение к тому, что случилось с теми молодыми женщинами, но когда психолог из ФБР спросил Банди, кто, по его мнению, способен на такое зверство, Банди заговорил о себе от третьего лица: «Этот человек мог совершить преступление таким-то и таким-то способом». — Терри вздохнула. — Я пыталась заставить его приоткрыть душу. Но проблема заключалась в том, что состояние Фрэнсиса быстро ухудшалось. Он днями напролет просиживал в кресле-качалке, рассматривал альбомы с фотографиями и забавлялся своими игрушками. Они все ведут себя одинаково — впадают в детство. Им хочется смотреть на фотографии, играть в игрушки, распевать старые песенки и вспоминать людей из своего прошлого. Это приносит им своего рода утешение. В прошлом году у меня была одна пациентка, ее звали Марта. Она повсюду брала с собой футбольный мяч: в постель, в больницу, в ванную — словом, везде. Не расставалась с ним ни на минуту. А еще совершенно неожиданно могла окинуть меня серьезным взглядом и завизжать: «Покупай фьючерсы, Терри! Ради всего святого, покупай фьючерсы!» Марта была занятой чудачкой. Я скучаю по ней.

Майку хотелось поторопить ее, подтолкнуть, перейти к сути дела, но шестое чувство подсказывало ему, что следует проявить терпение. Было совершенно очевидно, что Терри надо дать возможность выговориться, а не перебивать, засыпая ее вопросами, — как, вероятно, вел себя Мер-рик. Быть может, все эти хождения вокруг да около помогали ей примирить собственное мнение о Джоуне с тем, что думал о нем остальной мир, или, что тоже не исключено, она просто хотела стереть из памяти любые воспоминания о Джоуне, и такие вот разговоры были для нее единственным способом добиться желаемого.

— Фрэнсис попросил меня достать с чердака два ящика с новогодними игрушками. Он хотел, чтобы я помогла ему развесить гирлянды в гостиной и его спальне. Это были простые белые лампочки — они даже не мигали. Его мать сохранила кое-какие игрушки еще с тех пор, когда Фрэнсис был маленьким. Он мог часами сидеть и баюкать их в руках. Иногда даже плакал. Но больше всего ему нравились новогодние украшения. У каждого из них была своя история, и Фрэнсису нравилось рассказывать их мне.

Майк, как ни старался, не мог представить себе Джоуну ребенком, которого нянчила и кормила грудью мать, мальчиком, который превратился сначала в мужчину, а потом — в монстра.

— По ночам Фрэнсис сидел в своем кресле и смотрел на п и белые лампочки. Просто

сидел молча, погрузившись и свои мысли. Мне кажется, эти гирлянды успокаивали его. Они да еще медитация. Он часто плакал. Он был больным и одиноким стариком, у него никого не было, и это причиняло ему сильную боль. Я знаю. — Она покачала головой, явно расстроенная.

— Похоже, вы подружились с ним, — заметил Майк.

— Мне нравились те стороны его души, которые он открыл мне. Я понимаю, это звучит ужасно, учитывая то, что он сделал. Но когда люди перед смертью обнажают свою душу, иногда бывает трудно удержаться и не испытывать к ним симпатию. Вас учат абстрагироваться и отгораживаться от этого, но разве можно всерьез рассчитывать на это? И еще, я думаю, меня привлекало в нем то, что он был священником. Это само по себе внушает уважение. Я даже собиралась пойти сегодня на его похороны.

— Так почему же не пошли?

— Из-за прессы. Они не знают обо мне, а я не хочу приглашать их в свою жизнь. — Терри вздохнула. — Какая бы часть его натуры ни была способна на такие зверства, Фрэнсис ее мне не показывал. Как он вел себя после того, как я уходила, какие мысли посещали его? Не знаю. Когда я была рядом, Фрэнсис выглядел обычным человеком, таким, как все мы.

— Вас не удивило, что он совершил самоубийство?

Терри ненадолго задумалась.

— Поначалу да, — сказала она наконец. — По двум причинам. Фрэнсис был священником, и он знал, что совершает грех. Во-вторых, он не страдал от физической боли — по крайней мере, мне он на нее не жаловался. Мои пациенты еще никогда не совершали самоубийства. Это неслыханно. Но, с другой стороны, Фрэнсис не походил на большинство пациентов. У него... У него в голове было много всего. Того, что я не могла вылечить. Чувство вины, может быть. Ну и, конечно, он был очень одинок, как я говорила. Это неизлечимо.

— Повеситься... Как-то это не похоже на него.

Терри пожала плечами.

— Чужая душа — потемки. Я видела Фрэнсиса в то утро. В воскресенье. Он выглядел... Он был сам не свой. Его что-то потрясло. У меня было время подумать, и я могу лишь повторить то, что сказала детективу Меррику: думаю, Фрэнсис узнал, что полиция намерена арестовать его, и смерти в тюрьме предпочел самоубийство.

Майк вдруг понял, что пришел сюда не для того, чтобы вновь обрести надежду. Он пришел на похороны, а теперь вот и разговаривал с Терри, чтобы проститься.

— Я сочувствую вашей утрате, — сказала она.

Майк молча кивнул. Говорить им было больше не о чем — во всяком случае, он не знал, о чем еще спросить, — и потому поблагодарил ее и встал.

Терри сунула руку в карман кофты и достала оттуда визитную карточку и ручку. Написав что-то на обороте, она протянула ее Майку.

— Это номер моего домашнего телефона, — пояснила она. — Если вы захотите расспросить меня еще о чем-нибудь, звоните, не стесняйтесь.

— Я так и сделаю. Большое спасибо.

Она проводила его до двери. Он бросил последний взгляд на золотое распятие, вновь поблагодарил ее и вышел наружу.

— Мистер Салливан?

Он обернулся. Лицо Терри виднелось сквозь проволочную сетку.

— Я буду молиться за вас и Сару.

Майк ехал домой, когда ему позвонил Меррик — легок на помине! — и предложил встретиться.

— Если вы хотите поговорить о том, что сиделка рассказала вам о Джоуне, можете не беспокоиться. Она была так любезна, что просветила меня на этот счет.

— У меня есть отчет о вскрытии, — сказал Меррик. — И мы нашли кое-что в доме Джоуны.

Майк пытался сосредоточиться на дороге и на том, куда он едет.

— Вы сейчас свободны?

— Что вы нашли? — В голосе Майка страх смешивался с надеждой.

— Я предпочел бы обсудить это с глазу на глаз.

Заведение «У Дакоты» стало еще одним примером перемен, произошедших в деловой части города нынешней весной. Оно располагалось в дальнем конце Мэйн-стрит, где раньше находился обувной магазин «Александр Шуз», и автостоянка перед ним была забита престижными иномарками — «саабами», BMW и даже «мерседесами». «У Дакоты» был первым в Белхэме баром для яппи [\[15\]](#).

И внутреннее убранство вполне соответствовало своему назначению. Длинная стойка бара с бутылками дорогих напитков сверкала и переливалась в лучах направленной подсветки, а с правой стороны разместился небольшой обеденный зал. Столики здесь были застелены белыми крахмальными скатертями, на которых стояли свечи. Словом, это было самое подходящее место, чтобы торговать и обмениваться секретами за бокалом сухого шардоне и безумно дорогими легкими закусками. Слева от входа, за стеклянной дверью, помещалась курительная комната с кожаными креслами и диванами темно-бордового цвета и кофейными столиками, на которых лежали экземпляры «Уолл-стрит джорнел», «Файненшл таймс», «Сэйлинг» и «Вэнити фэар». Меррик расположился на одном из диванов и смотрел в окно, выходившее на Мэйн-стрит, баюкая в одной руке стаканчик с портвейном или какой-то другой элитной выпивкой, а второй небрежно перелистывая страницы журнала, лежавшего на коленях. Черный костюм и мрачное выражение осунувшегося лица придавали ему вид владельца похоронного бюро, расслабляющегося после долгого и трудного дня.

Майк повалился в кожаное кресло напротив Меррика и вытащил пачку сигарет. Детектив закрыл журнал и отправил его вместе с портвейном на стеклянный кофейный столик между ними. «Дегустатор», надо же.

— Это было самоубийство, вне всякого сомнения, — сообщил Меррик.

— А что, возникали сомнения? — Майк видел бревно, валявшееся под ногами Джоуны. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться — Джоуна встал на бревно, надел на шею петлю и прыгнул с него.

— Знаете, с самоубийствами никогда нельзя быть уверенным на сто процентов. Чаще под них пытаются замаскировать убийство: человека душат, а потом перевозят в другое место и подвешивают на веревке. Правда, в таких случаях всегда обнаруживается двойная странгуляционная борозда, и тогда ты понимаешь, что имеешь дело с убийством. У Джоуны странгуляционная борозда всего одна, и ее след совпадает с текстурой веревки. Кроме того, у него характерным образом полопались кровеносные сосуды на белках глаз. Это несомненный признак того, что человек умер от асфиксии. Вдобавок снег уже рыхлый и влажный, но из-за того, что воздух еще оставался холодным, на нем сохранились отчетливые следы ног. Мы нашли несколько отпечатков, соответствующих обуви Джоуны. Предсмертной записки, однако, обнаружить не удалось. Но, учитывая, что у нас есть аудиокассета с записью голоса вашей дочери...

Выражение лица Меррика изменилось. У него явно были неприятные новости, и сейчас он решал, как бы тактичнее изложить их.

«Вот оно...» — подумал Майк, стискивая руками подлокотники кресла.

— Криминалисты вчера закончили осмотр дома Джоуны, — сказал Меррик. — Под кроватью мы заметили неприбитую половицу. Мы вскрыли пол и обнаружили под ним

внушительный тайник. Там лежали зимние брюки от комбинезона Сары. Кроме того, там же мы нашли и расческу с волосами Каролины Ленвиль. Кукла Эшлин Жиро лежала в кровати Джоуны. На ней во множестве обнаружили его отпечатки пальцев.

— Лапочка Би-Би, — вырвалось у Майка, в памяти которого внезапно всплыло странное и нелепое имя куклы. Роза показывала ему фотографию Эшли и маленькой куклы с красными пластмассовыми волосами, одну ногу которой изжевала их собака. Кукла лежала в рюкзаке Эшли в день исчезновения.

— Рядом с кроватью Джоуна держал плеер. Мы нашли в нем аудиокассету. — В невыразительном голосе Меррика прозвучала печаль. — Остальные лежали в ящике стола рядом с тумбочкой. Сара, Эшли и Каролина.

— Вы прослушивали их?

Меррик кивнул, и Майк снова вцепился в подлокотники.

— Что говорила Сара?

— Все три кассеты практически одинаковы — судя по голосам, девочки заблудились в темноте и ничего не видели вокруг. — Детектив говорил медленно, тщательно взвешивая каждое слово. — Та, которую вы слышали в лесу, была составлена из кусков оригинальных записей, оставшихся в доме Джоуны.

Майк вспомнил, как Лу рассказывал, что Джоуна во сне повторял имя Сары. Получается, Джоуна не спал, он готовил свою... Что? Кассету для самоубийства?

— На кассете записаны кое-какие звуки, распознать которые нам не удалось, поэтому мы отправили пленку в ФБР на анализ, — продолжал Меррик. — Рискну предположить, что Джоуна... Думаю, он отвел их куда-то в другое место, а не к себе домой. Если мы обнаружим что-нибудь, я немедленно дам вам знать.

— Как насчет собак?

— Не понимаю.

— В то утро, когда я нашел Джоуну, я видел полицейских с ищейками.

— Это собаки, натренированные на поиск трупов.

Майк негнущимися пальцами вытащил из пачки сигарету. Ему казалось, что какая-то часть его воспарила вверх и наблюдает за происходящим, в то время как другая половина мучительно осознает сказанное и выискивает нестыковки в словах Меррика.

— Собаки ничего не обнаружили, — сказал детектив. — Мы все еще продолжаем обыск в доме Джоуны в надежде найти нечто, что подскажет нам, где он мог... закопать ее. Мне очень жаль. Не знаю, как можно было сообщить вам об этом помягче.

— А дом Джоуны? Что с ним будет?

— Вместе с земельным участком он будет передан церкви Святого Стефана. Отец Коннелли назначен душеприказчиком Джоуны. Тот хотел, чтобы отец Джек передал вырученные деньги на благотворительность по своему выбору. Дом пребывает в ужасном состоянии, поэтому, скорее всего, тот, кто купит его, просто снесет здание, чтобы построить на его месте особняк в колониальном стиле или что-нибудь в этом роде. Это выйдет дешевле, чем ремонтировать и восстанавливать дом.

Значит, все комнаты, хранящие свои секреты, будут разрушены и уничтожены.

— Я бы хотел сам осмотреть комнаты. Может, я замечу нечто такое, что пропустили ваши люди.

Меррик уставился на него с таким видом, словно был сбит с толку и не понимал, о чем идет речь.

— Здесь нет ничего необычного, — настаивал Майк. — Кроме того, я хочу прослушать пленку с голосом Сары.

— Чтобы еще сильнее наказать себя?

— Я хочу прослушать ее. Там может быть какой-нибудь намек. Вы не знаете мою дочь так, как знаю ее я. Она очень умна. Она могла пытаться подсказать нам что-либо.

— Я могу вам посоветовать прекрасного специалиста по оказанию моральной поддержки...

— Такое вполне может случиться, — стоял на своем Майк. — Возьмите, к примеру, Элизабет Смарт [\[16\]](#). Полиция сочла ее мертвой, а все это время она была жива, и если бы ее семья поверила полиции и прекратила поиски, ее бы никогда не нашли. Но этого не случилось. Ее нашли, потому что семья не теряла веры.

— Хорошо, я устрою для вас посещение дома Джоуны, если вы этого хотите. Дайте мне несколько дней. — Меррик посмотрел на часы. — К сожалению, мне пора идти. Может, позвонить кому-нибудь?

Майку вдруг пришло в голову, что последним членом его бывшей семьи была собака. Единственным человеком, с которым он мог поговорить, был Билл, ставший ниточкой, еще связывавшей его с реальным миром.

— Пожалуй, я немного задержусь здесь, — сказал Майк. — Позвоните и дайте мне знать, когда я смогу осмотреть дом.

— Хорошо.

Меррик помедлил, потом поднялся и зашагал к выходу. Каблуки его туфель звонко цокали по паркетному полу.

— Меррик?

— Да.

— Эд рассказал мне о вашем отце. Мне очень жаль.

— Берегите себя, Майкл.

Было уже четыре часа пополудни, но солнце пока и не думало садиться, и Мэйн-стрит оставалась шумной и ярко освещенной его лучами. Майк вспомнил — это было много лет назад, — как он стоял на том же месте, где сидел сейчас, и смотрел в окно, как мать примеряет новые туфли, а продавец вежливо улыбается, стараясь не смотреть на синяки и припухлости у нее на лице. Она ушла, умерла. Ее убил Лу. И Сара тоже ушла. Скорее всего, она тоже мертва. Ее убил Джоуна.

Майк увидел самого себя в день рождения Сары, кладущим букет сирени на вершине Холма.

Он сделал это не в память о Саре. Своим поступком он отказывался признать ее смерть и отпустить ее.

Куда отпустить?

В комнату вошел официант, молодой парнишка лет двадцати, одетый с иголочки. На нем был костюм, а в ушах покачивались бриллиантовые серьги.

— Мужчина, который только что ушел, сказал, что ужин — за его счет, — сообщил парень. — Ничего, если я спрошу, кто он такой? Его лицо показалось мне знакомым.

— Вы знаете, кто такая Сара Салливан?

— Нет.

— В самом деле, откуда вам знать? Ее же не показывают по MTV.

— Прошу прощения. Я сказал что-то не так?

Майк вздохнул.

— Нет, — ответил он. — Вы тут ни при чем.

Майк решил, что лучше всего сделать то, что он задумал, пока солнце еще не зашло.

Подъезжая по Андерсон-стрит к дому, он увидел, что вся лужайка и ступеньки завалены букетами цветов, открытками, свечами и увеличенными снимками Сары. Репортеров он нигде не заметил; очевидно, они на время оставили его в покое или же до сих пор толпились у могилы Джоуны. Он заехал на подъездную дорожку и припарковал грузовичок в гараже, подальше От любопытных глаз.

Войдя в дом, он отключил телефоны в кухне и в спальне. Он не мог отвлекаться на звонки — они могли заставить его отказаться от задуманного. Майк спустился в подвал, собрал все, что было нужно, и поднялся наверх.

Комнату Сары заливали теплые солнечные лучи. Ее запах, который сохраняли подушки, простыни и одежда, уже давно выветрился. Время было безжалостно. А вот все остальное оставалось прежним: письменный стол у окна, фотография Тома Брэди с автографом, которую подарил ему Билл; куклы Барби, домик, «мустанг» и частный реактивный самолет, сваленные в кучу в углу. У Барби имелся даже собственный ресторанчик «Макдоналдс», стоявший рядом с ее особнячком. На стене, над застеленной белым покрывалом кроватью Сары, висели четыре фотографии: снимок самой Сары в палате родильного дома; Джесс, в первый раз взявшая Сару на руки; Сара у Майка на руках; Сара, спящая в плетеной переносной колыбельке. Повесить их туда захотела сама Сара — дочка пришла и восторг и изумление от того, что когда-то была такой маленькой.

Он начал с кукол Барби. Майк медленно брал их по одной и аккуратно укладывал в картонную коробку. Он решил отдать на благотворительные нужды ее игрушки, одежду и мебель. Фотографии останутся висеть на стене до тех пор, пока он не придумает, как поступить с ними. Вещи, с которыми связаны памятные истории, — например, плюшевого медвежонка с надписью на животе «Ты у меня особенная», которого Майк купил в больнице в тот день, когда Сара появилась на свет, и положил сначала в инкубатор к дочке, а позже и в ее кроватку, — он уберет в другую коробку и спрячет на чердаке, рядом с вещами своей матери.

На следующее утро, в субботу, не успел Майк вновь подсоединить телефон в кухне, как тот разразился пронзительной трелью. На экране появилась надпись «Эллис, Саманта». Майк снял трубку. Было самое начало десятого.

— Как у тебя дела?

Этот вопрос задавали ему все, словно он был смертельно болен и готовился вслед за Джоуной сойти в могилу.

— Потихоньку, — ответил он и налил себе третью чашку кофе.

— Какие планы на сегодня?

— Куча работы. Зашиваюсь. — Они безнадежно опаздывали со сдачей работы в Ньютоне. Пристройку следовало закончить к концу недели, и Билл вкалывал один, подолгу задерживаясь по вечерам. — А ты? Уже в конторе?

— Нет, у меня сегодня нет работы. Для разнообразия я решила поступить как все нормальные люди и отдохнуть в собственный уик-энд. Вчера я смотрела триллер по Lifetime, сегодня иду на йогу, а потом усажусь перед телевизором, чтобы посмотреть еще парочку дурацких фильмов. А сейчас я смотрю по ESPN, как трое мужиков лазают наперегонки по телефонным столбам.

— По телефонным столбам?

— Я серьезно. Здоровенные такие ребята с широкими кожаными поясами ползают по телефонным столбам.

Я люблю спорт, но подобное занятие представляется мне глупым. Что скажешь?

— Наверху есть голая женщина?

— Определенно нет.

— Пиво?

— Я, по крайней мере, его не вижу.

— В таком случае я согласен с тобой целиком и полностью.

Она рассмеялась, и при звуках этого смеха Майк вдруг почувствовал, как в груди что-то дрогнуло и ему стало легче.

— У тебя есть планы на сегодняшний вечер?

— Сэм, необязательно...

— Я звоню вовсе не из жалости. — Сэм помолчала, давая понять, что не шутит. — Послушай, что я тебе скажу. Поезжай на работу, сделай, что должен, а потом, если будет настроение увидаться со мной, позвони. Можешь звонить в любое время, я все равно буду дома. У тебя есть номер моего домашнего телефона?

— У меня включен определитель абонента.

— Значит, договорились. Смотри не переработайся.

— И тебе того же. — Майк повесил трубку, слыша, как в душе у него звучит теплый голос Сэм.

Он смотрел в открытое окно на кусты сирени, растущие и углу двора, когда телефон зазвонил снова.

— Значит, ты решил оставить меня здесь, пока я не сдохну, — сказал Лу.

— О чем ты говоришь?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, черт тебя подери! — Лу говорил

прерывающимся голосом, как человек, которого только что вытащили из воды, не дав утонуть. — Зная тебя, я готов предположить, что ты прочел утренние газеты и теперь прыгаешь от радости.

Майк посмотрел в окно на почтовый ящик в конце подъездной дорожки. Репортеров по-прежнему не было видно — по крайней мере, пока. Он был уверен, что они до сих пор толкуются в Белхэме. Прижав плечом к уху трубку радиотелефона, Майк вышел в кухню и направился к двери.

— Мне плевать, что они там понаписали, — продолжал Лу. — Говорю тебе, я не делал этого.

Открыв входную дверь, Майк спустился по ступенькам и быстрым шагом пересек переднюю лужайку. Утренний воздух был чист и свеж.

— Ты слышишь, что я говорю? Я не делал этого.

Он вытащил сегодняшний номер «Глоуб» и развернул. На первой странице красовалась цветная фотография Лу, которого сопровождали два детектива. Заголовок вверху гласил: «АРЕСТОВАН УБИЙЦА ТЕЛОХРАНИТЕЛЯ».

— Мой адвокат перебрался в другой штат, — сказал Лу. — А твой? По-моему, он недурственно вытащил тебя тогда.

Майк пробежал глазами статью, выхватывая отдельные слова и фразы. Найдены улики, указывающие на причастность Лу к убийству телохранителя, который умер от ожогов третьей степени. Возбуждено уголовное дело. Лу «предположительно» был связан с мафиози Кадиллаком Джеком, Скарлаттой, и, опять же «предположительно», участвовал в ограблении банковских броневиков, перевозивших деньги.

— Ты слушаешь? У меня всего пять минут.

Майк продолжал читать.

— Мой адвокат умер.

— Тогда ты должен найти мне нового.

Майк оторвал глаза от страницы.

— Что?

— Мне нужно, чтобы ты нашел мне адвоката.

Взгляд его вновь метнулся к чердаку. Вещи его матери — те, которые он сумел спасти, — лежали там в коробке из-под обуви. Незадолго до своей поездки в Париж Лу собрал все ее вещи и фотографии — буквально все ее личные вещи, которые она не взяла с собой, — и сжег в алюминиевом мусорном контейнере на заднем дворе.

— Ты — вонючий сукин сын, — сказал Лу и повесил трубку.

Часом позже Майк убедился в этом сам.

Когда речь заходила о таком загадочном человеке, как его отец, Майк был уверен только в одном: Лу до ужаса боится тесного, замкнутого пространства. Не то чтобы Лу прямо и открыто признавался в этом — отец никогда и ничем не делился с сыном. Просто однажды дождливым воскресным днем на Майка снизошло озарение, когда он смотрел у Билла по телевизору «Охотника на оленей» — сцены того, как Де Ниро и Уокена, попавших в плен, запихивают в тесные клетки. То же самое случилось и с Лу. Посмотрев фильм, он понял, почему отец всегда предпочитает лестницу лифту, почему крайне редко летает на самолетах и почему наотрез отказывается садиться в маленькие автомобили: «Оттуда не выберешься. Если сел в такую — считай, ты уже покойник».

Меррика на месте не оказалось, поэтому Майк переговорил с Тугодумом Эдом. Подъехав к участку, он увидел репортеров, столпившихся на автостоянке перед входом. Майк объехал участок, где у открытой задней двери его поджидал Тугодум Эд.

— Твоего старика определили в камеру предварительного заключения вместе с Брайаном Делански, — сообщил Тугодум Эд, когда они шли по коридору. — Знаешь его? Он наш, местный.

— Что-то не припоминаю, — ответил Майк.

— Алкаш. Габаритами не уступит Биллу, только крышу у него снесло окончательно. Сегодня в два часа ночи мы нашли этого Делански на полу в луже блевотины и крови, почти без сознания. А твой старик спит сном младенца на своей койке. У Делански сломан нос, и врачам «скорой» пришлось откачивать жидкость из обоих яичек. Сам Делански уверяет, что поскользнулся и упал. Сколько, ты говоришь, стукнуло Лу?

— В этом году будет шестьдесят.

— Готов биться об заклад, он бы и Ганнибалу Лектеру устроил веселую жизнь. — Тугодум Эд остановился перед дверью, ведущей в камеру предварительного заключения. — У тебя есть пятнадцать минут. Потом мы будем готовить его к переводу.

— Я помню правила.

— Учти, твоего старика под залог не выпустят. Поговори с ним и попробуй растолковать ему ситуацию. Всем будет легче, если он согласится сотрудничать с нами.

Тугодум Эд открыл дверь, и Майк шагнул в тускло освещенный коридор.

Лу находился в последней камере. Ссутулившись, он сидел на койке, держа обеими руками жестянку колы. Лицо его было бледным и блестело от пота. Несмотря на то что в комнате было прохладно, под мышками его футболки проступили темные полукружья. В тесной камере стоял запах пота, к которому примешивался аромат дезодоранта «Олд Спайс» и табачного дыма.

У решетки стоял раскладной стул, и Майк опустился на него.

Прошло добрых две минуты. Лу не шевелился и не открывал рта.

— Я вырос вместе с этим парнем, Поли Уотерсом, — сказал Лу. — Мы с ним даже в армию пошли одновременно. А потом однажды ночью вошли в деревню, которую якобы сравнивали с землей. Поли смотрел в другую сторону, когда узкоглазый с огнеметом превратил его в ходячую свечку. Сгорая заживо, человек кричит по-особому. Его крик забыть невозможно.

— А как кричит человек, которому ты вышибаешь мозги?

Лу поднял взгляд от банки колы.

— Полиция обнаружила окурки на заднем дворе Джоуны, за сараем, — сказал Майк. —

Угадай с трех раз, чьи отпечатки остались на них?

— Я не собираюсь садиться в тюрьму за то, что натворил кто-то другой.

— Отпечатки на окурках совпали с найденными на двух осколках стеклянной бутылки, в которой был «коктейль Молотова». В довершение ко всему, в соседях у Джоуны оказался офицер запаса. Так уж получилось, что в ту ночь он забавлялся с очками ночного видения.

Угадай, кого он увидел на крыльце выкручивающим лампочки?

— Они нашли на них отпечатки?

Не нашли. Поэтому Майк не ответил.

— Не думаю, — высказался Лу.

— Зато они нашли в снегу твою золотую зажигалку.

— В последний раз я доставал ее у МакКарти, — возразил Лу. — Кто-то украл ее из моего пальто. Можешь спросить у Джорджа МакКарти, он подтвердит.

— Кто-то пытается подставить тебя?

— Ты чертовски прав.

— Насколько я понимаю, полиция схватила тебя в тот момент, когда ты намеревался в спешке свалить из города.

— Я собирался вернуться во Флориду.

— Думаю, тебе нелегко будет убедить в этом присяжных.

Лу закрипел зубами, и на скулах у него заиграли желваки.

— Я тут позвонил кое-кому, — продолжал Майк.

После разговора с Лу он перезвонил Сэм, объяснил ей ситуацию и поделился одной мыслью, только что пришедшей ему в голову. Она выслушала его, внесла несколько предложений и согласилась помочь.

— Фрэнки Делланно, — сказал Майк. — Ты помнишь его?

Лу кивнул.

— Старый мафиози, у него была банда в Норт-Энде.

— Адвокат, которого я имею в виду, не только вытащил из каталажки самого Делланно, он еще и представлял интересы двух его рядовых головорезов — Джимми Пальчика и малого по имени Престано. Так вот, их тоже освободили в зале суда.

— Как зовут твоего адвоката?

— Вайнштейн.

— Стью Вайнштейн? У которого контора в Бруклине?

— Нет, этот парень работает в Бостоне. Его почти невозможно нанять, но я могу обратиться к другу, который попросит Вайнштейна об ответной услуге.

— Обращайся.

— Он стоит очень дорого.

— Насколько дорого?

— Пятьдесят шгук в качестве предварительного гонорара.

Лу не колебался ни секунды.

— Звони своему другу.

— Эти полсотни — только первый взнос. В таких делах, когда против тебя имеются убийные улики, речь пойдет минимум о ста тысячах, может, даже двухстах. Парни, подобные

Мартину Вайнштейну, не работают в кредит.

— Я же сказал — звони.

— Все зависит от тебя.

Лу прищурился, глядя на сына.

— Ты помогаешь мне, — сказал Майк, — и мой друг свяжется с адвокатом. Если ты мне не поможешь — выпутывайся сам. Вот такой у нас с тобой будет уговор.

— Чего ты хочешь?

— Ты расскажешь мне о том, что случилось с мамой.

— Мою задницу могут поджарить на электрическом стуле, а ты намерен ворошить прошлое дерьмо?

Майк встал.

— Она бросила нас с тобой, — сказал Лу. — Все, конец истории.

— Через месяц после своего отъезда она прислала посылку на адрес Билла, к которой приложила записку. В ней она писала, что собирается вернуться в Белхэм. Как ты узнал, где она скрывается?

— Если бы я знал это, то разве не вернул бы ее домой, как ты думаешь?

— Но сначала ты бы ее хорошенько избил. Ты ведь еще не забыл те времена, а?

Лу отпил большой глоток колы.

— Ты уехал на несколько дней, помнишь? По делам. Разумеется, помнишь. А потом ты приехал домой, позвал меня на задний двор и разразился речью о том, что она больше не вернется и что мне пора свыкнуться с этой мыслью. Может, я бы и купился, если бы не заметил открытый чемодан на твоей кровати и не порылся в нем немножко.

Майк сунул руку в карман пиджака, достал пожелтевшие билеты на самолет и постучал ими по решетке.

— Билеты в Париж и паспорт на имя Тома Петерсона, — сказал Майк. — Парень на паспорте странным образом очень похож на тебя. Хочешь взглянуть?

Следует отдать Лу должное — на его лице не дрогнул ни один мускул. Он опустил жестянку с колой на пол, вытянулся на койке и закинул руки за голову с таким видом, словно слушал прогноз погоды.

— Вся штука в том, что ты ненавидишь летать, — сказал Майк. — Тем не менее ты сел на самолет и слетал во Францию — под вымышленным именем. С чего бы это?

Лицо Лу покраснелось, на руках вздулись жилы.

— Расскажи мне, что ты с ней сделал, и я обещаю, что приложу все силы, чтобы вытащить тебя отсюда.

— А если не расскажу? — В голосе Лу звучали знакомые предостерегающие нотки: «не играй с огнем, мальчик».

— Я слышал, что камеры в Уолполе похожи на клетки для военнопленных.

Лу не ответил. Он лежал как ни в чем не бывало, и лишь в глазах его вспыхивали опасные огоньки.

Открылась дверь, и к ним подошел Тугодум Эд.

— Время вышло, Салли.

— Никаких проблем, офицер, — заявил Лу, и на его осунувшемся лице заиграла довольная улыбка. — Майкл, раз уж ты занялся выкапыванием скелетов, почему бы тебе не начать с собственной жены — прошу прощения, бывшей жены. Спроси ее насчет парня, с которым она трахалась в мотеле в Мэне за неделю до вашей свадьбы.

Ты никогда не рассказывал мне о билетах и паспорте, — сказал Билл.

— Тут нечем хвастаться, — ответил Майк и принялся помогать Биллу с установкой буфета вишневого дерева в новенькой кухне Маргарет Ван Бурен. Ее кухня могла служить демонстрационным образцом для любого журнала по дизайну интерьеров: новенькие шкафчики и буфеты потянули на восемьдесят тысяч долларов, не считая столиков с мраморными крышками, двух холодильников, поддерживающих температуру ниже нуля, и газовой плиты с духовым шкафом «Викинг» последней модели. Вот только Маргарет Ван Бурен ненавидела готовить.

Билл заметил:

— Я удивляюсь, как это сошло тебе с рук и Лу ничего не заметил.

— Наверное, он решил, что засунул их куда-нибудь по ошибке. Кто знает? Давно это было.

— А ты, значит, взял да и сохранил их.

— Ты думаешь, я должен был отдать их полиции?

— Они считали Лу причастным к исчезновению твоей матери.

— Мы с тобой прекрасно знаем, что еще в те времена у Лу были прикормленные полицейские. Отец Джек неоднократно подтверждал наши подозрения.

— Ты прав.

— Ну и самое главное — тогда мне было девять лет. Думаю, если бы Лу узнал, что эти билеты у меня, я бы лежал в могиле рядом с матерью.

— Ты серьезно?

— Он способен на что угодно. — Майк смахнул пот со лба. — А я-то думал, что загнал его в угол. Лу еще никогда не попадал в подобную ситуацию: он угодил в ловушку, и ему требуется моя помощь. Я надеялся, что, показав ему сейчас конверт, заставлю его сказать правду.

— А он вместо этого подкинул тебе мыслишку насчет Джесс.

— Угу. — Майк взялся за дрель. — И ему это удалось.

— Ты уже звонил ей?

— Нет.

— Но собираешься.

В течение следующего часа они не разговаривали. Закончив со шкафами, они принялись устанавливать полки в кладовой.

— Как-то неправильно Лу сжег этого парня, — заметил Билл. — Что-то здесь не вяжется.

Майк прервал работу, повернулся и взглянул ему в лицо.

— Мы говорим о том самом Лу Салливане, с которым я вырос? Ты ведь своими глазами видел, как он колотил Джона Саймона головой о бампер машины и едва его не убил.

— Лу способен сжечь человека? Запросто. Он способен не только на это, но еще на сотню разных вещей, которые мы с тобой даже вообразить не можем. Но вот прятаться за сараем, да еще оставить на месте кучу окурков и золотую зажигалку — это уже перебор, ты не находишь?

Майк и сам думал об этом.

— О твоём старике я могу с уверенностью сказать одно — он никогда не отличался небрежностью. Что бы он ни вытворял, у него хватило ума и сообразительности не попасться. Он никогда не оставлял после себя никаких улик.

«Это потому, что он закапывал трупы там, где никто не мог их найти».

До самого вечера они больше не обменялись ни словом. В шесть часов Билл решил, что пора закругляться.

— Ты пригласил Сэм на ужин в городе? — поинтересовался он, надевая куртку.

— Я собираюсь закончить здесь кое-что, а потом поеду домой.

— Отличная мысль. К чему ехать в город, чтобы провести время с красивой женщиной, когда можно целый вечер скандалить с бывшей женой?

— Я не еду в Роули.

Но он дважды выходил к грузовичку, чтобы позвонить Джесс. Она не отвечала. Её самолет должен был приземлиться еще в три часа пополудни. Может, случилась какая-то задержка, или же она вылетела более поздним рейсом.

— Сегодня вечером сестра Патти забирает детей к себе, — сказал Билл. — А мы с Патти закажем ужин на вынос в китайском ресторане и посмотрим новую комедию с Адамом Сэндлером.

— Как тебе удалось уговорить ее на такое кино?

— Потому что в прошлые выходные она заставила меня посмотреть от начала и до конца одну картину под названием «Часы». Она уверяла меня, что там есть лесбиянки.

— Давай угадаю. Никаких лесбиянок не было.

— Были, но какие-то неинтересные. — Билл вздохнул и покачал головой. — Выкинь это из головы, Салли.

— А ты смог бы на моем месте?

— Если бы узнал об этом от Лу? Пожалуй, да.

— Значит, если бы кто-нибудь сказал тебе такое о Патти, ты бы не придал этому значения?

— Мы с Патти до сих пор женаты. А вы с Джесс разведены. И какой теперь смысл ворошить прошлое?

Майк взял большой бумажный стаканчик с кофе.

— В котором часу встречаемся завтра?

— Неделю назад я смотрел по телевизору передачу о том, что можно пожертвовать свое тело для исследований в медицинских колледжах. Ты удивишься, когда узнаешь, как просто это сделать. Подписываешь пару бумажек, и все. Из твоего старика получился бы недурной образчик.

На следующий день в четыре часа пополудни Майк звонил в двери дома Джесс. На передней лужайке торчала табличка с надписью «ПРОДАЕТСЯ».

Джесс выглядела на удивление отдохнувшей и собранной в темно-синей модельной юбке и блузке цвета слоновой кости с глубоким треугольным вырезом. Она сменила прическу, подстриглась и сделала мелирование. Глядя на нее, Майк с изумлением отметил про себя, что эта женщина, которую он знал еще со школы, девчонка, предпочитавшая в одежде джинсы и футболку и с удовольствием приходившая на игры «Пэтриотс», чтобы потусоваться с друзьями и выпить пивка, стала совершенно другой. Она превратилась в женщину, уделявшую большое внимание своему туалету и проводящую время в путешествиях по Европе.

Майк шагнул через порог, и она крепко обняла его.

Близость ее тела вызвала у него в памяти воспоминания о прошлом, о событиях, определивших их совместную жизнь: вот он утешает Джесс на похоронах ее отца; вот они вдвоем танцуют на свадьбе; вот они радостно обнимаются после того, как врач в роддоме сообщил им, что Сара победила инфекцию. На него нахлынули воспоминания и о мелких, незначительных моментах повседневной жизни, которые он воспринимал как само собой разумеющиеся: вот они смеются в кино, или он целует ее перед уходом на работу. И Майк почувствовал себя одиноким и всеми забытым.

— Мне очень жаль, — прошептала она, спрятав лицо у него на груди. — Очень и очень жаль.

Он не понял, кого она жалеет — его или Джоуну, или их всех вместе.

Джесс отстранилась и вытерла уголки глаз. Она явно не знала, что сказать, — или же просто не хотела ничего говорить, по крайней мере, пока, — повернулась и направилась в столовую.

— Когда ты улетаешь?

— Во вторник утром, — ответила Джесс.

Через два дня.

— Это самое большое, на что я сподобилась.

И Джесс широким жестом обвела стол, на котором громоздились пластиковые тарелки с омлетом, беконом, гренками, клубникой, нарезанными яблоками и дыней.

Майк опустился на стул. В лицо ему светило солнце, заглядывающее в комнату через окна. Он цеплялся за это чувство, за ощущение свежего, прохладного дуновения воздуха, слушая, как Джесс объясняет, что уже отправила кастрюли и сковородки вместе с кое-какими особенно дорогими ей предметами мебели. Краем уха он отметил, что она упомянула о какой-то транспортной компании, представители которой должны вывезти отсюда все остальное, и о том, как дорого они берут за свои услуги.

(Джесс лежит на спине, помогая грубым рукам расстегнуть пуговицы у нее на блузке.)

Майк старательно не сводил взгляда с долек мускатной дыни, а перед его мысленным взором безостановочно вспыхивала цифра «10». Он сосредоточился на ней, стараясь медленно дышать носом. Глубокое брюшное дыхание — вот лучший способ успокоиться.

(Джесс засовывает большие пальцы за пояс джинсов и трусиков и яростно стаскивает их с себя, словно сгорая от желания)

Джесс что-то сказала ему.

— Прости, не расслышал, — извинился он.

— Я спросила у тебя, что случилось?

Перед глазами Майка возникло ухмыляющееся лицо Лу.

— В пятницу вечером я собрал кое-какие вещи Сары, — сказал Майк. Он упорно смотрел в свою тарелку, на яркие цвета дыни и клубники.

Джесс сложила руки на столе и приготовилась слушать.

— Это было нечестно. Подло. Я чувствовал себя так, словно сказал ей, что в моей жизни для нее больше нет места. На следующее утро мне захотелось разложить все по местам.

— Быть может, ты еще не готов сказать «прощай», — предположила она.

«В этом-то все и дело, Джесс. Я не знаю, буду ли когда-нибудь готов».

Он вздохнул и спросил:

— Что тебе известно?

— Я прочла о случившемся на сайте bottom.com. Да и «Глоуб» описала события весьма подробно.

— И ты хочешь, чтобы я рассказал тебе остальное?

— Если у тебя есть такое желание.

Майк начал с того вечера, когда стоял на крыльце Джоуны, и постепенно рассказал ей обо всем, заканчивая встречей с Мерриком «У Дакоты». Увлечшись, он и сам не заметил, как его внимание переключилось на вид за окном, на задний двор, на поросшую зеленой травой лужайку и распустившиеся цветы, на снаряды из гимнастического комплекса Сары, — словом, он смотрел куда угодно, только не на лицо Джесс. Он боялся, что если посмотрит на нее, то мысли, которые не давали ему покоя со вчерашнего дня, после разговора с Лу, вырвутся наружу, и он не совладает с собой.

— Возвращаясь к нашей встрече на дороге, — закончил Майк, — я теперь жалею, что не дал ему задохнуться.

— Ты поступил правильно.

Ее тон свидетельствовал, что на самом деле она так не думает.

— И поэтому ты злишься?

— Я не злюсь.

— У тебя шея побагровела.

— Мне просто жарко. Кажется, я подхватил грипп. У нас тут целая эпидемия.

— Тогда почему ты избегаешь смотреть на меня? Ты ведешь себя так только тогда, когда стремишься избежать ссоры.

Она была права, конечно. Джесс прекрасно разбиралась в проявлениях его настроения и наизусть знала все аварийные выходы и прочие приемы, к которым он прибегал, уходя от неприятного разговора.

— Если тебя что-то тревожит, — предложила Джесс, — скажи мне об этом прямо, и мы посмотрим, что можно сделать.

На ее запястье сверкнул браслет с бриллиантами. Должно быть, подарок ее нового ухажера. Он пристально уставился на него (когда ее пальцы шарят в поисках трусов мужчины и наконец находят их, она рывком стягивает их с него, может, даже рвет податливую ткань в нетерпении, потому что когда Джесс Армстронг нужно что-то, она идет к цели напролом. Она всегда получает то, чего добивается, — не правда ли, Майк?) и почувствовал, как давешние слова Лу еще глубже запустили зубы в плоть его души.

Майк поднял голову и взглянул ей прямо в глаза.

— Полагаю, ты знаешь, что случилось с Лу.

— Да, — ответила она и вздохнула. — Мне жаль, что, помимо всего прочего, тебе приходится заниматься еще и этим.

— А ты не удивилась. Насчет Лу, я имею в виду.

— Когда речь заходит о твоём отце, я уже ничему не удивляюсь.

— Я разговаривал с ним вчера. В тюрьме.

— Господи!

— Ему нужна моя помощь.

— Ради всего святого, зачем тебе это нужно?

— Я никогда не говорил тебе, что Лу страдает клаустрофобией?

— Какое это имеет отношение к тому, что ты навещал его?

— Я думал, что смогу использовать эту слабость против него. Заставить его рассказать то, что я хотел узнать о своей матери. Я загнал его в угол, и на этот раз у меня есть доказательства.

И Майк рассказал ей о билетах на самолет и паспорте, а также о том, как узнал об этом.

— Ты никогда не говорил мне об этом, — упрекнула его Джесс. Она выглядела уязвленной. — Ты должен был рассказать все полиции, когда они задавали вопросы о твоей матери.

— Из этого не вышло бы ничего хорошего.

Джесс ненадолго задумалась, потом сказала:

— Наверное, ты прав. Когда речь заходит о том, чтобы сохранить тайну, твой отец — профессионал. Он что-нибудь рассказал тебе?

«Лу ни слова не сказал о моей матери, Джесс. Он поступил так, как поступал всегда: все отрицал, отрицал, отрицал. Зато он упомянул о том, что ты путалась с другим парнем всего за неделю до нашей свадьбы. Я бы отмахнулся от его слов, если бы этот сукин сын не выглядел таким самодовольным, когда говорил мне об этом, словно бросая вызов».

Майк знал ее еще со школьной скамьи. Любое сомнение в ее верности даже сейчас было бы эквивалентно звонкой пощечине. Она придерживалась сама — и, к сожалению, заставляла придерживаться других — строгих моральных принципов. Когда одна из лучших, еще школьных, подруг Джесс призналась, что у нее роман с женатым мужчиной, Джесс вышла из себя. Майк как раз был дома и слышал, как Джесс орала на кухне: «Мне плевать, что ты его сильно любишь, Карла, этот человек — женат! Это неправильно».

Так почему же Лу сказал то, что сказал?

«Джесс — единственная ниточка, которая соединяет тебя с памятью о Саре. Если ты задашь ей этот вопрос, будь готов сказать "до свидания"».

Джесс накрыла его руку своей и легонько сжала. Что бы он ей ни сказал, она разделит с ним его боль и, как уже бывало во времена их брака, поможет ему найти выход из сложившегося положения.

— Скажи мне, — попросила она.

— Он отрицал, что имеет какое-то отношение к случившемуся.

— Тогда чему ты удивляешься?

— Я думал, что он у меня в руках. Видела бы ты его лицо! Он ведь умирает там.

— Хорошо, — сказала Джесс, пожимая его руку. — Очень хорошо.

За месяцы, прошедшие после исчезновения Сары, Майк привык к тому, что телефон может зазвонить в любое время дня и ночи. И когда раздалась звонкая трель, он просто повернулся на бок и взял с тумбочки трубку, ожидая, что звонит Джесс, Меррик или еще какой-нибудь придурок, которому нечем заняться, кроме как позвонить с платного телефона с очередной байкой о том, что он-де видел Сару или же знает, что с ней случилось.

Но это оказалась Роза Жиро.

— Это Тед, — хлюпая носом, сообщила она.

Майк сел на кровати. Он знал, что ее муж перенес уже три сердечных приступа, последний из которых едва не убил его.

— Он принял предложение занять должность руководителя исследовательской программы в Калифорнийском университете в Сан-Диего.

— Тогда почему ты расстроена?

— Он принял предложение, не посоветовавшись со мной.

В этом не было ничего удивительного. Майк никогда не встречался с Тедом Жиро лично, а видел его лишь на фотографиях. Тот был настоящим медведем, с окладистой густой бородой и в очках в толстой роговой оправе. Инженер-химик по образованию, Тед, по словам Розы, большую часть времени проводил или на работе, или запирался в подвале их дома, где у него было нечто вроде лаборатории. Если верить Розе, он был бесчувственным чурбаном, настоящим сухарем и букой.

— Я сказала ему, что никуда не поеду, не могу бросить дом, — пролепетала Роза и откашлялась. — И знаешь, что он мне ответил? Он сказал: «Поступай, как знаешь, Роза, но я уезжаю». Он так меня наказывает. Точно так же, как с обеденным столом. Помнишь, я рассказывала тебе, что приглашала отца Джоуну к нам на обед?

— Помню.

— Он сидел за нашим столом рядом с Эшли и другими детьми, а потом, после его ухода, Тед всякий раз говорил мне, что, по его мнению, Джоуна — очень странная личность. Я отвечала Теду, что он ведет себя глупо. Тед ведь не ходит в церковь. Он называет религию очковтирательством. И когда он начинал говорить об отце Джоуне всякие гадости, я просто отмахивалась от них, чем приводила Теда в ярость.

Роза всхлипнула. Майк представил ее сидящей в одиночестве в темноте, закутанную в халат и со скомканной салфеткой в кулаке.

— Тогда все было по-другому, — продолжала она. — У нас по-прежнему хороший район, но в те времена мы знали всех соседей. Наши дети росли вместе. Они катались на велосипедах где хотели. И когда ты записывал своего ребенка на программу продленного дня в церкви, тебе и в голову не приходило беспокоиться о том, что священники могут растлить его, или что Церковь будет покрывать святых отцов. Даже когда полиция сообщила мне, что они нашли туфельки Эшли в кабинете Джоуны, когда рассказали мне о том, что он сделал в Сиэтле, я защищала его и заявила Теду, что этому должно найтись какое-то разумное объяснение. Вы ведь не подвергаете сомнению священников. И не сомневаетесь в Церкви. А я принимала этого человека у себя дома. Я поверяла ему свои прегрешения. Я доверяла ему. — Роза вновь всхлипнула. — Знаешь, Тед ведь так и не простил меня.

Роза часто и подолгу говорила об исчезновении дочери, но ни словом не обмолвилась о

том, как это повлияло на ее отношения с мужем. Майк всегда считал, что они выступают единым фронтом, объединенные общей скорбью и любовью к ребенку, стремясь найти способ жить дальше.

— И знаешь что, Майкл? Тед прав. Он прав. Матери полагается защищать своих детей. Все признаки были налицо, но я предпочла не замечать их.

— Ты ни в чем не виновата, — сказал он и тут же пожалел о своих словах. Он бы взял их обратно, если бы мог. Он изрек избитую банальность, которую столько раз приходилось слышать ему самому. Сколько раз он сам не обращал на них внимания и гнал их от себя? Сара одна поднялась на вершину Холма — в этом был виноват он, и только он. Можно сколько угодно извиняться, но от этого ничего не изменится. Словами горю не поможешь.

— У меня до сих пор хранится тот проклятый обеденный стол, — сказала Роза. — Тед наотрез отказался избавиться от него. Со дня исчезновения Эшли не прошло и года, когда Тед вошел в ее комнату, собрал все ее вещи и отдал их на благотворительность, не сказав мне ни слова, — а потом заявил, что я должна жить дальше. Но вот обеденный стол...

О нет, его нельзя трогать ни в коем случае. Не имеет значения, что меня тошнит от одного взгляда на него, ведь он принадлежал его драгоценной мамочке. Я перестала есть за ним, но ты думаешь, он обратил на это внимание? Он хотел наказать меня. За то, что случилось с Эшли. За то, что я отказалась переехать с ним в Кембридж, когда Гарвард предложил ему должность научного руководителя программы исследований. Я не могла переехать, да и о детях нужно было подумать. Я не хотела вносить в их жизнь еще больший беспорядок. Но Тед... Он стремился начать все сначала. В конце концов я заявила, что, если он примет предложение, я уйду от него. — Она шмыгнула носом, глотая слезы, и пробормотала: — Я заслужила это.

— Этого не заслуживает никто, Роза.

— Врач говорит, что такие вещи случаются.

— Откуда ты могла знать о прошлом Джоуны?

— Я имею в виду ребенка.

— Не понимаю.

— Перед Эшли у нас был еще один ребенок. Мы с Тедом полагали, что беременность протекает нормально, — сказала она. Роза говорила с надрывом, словно слова давались ей с невероятным трудом. — Но потом, на четвертом месяце, вдруг обнаружилось, что у нашего ребенка нет мозга. Врач предложил нам на выбор два варианта, и Тед... Тед убедил меня поступить благоразумно и гуманно. В его устах все это звучало так практично, по-научному. Врач тоже проявил такт и понимание, но это уже не имело значения. В глазах Господа я совершила убийство. Я знала это.

Роза была слеплена из того же истинно католического теста, что и его мать. Она была продуктом католической школы еще тех времен, когда монахини лупили вас по рукам линейкой. По воскресеньям вы ходили на мессу; вы давали своим детям обязательное религиозное воспитание и образование; вы следовали правилам и делали то, что вам говорили. И ни при каких обстоятельствах вы не должны были совершать великое злодеяние, известное под названием «аборт». Подобные вещи всегда происходят только по воле Божьей.

Майку хотелось утешить ее и сказать, что, по его глубокому убеждению, Богу нет до них никакого дела. Что единственный человек, который заботится о тебе, — это ты сам.

— По каноническим законам любой, совершивший грех аборта, автоматически отлучается от Церкви, — сказала Роза. — Я знала об этом, но не могла жить с такой ношей.

Я хотела вымолить прощение, но не могла признаться в своем грехе отцу Джоуне. Я боялась, что он осудит меня. Поэтому я уехала в соседний городок и исповедалась отцу Моргану. — Она заплакала. — Он накричал на меня, — пробормотала она сквозь слезы. — Сказал, что я не имела никакого права принимать такое решение, что я должна была родить ребенка, чтобы его можно было крестить. А потом его следовало должным образом похоронить, чтобы душа его вознеслась в рай, но я не сделала этого. Я предпочла легкий путь и обрекла его душу на вечные муки ада.

Предлагать утешение в таких запутанных и крайне эмоциональных обстоятельствах было специальностью Джесс. Она никогда не испытывала проблем в выборе нужных слов, никогда не терялась и не молчала, как он сейчас.

— Отец Джоуна... Он догадался о том, что что-то случилось. А я просто не могла больше носить это в себе. И я созналась ему во всем. И знаешь, что он сделал, Майкл? Он был очень мягок со мной. Очень добр. И вот это я вспомнила в первую очередь, когда открылась ужасная правда о нем. Проявить такую доброту и мягкость, а потом повернуться спиной и сделать то, что он сделал с Эшли. Я... я больше ничего не понимаю, Майкл, не понимаю, и все гут. — Роза разрыдалась, но быстро взяла себя в руки. — Прости меня, — сказала она. — Я не имела никакого права звонить и взваливать на тебя свои беды. Не знаю, зачем я все это рассказываю, честное слово.

— Все нормально. Откровенно говоря, я не знаю, что сказать. Я никогда не был силен в таких вещах.

— Ты выслушал меня. В отличие от Теда.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Расскажи мне о Саре. Мы с тобой много разговаривали, но ты ни разу не рассказывал мне о том, какой она... была прежде.

— Что ты хочешь знать?

— Все, — ответила Роза. — Я хочу знать все.

Вполне уместный вопрос, — заявил Билл, переворачивая гамбургеры и хот-доги, жарившиеся на гриле, установленном на подъездной дорожке. Наступил чудесный весенний вечер, и гости и хозяева вышли во двор, наслаждаясь приятной прохладой. Далеко в воздухе разносились крики мальчишек, играющих в хоккей на другом конце улицы.

Чтобы отряхнуть желтый резиновый мячик от собачьей слюны, Майк пинком ноги отправил его в полет вдоль подъездной дорожки и, когда тот прикатился обратно, забросил его на задний двор Билла. Фанг с лаем устремился за ним.

— Ладно, я буду Человеком-пауком.

— Ты — идиот.

— Если бы я мог выбирать, кем из супергероев стать, то выбрал бы Человека-паука.

— Но Супермен может летать.

— И Человек-паук тоже. Он летает на паутине.

Билл покачал головой.

— Раскачиваться и прыгать на паутине — еще не значит летать, брат.

— Это одно и то же.

— Ничуть не бывало. Человеку-пауку нужны высокие здания, небоскребы — ну, ты понимаешь, всякая дрянь, чтобы было за что цеплять свою паутину. Иначе он так и останется сидеть на земле. Как, например, он может перепрыгнуть — прошу прощения, перелететь — через кукурузное поле?

— А зачем ему перелетать через кукурузное поле?

— Предположим, его позвали расследовать происхождение кругов на поле.

— Кругов на поле, — повторил Майк.

Фанг, держа в зубах мячик, подошел к грилю, принялся, недовольно фыркнул и вперевалку направился к Майку.

— Их оставляют инопланетяне. Круги — составная часть их навигационной системы, — разгоняя дым, заявил Билл. — Ты что, не видел фильма «Знаки»?

— Нет. Кстати, чего ты сцепился с Патти из-за гриля?

— Потому что в прошлый раз она сунула на решетку сосиски из соевого творога и думала, что я не замечу разницы. Чертова штука на вкус напоминала подошву. Возьми в прокате и обязательно посмотри «Знаки». Парень, который снял это кино, Найт, — настоящий гений.

Майк подобрал мячик и тут заметил серебристый БМВ с тонированными стеклами, причаливший к тротуару прямо перед домом Билла.

— Ты не говорил мне, что Бам собирается приехать.

— Бам раскатывает на «лексусе», — отозвался Билл. — Эй, это, наверное, «Издательский клиринговый дом». Смотри, нет ли у них камеры и воздушных шариков — они выдают их с головой.

— Нет, те парни ездят на фургонах.

Дверца водителя распахнулась, и наружу вылез молодой человек с коротко стриженными платиновыми волосами, обильно смазанными гелем и торчащими в разные стороны. Неподобающую худобу его костлявого тела прикрывали — Господи Иисусе! — темно-бордовые брюки и черная рубашка. На кончике носа красовались солнцезащитные

очки в черной оправе.

— Мистер Салливан! Это я, Энтони.

Билл приложился к бутылке «Сэма Адамса».

— Что ж, теперь я понимаю, почему ты перестал встречаться с девчонками.

— Это секретарь Сэм.

— Сэм держит такого красавчика в секретарях? Ну, иди, встречай его.

Майк зашвырнул мячик на задний двор и зашагал вниз по подъездной дорожке.

— Мы весь день пытались дозвониться вам на сотовый, — сообщил Энтони, когда Майк подошел.

— Вчера вечером я забыл зарядить батарею. Что стряслось?

— Ну, слушайте: ваш отец нанял мистера Вайнштейна в качестве своего адвоката.

Майк стиснул зубы, и на скулах у него заиграли желваки.

— Сэм предупреждала меня, что именно так вы, скорее всего, и отреагируете, — продолжал щебетать Энтони. — Насколько мне известно, вы вдвоем заключили нечто вроде сделки. Почему она сорвалась, я не знаю. Она просила передать, что перезвонит вам позже.

— Сэм сейчас у себя в конторе?

— Нет, до восьми она будет занята на совещании. Она позвонит, обещаю. — Энтони наклонился к открытому окну, взял с приборной панели белый конверт и протянул его Майку. Конверт был запечатан. — Мистер Вайнштейн просил передать его вам лично в руки. Наши курьеры так далеко не забираются, поэтому ваш покорный слуга предложил свои услуги.

— Благодарю, — сказал Майк. — С меня пиво.

— Заметано, — отозвался Энтони и подмигнул. Он сел в машину, высунул руку в окошко и, отъезжая, помахал на прощание.

Майк вскрыл конверт. Внутри лежал ключ от дома и клочок бумаги. Он развернул его и в свете сумерек прочел несколько строчек, нацарапанных Лу на гербовой бумаге адвокатской конторы.

Майкл!

Мне отказали в освобождении под залог и заперли в каталажке в Кембридже вплоть до заседания суда. Завтра в 10 утра у меня назначена встреча с адвокатом. Он рассчитывает получить аванс в сумме 50 тысяч долларов. Деньги лежат в сейфе под полом. Подними ковер в своей старой спальне и увидишь его. Комбинация: 34-26-34. Возьми оттуда деньги, а остальное не трогай.

Ты сказал, что хочешь совершить обмен. На дне сейфа лежат кое-какие вещи, принадлежавшие твоей матери. Завези мне завтра деньги, и я отвечу на все твои вопросы. Мне разрешено встречаться с посетителями.

Я не имею никакого отношения к сгоревшему охраннику.

Майк сложил клочок бумаги и зашагал обратно по подъездной дорожке. У него кружилась голова.

Билл ткнул в письмо щипцами для барбекю и поинтересовался:

— Это что, любовное послание от твоего модного гостя?

Майк развернул листок. Билл взял его щипцами за уголок и прочел.

— Надеюсь, твоему старику нравится жаркий климат, — сказал он и опустил письмо на решетку.

На глазах у Майка лист бумаги съежился и вспыхнул ярким пламенем. Он пожалел, что

не может с такой же легкостью разделаться с вопросами, не дающими ему покоя. А как было бы здорово сложить из них погребальный костер и уйти не оглядываясь.

Прижав к уху сотовый телефон, Майк откинулся на спинку переднего сиденья своего грузовичка и сказал:

— Ты говорила, что Вайнштейн не возьмется за это дело, пока не получит разрешение от тебя.

— Твой отец оставил сообщение Миранде...

— Кому?

— Миранда — секретарь Мартина, — пояснила Сэм. — Так вот, твой отец оставил сообщение Миранде, в котором уведомил, что если Мартин возьмется за его дело, то получит бонус в сумме двадцать пять тысяч долларов. Если же Мартину удастся снять с твоего отца все обвинения, то бонус составит сотню тысяч. Волшебное слово здесь — «наличными». Ты понимаешь, что я имею в виду?

Еще бы он не понимал. Помимо тех процентов, которые контора выплатит Мартину Вайнштейну за то, что он взялся защищать клиента, он сможет разбогатеть сразу на сто двадцать пять тысяч долларов — причем чистыми, без налогов, поскольку Лу согласился заплатить ему наличными. Никаких записей, никаких банковских переводов, и Налоговому управлению придраться не к чему.

— Давай угадаю, — сказал Майк. — Мартину не придется делиться своим заработком с конторой, верно?

— Мартин отстегнет немножко Миранде, чтобы она держала язык за зубами, и она не станет болтать. Она работает с ним уже давно. И он хорошо платит ей за преданность.

— Ну, пока что она подвела его, раз не смогла удержать все в тайне.

— Это не Миранда посвятила меня в подробности, а Мартин.

— Мартину все равно, что это за деньги?

— Нет. Но он нуждается в них. Он положил глаз на новый «бентли».

— Славный малый, правда?

— Почему ты не сказал, что у твоего отца есть под рукой такая сумма?

— Потому что я и сам не подозревал об этом.

Лу никогда не любил светиться. Да, он носил костюмы, а не ходил в обносках, но никогда не швырял деньги на дорогие машины или модные курорты. В Белхэме он жил в одноэтажном фермерском доме, а в первые годы после его возвращения из Вьетнама с деньгами у них было по-настоящему туго.

— Когда мы с тобой в первый раз заговорили об этом, я сказала, что если ты решишь использовать имя Мартина как наживку — а ты, судя по всему, так и поступил, — то существует вероятность, что твой отец просто снимет трубку и сам позвонит Мартину.

— Вот почему я думал, что мы с тобой договорились.

— Ты не предупредил меня, что твой отец начнет разбрасываться наличными. Если бы я знала об этом, то, не исключено, предложила бы другую тактику.

Майк злился не на Сэм, а на себя самого. Мысль о том, как загнать Лу в угол, настолько увлекла его, что он совсем забыл о деньгах. Да, конечно, Майк знал об ограблениях банковских броневинов, как и о том, что похищенная сумма составила два миллиона. Его ошибка заключалась в том, что он полагал — без всяких на то оснований, как выяснилось, — что отец уже потратил свою долю. Майк не учел, что Лу — очень предусмотрительный

человек, который мог припрятать записку поблизости.

«Не забывай о том времени, что Лу провел во Флориде. Или ты думаешь, что он просто загорал там на солнышке?»

— Почему все это так тебя беспокоит? — спросила Сэм. — Я думала, что ты порвал с ним.

— Теперь это не имеет значения. Сколько я должен тебе за хлопоты?

— Нисколько.

— Тогда разреши пригласить тебя на ужин. Я приеду в город, и мы сходим в какое-нибудь приличное заведение.

— Приличное заведение может нанести ощутимый урон твоему кошельку.

— И о чем идет речь? О салатах по пятьдесят баксов за порцию?

— О нет. Больше, намного больше.

— Полагаю, мне придется еще и вырядиться, как на свадьбу?

— Можешь не сомневаться.

— Выбирай время и место. Я позвоню завтра.

Майк повесил трубку и посмотрел в окно на дом Лу — не стоит заблуждаться, это всегда был дом именно Лу, а мать и сын всего лишь жили в нем на правах гостей. В последний раз Майк был там, когда ему исполнилось восемнадцать. После того как Лу ушел на работу, он собрал свои вещи — все его имущество уместилось в двух картонных коробках — и переехал в комнату в доме О'Мэлли, комнату, освободившуюся после Чака и Джима О'Мэлли, которые одновременно записались на службу в армию.

Это было двадцать лет назад, и с тех пор в окрестностях произошли значительные перемены. Одноэтажные фермерские дома снесли, а на их месте возвели славные особняки в колониальном стиле, и у некоторых было даже по два гаража. Минувло двадцать лет, но за это время Лу не озаботился освежить внешний вид своего дома, и он сохранил мрачный облик заброшенной берлоги, в которой отсиживается серийный убийца.

Майк сидел в грузовичке, смотрел на свой старый дом и думал о записке Лу. Лу предлагал ему последний шанс. Если завтра утром Майк не привезет ему денег, между ними все будет кончено. Лу с радостью унесет с собой в могилу все тайны. Совсем как Джоуна.

«Из этого все равно ничего путного не выйдет. И ты прекрасно знаешь об этом».

Именно этот благоразумный внутренний голос помогал ему избегать неприятностей в юности. Благоразумный и убедительный. Совсем как его мать.

Майк вылез из кабины, захлопнул дверцу и зашагал по лужайке к передней двери, на ходу вынимая ключи из кармана джинсов. Он отпер дверь и вошел в гостиную, правой рукой шаря по стене в поисках выключателя.

В гостиной на полу по-прежнему лежал выцветший коричневый ковер, а стены все так же оставались голыми и выкрашенными в белый цвет. На них не было ни картин, ни фотографий. За гостиной располагалась небольшая кухонька — с тем же самым полом из белого линолеума, безукоризненно чистая и безликая, а в раковине и на столе с зеленой столешницей не было и следа грязной посуды. В воздухе ощущался легкий запах аммиака и хлорки — резкие антисептические ароматы, вполне уместные в такой холодной обстановке. Мебель выглядела так, словно ее перенесли сюда из больницы палаты или иного места, где люди залечивают раны, душевные и физические.

Майк закрыл за собой дверь. В шесть шагов он пересек гостиную и кухню. Щелкнув очередным выключателем, он свернул в узкий коридор, направляясь в свою старую спальню,

как вдруг, проходя мимо открытой двери в спальню Лу, заметил какие-то фотографии в рамках, стоявшие на комод.

Майк замер на месте, а потом вошел в отцовскую спальню и включил верхний свет с фотографий на него смотрела Сара.

Их было четыре, и на всех дочка была снята в разном возрасте: Сара в сарафане, идущая босиком рядом с Фангом и держащаяся рукой за спину собаки, чтобы не упасть; Сара, нюхающая одуванчик; Сара, играющая с Полой О'Мэлли на гимнастическом комплексе на Холме; Сара в розовом лыжном костюме держит Майка за руку, и оба ожидают очереди, чтобы подняться на Холм.

Снимки выглядели знакомыми и чужими одновременно. Майк никогда не дарил отцу фотографий — и Джесс тоже. Ни за что на свете. Майк считался кем-то вроде семейного фотографа, поскольку у Джесс вечно не хватало терпения возиться с камерами. Она старалась держать обе руки свободными, чтобы подхватить Сару, если та упадет.

Так вот, эти снимки сделал не Майк, а Лу. Лу, которому он приказал держаться от дочки подальше. Вместо этого тот подсматривал за Сарой в видоискатель фотоаппарата и украл эти мгновения их жизни.

Наверняка фотографий Сары на самом деле больше. У отца должны остаться целые катушки отснятой пленки.

Первым делом Майк просмотрел содержимое выдвижных ящиков комода. Ничего не найдя, он перешел к ящикам прикроватной тумбочки, коробкам из-под обуви в шкафу и даже заглянул под кровать. Ничего.

Может, остальные фотографии лежат в сейфе.

Войдя в свою старую спальню, Майк включил свет. Комната была совершенно пуста. Как и шкаф. Он достал из кармана швейцарский армейский нож, подаренный ему детьми Билла на прошлое Рождество и, выбрав лезвие, опустился на колени, чтобы приподнять уголок ковра. Взявшись за самый краешек, он хорошенько рванул его кверху.

Лу пришлось изрядно постараться, чтобы оборудовать этот тайник. Майк немного разбирался в сейфах. Несколько лет назад, когда Джесс решила хранить кое-какие важные документы дома, а не мотаться всякий раз за ними в банковскую ячейку, Майк проконсультировался у мастера из бостонской компании «Транко Сейф» по поводу наиболее подходящей модели. И хотя внешне сейф Лу ничем не отличался от его собственного — квадратный, из твердой стали с крышкой заподлицо, чтобы не выступать из-под ковра, — Майк готов был биться об заклад, что в модели Лу установлены невысверливаемые стенки и еще какая-нибудь сверхнадежная защита против взлома чем-то наподобие кувалды. Сейф был вделан в бетон, так что извлечь его без помощи тяжелого строительного оборудования не представлялось возможным.

Когда он был маленьким, сейфа здесь еще не было. Он был установлен меньше пяти лет назад. Когда Сара исчезла, а Джоуна еще не стал главным подозреваемым, Меррик со своей командой взяли Лу на мушку и перевернули дом вверх дном, предполагая, что Сару похитил кто-то из прежних дружков Лу. Тугодум Эд даже не заикнулся о том, что они нашли нечто вроде сейфа, битком набитого банкнотами — или фотографиями Сары, если на то пошло.

Майк набрал комбинацию цифр, повернул колесико и услышал щелчок — замок открылся.

Первым делом в глаза ему бросились туго скатанные ролики стодолларовых купюр, перетянутых резинкой. Майк взял наугад один и пересчитал. Десять тысяч — и это только в

одном ролике. А здесь их чертова пропасть, в зависимости от глубины сейфа. Еще через пять минут он знал точную цифру.

— Господи милосердный...

В сейфе лежало полмиллиона — наличными.

«Еще бы, — сказал внутренний голос. — Если бы он отнес деньги в банк, правительство вмешалось бы и заморозило его счета».

В голову Майка пришла безумная мысль — пожертвовать их на благотворительность. Да, Лу, я нашел деньги и подумал, что лучше бы им попасть в другие руки. Ну, ты меня понимаешь — отдать их тому, кто действительно в них нуждается. Поэтому я взял да и отдал их Американскому обществу против жестокого обращения с животными. Это ребята, которые подбирают и выхаживают потерявшихся и бродячих собак. Не благодари меня, Лу. Выражение твоего лица — вот лучшая награда для меня. Это было бы самое памятное мгновение в его жизни, но Лу, пожалуй, преследовал бы его до самой смерти.

На дне лежал конверт, завернутый в полиэтиленовую пленку. Майк достал его и открыл.

Внутри лежали фотографии, но не Сары. На верхнем снимке, выцветшем и слегка пожелтевшем от времени, видны были люди, идущие по улице, застроенной домами из красного и белого кирпича со множеством фонарей. Поначалу Майк решил, что это Фэнейл-Холл в Бостоне. Но улочка выглядела не такой открытой, и в ней ощущалось нечто чужеродное.

Париж.

Майк взгляделся в лица на фотографии. Все они были ему незнакомы. Судя по одежде, снимок был сделан весной или летом. На обороте фотографии он увидел печать фотоателье: «16 июля 1976 года».

Июль. В том месяце Лу летал в Париж. Следующий снимок: блондинка с искусственной проседью сидит за столиком на тротуаре под белым навесом. Она читает газету, и лицо ее скрывают круглые солнцезащитные темные очки. Вокруг сидят другие посетители, они разговаривают и пьют кофе. Майк взялся за следующую фотографию. Это была снятая крупным планом та же самая женщина, только сейчас она отложила очки в сторону и улыбалась сидящему напротив мужчине. Мужчина повернулся к объективу спиной, но лицо женщины было видно совершенно отчетливо.

Это была его мать.

Он быстро просмотрел остальные фотографии. На каждой была снята мать со своим спутником, неизвестным мужчиной намного выше ее с ястребиным профилем, длинными бакенбардами и густыми, вьющимися черными волосами — банкиром или инвестором, судя по его костюму. Трудно сказать. Зато мать была от него без ума — в этом не было никаких сомнений. На всех фотографиях она держала его за руку. На последнем снимке мужчина обнимал ее за плечи, когда они шли по оживленной улице, и мать радостно улыбалась, глядя куда-то в сторону. Она была счастлива, вернувшись в Париж, свой родной город, в котором прошли ее детство и юность.

Подсознательно Майк ожидал встретить кого-то похожего на Сэм в мужском обличье: высокого, консервативно одетого человека с поджарой фигурой, поддерживающего форму с помощью утренних пробежек и послеобеденных матчей в сквош, мужчину, отрывающегося в выходные вместе со своими друзьями Престоном и Эштоном на палубе яхты, которую держит на пристани у своего летнего дома где-нибудь в Хайаннисе.

— Вы спрашиваете себя, как могло получиться, что еврейский парнишка выглядит, как Тони Сопрано, верно? — улыбнулся Вайнштейн, демонстрируя крупные лошадиные зубы. Вес его приближался к добрым тремстам фунтам, но на теле не было ни капли жира. — Моя мать — стопроцентная итальянка, а отец — чистокровный еврей. Я и мои младшие братья унаследовали внешность матери и ум отца. Я женился на итальянке, а у моих двоих детей кожа бледная, как у ирландцев. Причуды генетики, вот что я вам скажу.

— Вот ваши деньги, — сказал Майк и перебросил конверт с купюрами Вайнштейну. — Я хочу повидаться с ним наедине.

— Вы тоже весь в отца, сразу берете быка за рога. Что ж, мне это по душе. Идемте. Я отведу вас к нему.

Двое охранников, старых служак с пивными брюшками и двойными подбородками, приказали Майку выложить содержимое карманов на пластиковый поднос.

— Ремень и шнурки тоже, — добавил один из них.

Вайнштейн пояснил:

— Потенциальное оружие. Не беспокойтесь, вам все вернут в целости и сохранности.

После того как Майк сдал все лишнее, другой охранник обшарил его палочкой металлодетектора, попросил снять ботинки и тщательно осмотрел каблуки и стельки, прежде чем вернуть их обратно.

Охранник кивнул своему напарнику, прозвенел зуммер, и решетка с металлическим лязгом поползла в сторону.

Они двинулись по коридорам. Двери открывались и вновь запирались за их спиной. Вайнштейн показывал дорогу, а Майк снова мысленно прокручивал предстоящий разговор с Лу.

Тюремный охранник кивнул, завидев Вайнштейна, вынул ключи и отпер дверь. Сквозь стеклянную панель Майк увидел Лу, сидящего на стуле и одетого в оранжевую тюремную робу. Опустив голову, он изучал наручники, сковывавшие запястья, цепь от которых обхватывала его талию.

— У вас есть пятнадцать минут, — сказал Вайнштейн, а потом, наклонившись к уху Майка и обдав его мятным запахом жевательной резинки, добавил: — И будьте с ним помягче, ладно? Ваш отец не спал всю ночь, его рвало и буквально колотило от озноба. Им пришлось даже вызывать врача. Похоже, он где-то подцепил простуду.

«Это не простуда. Правильный диагноз — клаустрофобия».

Адвокат открыл дверь. В небольшой комнате стояли лишь стол и два стула, здесь пахло мылом и кремом для бритья. Лу заговорил, по-прежнему не поднимая головы:

— Он передал тебе деньги, Мартин?

— Все в порядке, — ответил Вайнштейн. — Лу, если тебе что-нибудь понадобится, я буду за дверью.

Вайнштейн вышел и притворил за собой дверь. Майк придвинул стул и сел.

— Рассказывай.

— О Джесс или о фотографиях, которые ты нашел в сейфе? Ты ведь нашел их, верно?

— Нашел, — не стал Майк отрицать очевидного. — А еще я нашел фотографии Сары на твоём комод. Когда ты их сделал?

При упоминании внучки Лу прищурился.

— А что говорит Джесс о своем романе выходного дня?

— Кто этот человек на фотографиях?

Лу поднял голову и улыбнулся. В свете флуоресцентных ламп лицо его выглядело серым, под глазами набрякли мешки от недосыпания, а в тонких губах не было ни кровинки. На лбу у него блестели мелкие капельки пота.

— У тебя не хватило духу расспросить ее, верно?

— Мы будем говорить о маме, и ты начнешь с того, что расскажешь, как узнал, где она скрывается.

— Скрывается... — повторил Лу. — Ты что, и впрямь настолько подзадержался в умственном развитии?

— Господом Богом клянусь, если ты намерен шутки шутить..

— Арнольд Макей.

— Это еще кто?

— Почтальон О'Мэлли. Макей регулярно заходил к МакКарти каждую пятницу по вечерам. Однажды подходит он ко мне и спрашивает, дескать, почему письма для тебя приходят домой к О'Мэлли? Он видит, что я ничего не понимаю, и рассказывает о посылке, которую ты получил из Парижа. Мы разговорились, я поставил ему пару пива и попросил проследить, не будет ли еще писем на твоё имя. А если будут и он принесет их мне вместо тебя, то я дам ему двести долларов.

— Значит, она прислала вторую посылку?

— Скорее, открытку. Дорогую, на плотной бумаге. Твоя мать всегда питала слабость к дорогим вещам. Я никогда не рассказывал тебе, как однажды она едва не разорила меня? Поначалу с деньгами у нас было негусто, но это не мешало твоей матери бывать в дорогих ресторанах и вообще развлекаться в Бостоне от души. Покупая вещи, она прятала их в доме. Ты никогда не замечал за ней ничего подобного?

— Что было написано в той открытке?

— Она говорила тебе, откуда у нее тот голубой шарфик?

— Не помню.

— А я-то думал, что ты пришел узнать правду, Майкл. Или ты ждешь, чтобы я подтвердил твою версию событий?

— Она сказала, что его подарил ей отец.

Лу откинулся на спинку стула и скрестил руки на животе.

— Ее отец работал официантом, так что им едва хватало даже на еду. А мать умерла, когда Мэри было четыре года.

Майк напряг память, пытаясь вспомнить, что рассказывала ему о своих родителях мать, надеясь опровергнуть слова Лу и уличить его во лжи. Так ничего и не вспомнив, он спросил:

— Что было написано в открытке?

— Я не помню в точности ее слова, но там было что-то о том, что она очень скучает по тебе, что она все время думает о тебе — ну, ты меня понимаешь, все эта сентиментальная

чушь.

— И все? Она больше ничего не написала?

— Ты хочешь сказать, написала ли она, когда придет за тобой? Помню, она назвала свой адрес, но номер телефона не указала. Я еще удивился, почему она не дала тебе его. — Лу улыбался с видом победителя. На лице его было написано выражение полного удовлетворения, какое появлялось всегда, когда он загонял собеседника в угол. — Знаешь, а я ведь сохранил ту открытку.

Майк почувствовал, как учащенно забилося сердце.

— Хочешь знать, где она? — осведомился Лу.

Лу предоставлял ему выбор — отступить или идти дальше.

— Ступай домой, Майкл.

— Где открытка?

— Внизу, в подвале, — ответил отец. — В верхнем ящике «Герстнера».

«Герстнером» был старый дубовый верстак для инструментов, сработанный компанией «Х. Герстнер и сыновья». Именно там Лу хранил все свои драгоценные инструменты. Майк сказал:

— Значит, в открытке она указала обратный адрес. Вот так ты ее и нашел.

Лу подмигнул.

— В самую точку.

— А как только ты узнал ее адрес, то сел в самолет и полетел в Париж.

— Правильно.

— С фальшивым паспортом.

— В то время у меня с властями вышло одно недоразумение. Они почему-то решили, будто я имею какое-то отношение к краже электронных шгучек со склада в Южном Бостоне.

— Вот только ты боишься летать, потому что страдаешь клаустрофобией.

— Я не летаю, потому что не доверяю аэропланам.

— Тогда почему ты не позвонил ей? Если уж у тебя был адрес, то узнать номер телефона было проще простого. К чему создавать себе проблемы и лететь на самолете?

— Мальчику нужна мать, — ответил Лу, и Майк ощутил в его голосе сдерживаемую ярость.

Почему он так уверенно ведет себя?

«Он водит тебя за нос».

Но ради чего?

— Ты всегда считал свою мать святой, — вновь заговорил Лу. — А как насчет меня? Все эти игры в мяч, велосипеды и машина, твоё обучение у Святого Стефана. Когда вы с Биллом начали свое дело, я предложил тебе денег, даже направил к вам нескольких клиентов. Ты всегда получал то, что хотел.

— Включая побои.

— Тебе нужна была некоторая закалка. Приходская школа и вся эта церковная чушь сделали тебя мягкотелым. В этом и состоит проблема твоего поколения. Вам нравится нянчить самые пустяковые болячки, которые подкидывает вам жизнь, и вы только и делаете, что скулите и причитаете. Вот почему в наши дни развелось столько слабаков и гомиков. — Лу покачал головой и подался вперед. Кандалы его лязгнули. — Ты когда-нибудь слышал, чтобы я жаловался на свое положение? На то, что потерял брата па этой дерьмовой войне или провел больше года в лагере для военнопленных?

— Расскажи мне, что ты с ней сделал.

— Я попытался уговорить ее вернуться домой.

— Ты лжешь.

— Хочешь сказать, мы поссорились? Естественно. — В его лице и голосе не было заметно ни следа сожаления. — Несчастья случаются время от времени, верно? Как и тот вечер, когда ты пошел к Джоуне. Я больше чем уверен — ты не собирался избивать его до потери сознания.

Но когда ты услышал, как он лжет тебе в лицо, то просто не мог сдержаться — или я что-то упустил?

— Ты недавно разговаривал со своим лучшим другом Кадиллаком Джеком?

— Я ее и пальцем не тронул. Если ты не хочешь этого признавать, дело твое. — Голос Лу звучал спокойно.

«Чересчур спокойно», — подумал Майк.

— Кто этот человек на фотографиях?

— Жан-Поль Латьер.

Майк был настолько удивлен, что не успел придать своему лицу равнодушное выражение.

— Да, я знаю, кто он такой, — продолжал Лу. — Они выросли вместе. Они были очень, очень близки, эти двое — не разлей вода, если можно так сказать. В молодости Жан-Поль и твоя мать были без ума друг от друга. Буквально неразлучны. Но потом твоя мать переехала в Штаты. Ей было пятнадцать, и она была безнадежно влюблена. Они с Жан-Полем переписывались и перезванивались — вот только звонить по большей части приходилось Жан-Полю, поскольку отец твоей матери, твой дед, не мог позволить себе роскошь названивать во Францию. Когда Жан-Полю исполнилось девятнадцать или около того, он стал прилетать сюда, чтобы повидаться с твоей матерью. Он-то вполне мог себе это позволить. Он работал в целлюлозно-бумажном бизнесе своего отца, когда твоя мать уехала из Франции. Ну, ты понимаешь, готовился стать наследником семейного предприятия и все такое. «Бумага Латьера». Крупная компания. Жан-Поль обожал осыпать твою мать дорогими подарками. Типа шарфика. В доме время от времени появлялись дорогие безделушки.

Майк потер лоб и обнаружил, что тот стал скользким от пота.

— Тебе, наверное, трудно поверить, что твоя мать, истинная святая, могла быть замешана в чем-то столь сомнительном?

— Если у нее и был роман, я не виню ее за это.

— Роман? Она любила его, когда мы встретились с ней.

— Тогда почему она вышла за тебя?

— Семья Жан-Поля была очень успешной и состоятельной. Знатное происхождение, изобретатели и политики — ну, ты понимаешь, вся эта родословная чушь, от которой кое-кто готов намочить штаны от восторга. Ничто не доставляло твоей матери такого удовольствия, как деньги. Но вся штука в том, что старик Жан-Поля не мог позволить сыну связаться с простолюдинкой, пусть даже она была такой красавицей, как твоя мать, — нужно думать о чистоте крови, понимаешь? Твоя мать очень походила на твою жену — прошу прощения, бывшую жену. Обе превыше всего ценили дорогие вещи, которые могли предложить деньги, вот только твоя мать не отличалась терпением. И я не знал, что она все еще питает надежды на брак с Жан-Полем, даже после того, как мы поженились. Я всегда знал, что те фотографии — дерьмо собачье.

— Какие фотографии?

— Твоя мать хранила фотоальбомы семейства Жан-Поля. Она наверняка показывала их тебе.

Фотоальбомы, которые она прятала в коробках в подвале, — те самые, что она забрала с собой. Майк вспомнил, как она спускалась в подвал и начинала перелистывать их. Несколько раз он заставлял ее в слезах, и тогда она усаживала его рядом и рассказывала ему историю своей семьи. Своей семьи.

— Нет, — ответил он. — Не показывала.

— Он часто наезжал в Белхэм, пока я был на войне. Даже после того, как я вернулся домой, Жан-Поль продолжал бывать в Бостоне. Вы часто совершали тайные вылазки вдвоем, так что ты не мог не видеть его.

Слушая рассказ Лу, Майк рылся в памяти в поисках мужчины, которого видел на фотографиях. Но лицо француза казалось ему совершенно незнакомым. Слишком давно это было.

— Я никогда не видел его, — сказал Майк.

— Угу. Интересно знать почему. Есть идеи?

— Значит, ты знал об их романе?

— У меня были подозрения. Иногда в доме появлялись свежие цветы — она говорила, что купила их в цветочном магазине. Или безделушки типа серебряной рамочки для фотографии, или дорогие туфли, или платья — твоя мать говорила, что купила их на распродаже у «Гудвилла» или в других похожих местах. Она была очень убедительна со своим мягким, обволакивающим голосом — тебе это должно быть известно лучше, чем кому бы то ни было еще. Самая искусная лгунья, которую я когда-либо встречал. Ты знал о том, что в деловой части города она арендовала почтовый ящик? Туда Жан-Поль посылал подарки и деньги.

Майк попытался представить, как мать одевается, прихорашивается и едет в деловую часть Бостона, чтобы встретиться с этим Жан-Полем где-нибудь в отеле вроде «Четырех сезонов», но перед его мысленным взором вставали ее старомодная и безвкусная одежда, ее скупая бережливость и дешевый макияж, которым она старалась скрыть свои синяки. Именно такой образ запечатлелся у него в памяти, потому что это была правда — а сейчас Лу пытается разрушить его своей ложью. Поверить Лу — значило совершить невероятную глупость. Ложь стала для Лу образом жизни, второй натурой, и сейчас он тоже лгал.

— Твоя мать знала, что я сделал те фотографии, — сказал Лу. — Господь свидетель, как мне хотелось...

— Вот что я тебе скажу. Между нами все кончено. В следующий раз ты увидишь меня на свидетельском месте для дачи показаний, когда я буду рассказывать в суде о той ночи, когда ты пришел ко мне и признался, что побывал в доме Джоуны. Держу пари, что полиция до сих пор не нашла твои подслушивающие устройства.

Глаза Лу подозрительно заблестели.

— Мартин? — позвал он. — Мартин, мы закончили.

Майк перегнулся через стол.

— Ты больше никогда не увидишь дневного света. Обещаю.

Дверь распахнулась, и в этот момент Лу сказал:

— Проблема заключалась в том, что Жан-Поль любил твою мать, но терпеть не мог детей. И он предложил ей выбирать — жизнь в Париже или жизнь в Белхэме. Как, по-

твоему, что она выбрала, Майкл?

Дубовый верстак для инструментов «Герстнер» стоял в точности там, где и говорил Лу: в подвале, рядом с пластиковым разборным стеллажом. Ящик его был заперт. Вместо того чтобы тратить время на поиски ключа, Майк взял дрель и просверлил дыру в замке, вспоминая, что Лу, когда не работал или после особенно жаркой ссоры с Мэри, спускался сюда, чтобы повозиться над своим очередным проектом. У него был талант к работе по дереву, но ему не хватало терпения. Однажды он сработал дубовый комод, но на это ушло целых три года. Именно здесь, воспользовавшись инструментами Лу, Майк соорудил скворечник, который подарил матери.

Ящик открылся без всяких проблем. Стенки его были выложены зеленым войлоком, и внутри оказались шесть аккуратных стопок конвертов, перехваченных резинками. Все они были адресованы Мэри Салливан и надписаны куриным почерком Лу. Бумага пожелтела от старости, а марки в углах конвертов покоробились и грозили отвалиться.

Это были письма Лу с войны.

«Странно, что он решил сохранить их», — подумал Майк. Какой сентиментальный поступок, а ведь Лу вовсе не склонен к сентиментальности. Но еще больше удивления вызывал тот факт, что он вообще написал их, поскольку крайне редко вспоминал о том, что ему пришлось пережить во Вьетнаме.

Майк вынул одну стопку и положил ее на длинный стол, тянувшийся вдоль стены. Закурив, он снял резинку и взял первый попавшийся конверт. Письмо занимало всего одну страничку и было написано карандашом.

13 мая 1965 года

Моя дорогая Мэри!

Солнце здесь никогда не заходит, а от духоты и влажной жары просто нет спасения. Если будет возможность, пришли мне вентилятор. Ха-ха.

Обстановка понемногу накаляется. Вчера нас выбросили с вертолетов в Додж-сити, и мы сразу же попали под обстрел. Только каска и бронежилет спасли меня от смерти. Узкоглазые прижали нас огнем и добрых два часа расстреливали, как в тире. Я даже не мог поднять голову, чтобы посмотреть, где они засели, — вот так плохо нам пришлось. Еще никогда в жизни мне не было так страшно. Я не верю в ад, но если он существует, то это место ничуть не лучше.

Поговори с моим братом. Я не хочу, чтобы он оказался здесь.

Пожалуйста, напиши мне. Твои письма помогут мне выжить и не сойти с ума. Как там Майкл? Как у него дела? Я все время думаю о вас обоих. Пришли мне фото Майкла, если сможешь.

С любовью, «Мне страшно» и «С любовью»... Слова, которые Лу никогда не произносил вслух, но которые доверил бумаге. Майк вскрыл второе письмо. Оно было датировано неделей позже.

...Нас поставили охранять дорогу рядом с кладбищем. Каждую ночь я ложусь спать среди могил. Мы теряем по человеку в день, в основном из-за этой проклятой жары.

Я люблю тебя, Мэри. Перед отъездом мы поссорились. И я знаю, что с деньгами у тебя негусто, и одной с ребенком тебе сейчас нелегко. Но я вернусь домой, и все будет по-другому. Не бросай меня. Не отрекайся от того, что у нас есть, и того, что было между нами.

Я вернусь. Даю слово.

В пачке оказалась еще примерно дюжина писем аналогичного содержания: Лу описывал ад вокруг и просил Мэри написать ему. Последнее письмо гласило:

...Наверное, ты уже знаешь о Дэйве Симмонсе. Он стоял рядом со мной — совсем рядом, Мэри! — и чихнул, а снайпер прострелил ему голову. Это чудовищно и невероятно. Прощу тебя, загляни к жене Дэйва и посмотри, все ли с ней в порядке.

Пожалуйста, перестань наказывать меня молчанием и напиши.

На дне ящика лежал конверт, в каких отправляют открытки. Он был самым верхним в стопке других, запечатанных, на которых стоял штамп фотоателье «Брикс-фото» и логотип «БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА ТО, ЧТО ДОВЕРИЛИ НАМ СВОИ ВОСПОМИНАНИЯ». Открытка была адресована Майку и отправлена на старый адрес Билла — в точности так, как и говорил Лу. В углу конверта был указан обратный адрес.

Майк вынул конверт из пачки и повертел его в руках. Конверт был уже надорван. Он вынул изнутри открытку из плотной бумаги.

Мой дорогой Майкл!

Прости за то, что так долго не писала тебе. Я настойчиво ищу жилье, достаточно просторное и подходящее для нас обоих. Жизнь в Париже невероятно дорогая, особенно здесь, на острове Сен-Луи. Аренду нужно платить сразу за первый и последний месяцы, а потом еще и вносить обеспечительные взносы. Я работаю официанткой в кафе, но откладывать удастся совсем немного. Оглядываясь назад, я жалею, что не взяла с собой деньги, которые сняла со счета в банке, чтобы обустроиться здесь, но надо было думать о твоём обучении. После всех неувязок и задержек, выпавших на твою долю, я бы не хотела, чтобы тебе пришлось переходить в новую школу и терять старых друзей.

Я скоро приеду за тобой. Все это заняло больше времени, чем я рассчитывала, но я знаю, что ты был терпелив. Потерпи еще немного. Ты можешь писать мне по адресу, указанному на конверте.

Постарайся, чтобы твой отец не узнал этого адреса. Спрячь это письмо туда, где он его не найдет. Если твой отец узнает, где я скрываюсь... Мне не нужно напоминать тебе о том, на что он способен.

Из ресторана, в котором я работаю, открывается замечательный вид на Нотр-Дам, и сейчас, пока я пишу это письмо, мне в окно видны горгульи, которые так тебе понравились.

Как бы трудно и плохо тебе ни было, не опускай руки и верь. Помни, что я люблю тебя.

Да хранит тебя Бог!

Мама

Майк сунул открытку обратно в конверт. В носу у него защипало, и он с трудом проглотил комок в горле.

Ты всегда считал свою мать святой. А как насчет меня? Все эти игры в мяч, велосипеды и машина, твоё обучение у Святого Стефана...

Майк вынул из ящика конверт с логотипом фотоателье Брикса и открыл его, ожидая найти внутри очередные снимки Сары и своей матери. К его удивлению, с фотографий на него смотрела Джесс — совсем еще молоденькая. Она садилась в машину. Майк принялся перебирать снимки и увидел...

Он швырнул конверт в стену. Фотографии с шорохом рассыпались по полу.

Майк открыл люк в погреб, поднялся по ступенькам и вышел на залитый солнцем задний двор Лу. Достав из кармана портмоне, он нашел клочок желтой бумаги с новым

адресом и телефоном Джесс. Она дала его ему в прошлое воскресенье, когда он уже собрался уходить.

Если тебе что-нибудь понадобится, Майкл, — что угодно — позвони мне.

«Можешь быть уверена, позвоню обязательно!»

Набрав номер, он прижал трубку к уху.

— Алло, — сказала Джесс.

Слова застряли у него в горле. Он открыл рот, но не смог издать ни звука.

— Алло? — повторила Джесс.

Майк отключился и провел рукой по лицу.

Ты всегда считал свою мать святой. А как насчет меня? Все эти игры в мяч, велосипеды и машина, твоё обучение у Святого Стефана...

Позвонив в справочное, он попросил дать ему номер домашнего телефона приходского священника церкви Святого Стефана.

— Это Майк Салливан, — сказал он секретарю, когда та сняла трубку. — Мне нужно поговорить с отцом Коннелли. Это очень важно.

Секретарь попросила его подождать минутку, после чего в трубке раздался голос отца Джека.

— Как поживаешь, Майкл?

— Я надеюсь, что вы сможете мне помочь. Всего лишь один вопрос о моей матери.

— Я постараюсь, — ответил отец Джек, и Майк услышал в его голосе настороженные нотки. Майк знал, что мать была близка с отцом Джеком, который был осведомлен о ее нелегкой семейной жизни с Лу. И еще Майк помнил, каким шокированным выглядел отец Джек, когда он спросил, не знает ли он, куда уехала его мать. Если это было притворство, то его игра заслуживала премии «Оскар».

— Нельзя ли узнать, платила ли она за мое обучение?

— Твое обучение?

— Я понимаю, что мой вопрос кажется вам странным, но я только что разговаривал с Лу, и он сказал мне, что сам платил за мое обучение. Не могу ли я узнать, правда это или нет?

— Это правда.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Он сам пришел ко мне и заплатил наличными вскоре после того, как твоя мать уехала. И каждый год он платил наличными. Он единственный из родителей, кто поступал так.

Майк не знал, что еще сказать.

— Понятно, спасибо.

— Я могу помочь тебе чем-нибудь еще?

— Нет, не сейчас, — отказался он, еще раз поблагодарил отца Джека и дал отбой.

Оглядываясь назад, я жалею, что не взяла с собой деньги, которые сняла со счета в банке, чтобы обустроиться здесь, но надо было думать о твоём обучении. После всех неувязок и задержек, выпавших на твою долю, я бы не хотела, чтобы тебе пришлось переходить в новую школу и терять старых друзей.

Так написала в открытке его мать, вот только это была ложь. Лу сказал ему, что за обучение платил он, и отец Джек только что подтвердил его слова. Она солгала ему. Почему?

— Этому надо положить конец, — произнес он вслух, разговаривая сам с собой. — Когда-нибудь это должно наконец закончиться.

«Ты сам напросился на это, помнишь?»

Воспоминания о Саре: они вдвоем едут в кафе «Дайнер» на Мэйн-стрит через две недели после того, как умерла мать Билла. В то время Саре уже исполнилось пять. Мать Билла обращалась с Сарой, как со своей внучкой, поэтому они с Джесс усадили Сару перед собой и объяснили ей, что бабушка Джейн умерла. Джесс взяла инициативу на себя и попыталась растолковать девочке, что смерть — это когда тело перестает существовать. Но душа при этом попадает в рай, а все то хорошее, что люди любили в бабушке Джейн, все те счастливые моменты, которые они с ней делили, останутся жить до тех пор, пока живы те, кто любил ее.

Сара задала пару вопросов, после чего ушла играть со своими куклами Барби. Дочка перестала расспрашивать их, и они уже решили, что она смирилась со случившимся, — вплоть до того момента в грузовичке, когда она заявила, что все еще грустит о бабушке Джейн.

— Я по-прежнему скучаю по бабушке Джейн.

— Мы тоже, родная.

— А когда грусть пройдет, папочка?

— На это понадобится время.

— Сколько?

— Для каждого по-своему. Ты должна дать своему сердечку время, чтобы оно выделило место для бабушки Джейн.

— А что будет, когда в моем сердечке уже не останется места?

Это невозможно, ответил он ей тогда.

А сейчас он спросил себя, сколько же скорби способно уместиться в сердце и сколько правды оно способно принять, прежде чем разорвется.

Те немногие воспоминания, что остались у Майка о Бикон-Хилл, были смутными и неясными — пьяные ночи, когда он странствовал из бара в бар в обществе Дикого Билла и остальных друзей из их белхэмской банды. Бикон-Хилл славился самыми красивыми женщинами в городе. Майк еще по прежним временам помнил, что Бикон-Хилл всегда считался прибежищем представителей элиты и денежных мешков вкупе с плохими парковками и старинными фонарями уличного освещения. Вообще район Бикон-Хилл казался маленьким, пока вы не решали пройтись по нему, и тогда убеждались, что он являет собой замысловатое переплетение живых изгородей и узких улочек с односторонним движением с мощеными тротуарами, высокими кирпичными многоквартирными домами и особняками, цена любого из которых равнялась стоимости трех-четырех славных коттеджей в Белхэме.

Узкие улочки и плохая парковка остались прежними, как, впрочем, и старинные фонари. Но, поднимаясь по Чарльз-стрит, Майк вдруг испытал странное ощущение, как будто вернулся в детство. Да, на каждом углу светились неоновыми огнями кофейни «Старбакс», и он разглядел вывеску круглосуточного супермаркета, но в остальном Бикон-Хилл, похоже, успешно противостоял вторжению известных торговых марок и брендов, жертвой которого пала деловая часть Белхэма. Хотя он не взялся бы утверждать, что ему неприятна суeta на теплых вечерних улицах, люди, снующие по магазинам и спешащие домой, студенты с рюкзаками, пьющие кофе и болтающие по сотовым телефонам, и родители с колясками или ходунками.

Майк свернул налево, на улицу Сэм, нашел нужный дом и поднялся по крутым ступенькам. После того как он ушел из дома Лу, ему нужно было услышать непредвзятое мнение о том, что он собирался делать дальше, и, зная, какова будет реакция Билла, он позвонил Сэм в контору.

Майк нашел имя Сэм на латунной табличке с фамилиями жильцов, нажал на кнопку звонка и через несколько секунд услышал, как зажужжала, открываясь, дверь. Квартира находилась на третьем этаже. Он поднялся по винтовой лестнице и увидел, что Сэм уже ждет его в дверях. На ней были джинсы и черная рубашка с воротником. Из всех женщин, которых он знал, она была единственной, кто мог позволить себе одеться вот так, попростецки, и при этом выглядеть сексуально и элегантно.

— Ты подстриглась, — сказал он. — И сделала мелирование.

— Это Энтони подбил меня на такой шаг.

— Ты выглядишь потрясающе. — Он не кривил душой.

— Мне надо было изменить внешность. Энтони пытался уговорить меня сделать вместе с ним пирсинг на пупке, но я решила, что этого довольно. Входи.

Ее квартира оказалась просторной и полной солнечного света, с необходимым минимумом мебели и высокими потолками. Левую часть комнаты полностью оккупировала на удивление изысканная кухня. Столик был накрыт на двоих, на нем стояли фарфоровые приборы, хрустальные бокалы и открытая бутылка вина. На кирпичной стене висела плазменная панель телевизора, а слева располагался жилой уголок с кожаными диванами и книжными шкапами красного дерева, плотно заставленными книгами.

— Это... У меня нет слов... — протянул Майк.

Он ожидал, что ее квартира окажется намного меньше. А на таких просторах можно без проблем завести целую семью.

— Спасибо. Один знакомый помог мне с ремонтом. Ужин ждет в духовке.

— Ты приготовила ужин?

— Всего лишь разогрела заказ, доставленный от «Антонио». Это лучший итальянский ресторанчик в городе. Когда ты позвонил и предложил поужинать вместе, я забыла спросить у тебя кое-что. Надеюсь, ты еще любишь куриное филе с пармезаном?

Он был удивлен — и тронут — тем, что она запомнила такие мелочи.

Сэм поинтересовалась:

— Что ты будешь пить?

— Кола будет в самый раз, если она у тебя есть.

Сэм босиком направилась на кухню, открыла холодильник и протянула ему запотевшую баночку ледяной колы.

— Можем сразу садиться за стол, — сказала она, — а можем сначала поговорить. Как скажешь.

— Давай поговорим, если не возражаешь.

Сэм прихватила бокал с вином и пошла к алькову, где стояли два огромных мягких кресла, между которыми приткнулась оттоманка. Большое венецианское окно вы ходило на улицу и овальную лужайку с декоративным забором, которая почему-то показалась ему знакомой.

— Что это за район? — поинтересовался Майк, кивая на окно.

— Это Луисбург-сквер. Если у тебя есть лишние восемь миллионов, могу помочь приобрести здесь домик. Правда, без ремонта.

— Восемь миллионов...

— И не забывай о налоге на недвижимость, который потянет примерно еще на пятьдесят тысяч в год.

Майк поставил колу на маленький приставной столик и, перед тем как сесть в кресло, вынул из заднего кармана конверт. Сэм опустилась в кресло напротив и, вытянув ноги, положила их на оттоманку, так что ступни ее оказались в нескольких дюймах от его коленей. Майк вспомнил, что раньше они часто сидели вот так. Сэм нравилось видеть его лицо, когда они говорили о чем-нибудь серьезном. Иногда она даже клала ноги ему на колени, и Майк растирал ей ступни.

— Я даже не знаю, с чего начать, — помолчав, признался он.

— Начни сначала.

— Если я последую твоему совету, то мы проговорим ночь напролет.

— Что ж, так тому и быть.

И тогда он вспомнил...

Луисбург-сквер. Рождество. Каждый год мать приводила его в Центральный парк Бостона полюбоваться на сверкающую огнями елку, а потом они шли в Бикон-Хилл на прогулку, и гид приглашал их совершить пешую экскурсию, которая неизменно заканчивалась на Луисбург-сквер. Разумеется, особняки и многоквартирные дома были закрыты для всеобщего обозрения, но иногда, если занавески на первом этаже не были задернуты, можно было заглянуть в большие окна и увидеть новогоднюю елку в состоятельных семьях. Была, правда, одна странность — его мать, кажется, больше интересовали люди вокруг, чем рассказ экскурсовода о многомиллионных особняках, в

которых некогда жили писательница Луиза Мэй Олкотт и семейство Кеннеди.

Вспомнил он и кое-что еще. На их последнее Рождество мать выглядела особенно рассеянной и не спешила уходить после того, как экскурсия закончилась. Пошел снег, против которого он ничего не имел, но стало холодно, и это маленькому Майку уже решительно не нравилось. В воздухе висела сырость, ледяной ветер забирался под одежду, и ему хотелось уйти отсюда побыстрее. Но мать сказала, что еще рано и что она ждет своего друга. Да, друга. Именно это слово она использовала. Друг. Помнится, Майк еще изрядно удивился, потому что друзей у матери не было, — по крайней мере, она никогда о них не говорила. Впрочем, Майк удивился еще сильнее, когда выяснилось, что ее друг — мужчина.

Был ли он тем самым Жан-Полем? Майк не знал. Он не мог припомнить, как тот человек выглядел или во что он был одет, зато ему вспомнилось, как он пожал мужчине руку и как тот нежно обнял мать за талию и отвел ее на угол, где они стояли и разговаривали, кажется, целую вечность. Время от времени мужчина поглядывал на Майка...

— Ты не обязан изливать мне душу, Салли. Мы можем просто посидеть, отдохнуть и приятно провести вечер.

Майк коснулся конверта, который лежал в кармане.

— Ты поддерживаешь дружеские отношения со своим бывшим мужем?

— Господи, нет, конечно.

— Значит, вы расстались плохо.

— Это еще мягко сказано.

— Ты не против, если я спрошу, как именно вы расстались?

Сэм пригубила вино и сказала:

— Ну, целых три года мы пытались зачать ребенка, а когда естественным путем этого сделать не удалось, решили прибегнуть к искусственному оплодотворению. Пилюли, уколы гормонов — я даже трижды делала ЭКО, экстракорпоральное оплодотворение. Все впустую. Поэтому мы попытались справиться с разочарованием так, как это делают взрослые люди: мы оба стали работать дольше и почти перестали разговаривать. Мы начали отдаляться друг от друга, а потом в один прекрасный день он пришел ко мне и сказал, что несчастлив. Я ответила, что испытываю те же чувства, и мы решили развестись. Мэтт отчаянно хотел детей и, поскольку я не могла дать их ему, решил, скажем так, поискать счастья в другом месте. Об усыновлении он и слышать не хотел. Я всегда подозревала, что именно поэтому он и изменял мне.

Майку хотелось сказать, что ему очень жаль, но он боялся нарушить ход ее мыслей.

— Я ловила его дважды, — продолжала Сэм. — Оба раза в мотеле. Оба раза шел дождь, я сидела в своей машине с биноклем, глядя, как он открывает дверь, а потом целует свою шлюху на прощание. Как пошло, не так ли? Но как бы жалко и омерзительно все это ни выглядело — а я чувствовала себя так, словно вывалилась в грязи! — я оба раза приняла его обратно, заставив пообещать, что он перестанет встречаться с ней. В конце концов, я дала обет быть с ним в горе и в радости, поэтому полагала, что измена относится как раз к категории горя. Думаю, что в каком-то смысле я считала, будто заслуживаю этого из-за своих испорченных яйцеклеток. — Сэм отпила глоток вина и принялась разглаживать складку на джинсах. — Ее звали Тина. Она работала адвокатом в соседней конторе. Один из ленивых сперматозоидов Мэтта попал в самую точку. Вот почему он потребовал развода. У него уже была женщина, с которой он мог создать настоящую семью.

— Мне очень жаль, Сэм.

Она пожала плечами.

— Такова жизнь.

— Значит, ты знала обо всем.

— Об изменах? Да, знала. Но о том, что Тина беременна, я узнала только после того, как подписала бумаги на развод. Все прошло быстро — собственно, он дал мне все, что я хотела. Но беременность... Мэтт постарался сохранить ее в тайне.

— Ты не звонила ему, чтобы спросить, почему он так поступил с тобой?

— Мэтт — самовлюбленный засранец. Какой смысл звонить ему, чтобы убедиться в том, что я знаю и так?

Майк подался вперед и почувствовал, как пальцы ног Сэм уперлись ему в живот. Он положил конверт ей на колени.

— Эти снимки сделал Лу, — сказал он. — За неделю до моей свадьбы.

Сэм опустила бокал с вином на пол и осторожно открыла конверт. Пока она перебирала фотографии, он старательно делал вид, будто рассматривает людей на улице, пытаясь не думать о снимках — тридцати шести моментальных фотографиях, на которых Джесс садилась в «вольво» с мужчиной, которого Майк никогда раньше не видел, ехала с ним в Нью-Гэмпшир (Лу несколько раз щелкнул их в пути, пока машина катила по шоссе № 128 «Северное», а потом свернула на шоссе № 3 «Северное»), парковалась на автостоянке у книжного магазина, шла с ним по оживленной улице и поднималась по крутым бетонным ступеням синего здания, мини-гостиницы «ночлег и завтрак», о которой говорил Лу. На последних трех фотографиях наблюдалась кульминация всего действия — Джесс в обнимку с мужчиной спускается по ступенькам, садится в машину и целуется с ним.

Краешком глаза он наблюдал, как Сэм складывает снимки обратно в конверт.

— Эти фотографии вовсе не обязательно означают, что у нее был роман.

Майк повернулся к ней.

— А как насчет последнего снимка, того, на котором они целуются?

— Резкость не очень хорошая. На мой взгляд, они всего лишь обнимаются.

— Тем не менее.

— И твой отец ни с того ни с сего отдал их тебе сегодня?

— Я нашел их в ящике его верстака вместе с запиской матери, которую перехватил Лу. Ты помнишь, что случилось с моей матерью?

— Я помню, как ты рассказывал, что она куда-то уехала.

Майк начал с того дня, когда его мать сбежала, и с причин, по которым она это сделала. Он рассказал Сэм о трех своих последних встречах с Лу и закончил вторым письмом, обнаруженным там же, в ящике верстака. Майк передал Сэм содержание письма и ложь, преподнесенную ему матерью насчет платы за обучение в школе Святого Стефана. Когда он умолк, солнце уже село и на улице зажглись фонари.

— Итак, теперь ты считаешь, что твоя мать и не собиралась возвращаться сюда? — негромко спросила Сэм, словно боясь задавать такой вопрос.

— Лу летал в Париж и сфотографировал там ее вместе с этим парнем? Да. Считаю ли я, что у нее был роман? Похоже на то. Верю ли я, что Лу пытался уговорить ее вернуться? На этот счет у меня есть сомнения. Люди, обманувшие его, долго не живут. Они имеют обыкновение исчезать без следа. Точка.

— Он говорил правду, когда сказал, что сам платил за твое обучение. Его слова подтвердил священник.

— Сэм, мой отец лжет и убивает ради того, чтобы заработать на жизнь. Моя мать не могла просто взять и исчезнуть. Будь она жива, она бы написала или позвонила. Она бы предприняла что-нибудь.

Сэм кивнула, слушая его.

— После исчезновения матери к нам зачастила полиция, — сказал Майк. — У него уже были эти фотографии. Он знал, где она живет и с кем. Все, что требовалось от Лу, — это передать их полиции, и они оставили бы его в покое.

— А что было бы, узнай ты о романе своей матери? Только представь, каким бы ударом это стало для тебя. Сколько тебе тогда было? Девять?

— Около того.

— Что до снимков твоей бывшей жены, — сказала Сэм, — я могу лишь предполагать, что твой отец разузнал о ней кое-что и подумал, что если он покажет тебе эти фотографии, то ты бросишь ее.

— Вот только он этого не сделал.

— Может быть, он не показал тебе эти снимки по той же причине, по которой не стал показывать и фотографии твоей матери, — принялась размышлять вслух Сэм. — Тот факт, что он этого не сделал, вызывает восхищение, ты не находишь?

— Однажды я видел, как отец избивает обрезком свинцовой трубы одного малого. Тот крупно задолжал приятелю Лу, Кадиллаку Джеку. Парень корчится на земле и умоляет о пощаде, но Лу не останавливается. И знаешь, что он сделал потом? Пошел домой и лег спать.

— Салли, я не намерена сидеть и изображать перед тобой мозгоправа, утверждая, будто понимаю твоего отца. Это не так. Судя по тому, что ты мне рассказал, он настоящий сукин сын. Но при этом далеко не так прост. Вполне может быть, что, вместо того чтобы показать тебе фотографии матери, он решил оградить тебя от правды.

— Вот, значит, как ты думаешь...

— А зачем еще он сделал эти фотографии? Если честно, мне даже страшно подумать, как бы ты пережил известие о матери в таком юном возрасте. И, может быть... Я всего лишь рассуждаю вслух, но, быть может, он решил, что лучше уж ты будешь ненавидеть его, чем узнаешь правду.

Майк зажмурился и помассировал глаза. Перед его мысленным взором встала Джесс, целующая другого мужчину. Он увидел Лу, выслеживающего на улицах Парижа свою жену с ее давним возлюбленным, щелкающего затвором фотоаппарата и предвкушающего, что он сделает с Мэри, когда они окажутся наедине. Мысли об этом преследовали Майка. Он хотел запереть перед ними двери своей памяти, но не мог этого сделать.

— Может быть, я все выдумала, — снова заговорила Сэм. — Не знаю, что дает твоему отцу силы жить. Откровенно говоря, я даже не знаю, что движет моим собственным отцом. Я могу лишь повторить: чужая душа — потемки.

— Сегодня я звонил Джесс.

— И что она сказала?

— Она сказала: «Алло», и я повесил трубку.

— Почему ты не расспросил Джесс обо всем в тот день, когда встречался с ней за ленчем?

Майк уже и сам ломал над этим голову.

— Я боялся, что если спрошу ее и она скажет «да», то это уничтожит все то хорошее, что у нас было. Изменит мои воспоминания о ней.

Сэм промолчала. А Майк вновь вернулся мыслями к только что обретенным воспоминаниям о Рождестве, матери и этому человеку в Бикон-Хилл. Правда ли это? Действительно ли тот мужчина был Жан-Полем? Или же подсознание сыграло с ним злую шутку и подсунуло ложные воспоминания? Картинка выглядела реальной, но теперь он уже ни в чем не был уверен.

Сэм сказала:

— Отойди в сторону.

— А как бы ты поступила на моем месте?

— Возможны варианты.

— Какие?

— Например, сколько дверей ты намерен открыть.

Майк кивнул.

— Второе письмо от моей матери... — пробормотал он. — Там был обратный адрес на конверте.

Сэм молча ждала продолжения.

— Я позвонил твоей подруге Нэнси и спросил, может ли она разузнать что-нибудь об этом адресе, о моей матери и том мужчине, Жан-Поле. Я решил, что Нэнси сумеет найти ее быстрее меня.

— Значит, ты решил разыскать ее.

— Все это время я думал, что Лу... что-то сделал с ней. Закопал ее где-нибудь. А теперь выясняется, что она может быть жива. Я не могу отбросить такую возможность.

— И что будет, если твоя мать жива?

— Не знаю, Сэм. Богом клянусь, не знаю!

Следующие три дня Майк с головой ушел в работу. В понедельник они закончили пристройку и ремонт кухни Маргарет Ван Бурен и переехали к очередному клиенту, на этот раз в Ньютон — к леди с урной. Дотти Конаста вышла на пенсию и была дамой весьма преклонных лет («Нет, правда, когда вы нянчили Моисея, как он себя вел?» — вечно подшучивал над ней Билл). Она страдала старческим слабоумием (без конца рассказывала одни и те же истории о своем покойном муже Стэне) и явно терзалась от одиночества (старушка без устали бродила за ними из одной комнаты в другую). Обычно подобная назойливость клиента, когда тот дышал в затылок и буквально шагу не давал ступить, выводила Майка из себя. Но болтовня Дотти стала для него приятным отвлекающим фактором, позволяющим хотя бы иногда не думать о матери, Лу и Джесс, а теперь и новом персонаже, этом Жан-Поле, мысли о которых не давали ему покоя.

После работы он ехал к Биллу и погружался в веселый, безумный хаос его семейной жизни. Ему обязательно нужно было чем-то занять себя, и он помогал Патти убирать со стола, мыть посуду и купать близнецов — что было совсем нелегко, поскольку те норовили устроить в ванне настоящее сражение. Он помогал Поле делать домашнее задание и приглашал ее на прогулки с собакой. Они говорили обо всем понемножку — о том, почему стало совершенно невозможно смотреть шоу по телевизору, почему мальчишки такие идиоты и почему теннис — отпадная игра. По вечерам он спускался в кабинет, который Билл устроил в подвале, и составлял сметы или смотрел ESPN, MTV и все прочее, что интересовало Билла. Словом, Майк заставлял себя как можно дольше оставаться на ногах, прежде чем подняться наверх и обессиленно рухнуть в постель. Билл знал, в чем дело, и не задавал глупых вопросов.

А потом позвонила Нэнси Чайлдз.

— У меня появилась кое-какая ниточка, но мой французский изрядно заржавел, — сообщила она, а потом, словно прочтя его мысли, добавила: — Да, мы, девчонки из Ревира, иногда в качестве второго иностранного языка учили не только испанский.

— Что вы узнали?

— Дайте мне сначала возможность увязать все воедино, потом я расскажу вам. А звоню я потому, что хотела бы привлечь к этому делу Сэм, — для нее язык лягушатников как родной. Вы не станете возражать?

Он не стал. Сэм и так уже обо всем знала.

По ночам, лежа без сна, он спрашивал себя, что могла раскопать Нэнси. Кроме того, ему не давала покоя история с Джесс. Когда мысли о ней становились невыносимыми, он садился на постели, набирал номер и давал отбой еще до того, как успевал прозвучать первый гудок. Хотел ли он знать правду? Или же просто хотел наказать себя еще сильнее? Ответа у него не было.

Наступила пятница, и Майк пообещал себе, что сполна получит удовольствие от вечера в обществе Сэм. Они не будут говорить о Лу, Джесс и прочем.

Костюм у него был всего один — черный, прекрасно подходивший для свадеб и похорон. Закончив наряжаться, он спустился в кухню Билла и застал близнецов за столом. Девочки были в шортах и рубашках и увлеченно облизывали фруктовое мороженое на палочке, которое таяло, текло у них по рукам и капало на тарелки.

Билл присвистнул.

— Отлично выглядишь, парень.

— И чувствую себя неплохо.

Зазвонил телефон.

— Не хватает только белого платочка в нагрудном кармане, — съязвил Билл и вышел, чтобы снять трубку в гостиной.

Грейс вытащила эскимо изо рта. Язык и губы у нее были фиолетовыми.

— Вы женитесь?

— Нет, — ответил Майк. — Я всего лишь иду на ужин.

— В костюме?

— Это очень приличный ресторан.

— А папа никогда не надевает костюм, когда идет в ресторан.

— Это правда.

— Мамочка говорит, что папа плохо ведет себя за столом.

— И это тоже правда.

— А папа идет с вами?

— Нет, я иду со своей знакомой.

— С девушкой?

Майк кивнул, пытаясь отыскать свои ключи среди газет и альбомов для раскрашивания, сваленных в кучу на кухонном столе.

Грейс заявила:

— У вас некрасивый галстук.

— Ты думаешь?

— У папы есть намного лучше. Со Снупи. Девушкам нравится Снупи. — Грейс повернулась к Эмме. — Он лежит в папином шкафу. Пойди и принеси его.

Эмма молча повиновалась и умчалась за галстуком.

— Вы должны подарить ей цветы, — сказала Грейс. — Девушкам нравятся цветы. Мамочка очень любит цветы, но папа редко ей их дарит, а когда приносит, то не те.

Майк наконец нашел ключи.

— Эй, малышка!

— Да, дядя Майк?

— Оставайся такой всегда.

И он с улыбкой поцеловал Грейс в лобик.

Девочка улыбнулась в ответ.

— Девушкам нравится, когда им покупают мороженое.

Движение на шоссе № 1 «Южное» было ужасным. Майк совсем забыл, что наступил вечер пятницы — час пик — и что люди стремятся как побыстрее выбраться из города, так и вернуться в него. Он сидел в своем грузовичке, а вокруг бампер к бамперу теснились другие автомобили, медленно продвигаясь к кабинкам оплаты за право проезда по Тобин-бридж.

Над головой прогудел самолет, и, глядя, как он карабкается в небо над силуэтами небоскребов деловой части Бостона, Майк вновь подумал о Джесс, о том, как она, подобно его матери, сложила свою прежнюю жизнь в чемодан и улетела, чтобы избавиться от старых проблем. Вот только этого не удавалось еще никому. От своих проблем нельзя избавиться: вы лишь перевозите их за собой в другое место. Облетев полмира, вы все равно остаетесь тем, кем были до этого. Тем не менее он не переставал удивляться тому, сколько людей

срывались с насиженного места, оставляя позади все, что знали, и пытались пустить корни в каком-нибудь новом окружении, надеясь, что станут другими, не такими, как раньше. Совсем как Джесс с ее новой одеждой. Может, все дело в новых платьях. И еще в расстоянии между вами. И во времени. Да. Время и расстояние могут заставить вас забыть все что угодно, даже сына или дочь.

«Достаточно спросить об этом мою мать, — подумал Майк. — Или мою бывшую жену».

Ужин превратился в трехчасовое представление и завершился счетом, превышавшим сумму ежемесячного взноса за грузовичок. Когда они вышли из ресторана, на улице уже стемнело. Воздух был свеж, прохладен и буквально искрился ощущением радости жизни, которая переполняет тех, кто сумел пережить очередную ужасную зиму в Новой Англии.

— Нет, ты все-таки должен был позволить мне заплатить за себя, — заявила Сэм, кутаясь в обрывок материи, нечто среднее между шарфом и капором. Она была в туфлях на высоких каблуках и черном платье с разрезом до бедра.

— Я же обещал пригласить тебя в любое место по твоему выбору. Таков был уговор.

— Знаю, но ты так прифрантился... Да еще и шикарный ресторан. Майкл Салливан, вь меня удивляете.

— С приближением к среднему возрасту я пытаюсь найти новое применение своим талантам.

— Значит, ты готов и потанцевать?

Майк задумчиво почесал уголок рта.

— У тебя бесподобное выражение лица, — сказала Сэм. — Я пошутила. Танцевать на таких каблуках невозможно. Они меня убивают.

— Давай возьмем такси.

— И испортим такой вечер? Ни за что.

Она повела его вниз по Ньюбери-стрит, бостонскому эквиваленту Родео-драйв. Было начало десятого, по мостовой полз сплошной поток автомобилей, а на тротуарах было не протолкнуться от очень серьезных молодых людей, которые вели себя так, словно спешили на важную встречу. Вид этих парочек вдруг напомнил ему Жан-Поля и мать — новую, незнакомую и улучшенную версию матери на фотографиях.

— Помнишь, как мы ходили в «Краба Мэри»? — поинтересовалась Сэм.

Майк улыбнулся. До этой развалюхи где-то в окрестностях Оганквита в Мэне было никак не меньше двух часов езды. Но вплоть до сегодняшнего дня он нигде еще не пробовал столь изысканных блюд из морепродуктов.

— Да, славное было время, — протянула Сэм.

— Не стану спорить.

— Так почему оно закончилось?

Майк сунул руки в карманы и зазвенел мелочью и ключами от машины, оглядывая улицу.

— Мне просто интересно, — сказала Сэм. — Обещаю, не стану больше доставать тебя.

— Обещаешь?

— Честное скаутское.

Он перевел взгляд с огней ночного Бостона на бесконечную вереницу автомобилей, объезжающих Паблик-гарден в Арлингтоне.

— Правда, — сказал он, — заключается в том, что я испугался. Ты поступала в колледж, тебя ждали великие дела, а я возвращался к тому, что было знакомым и привычным. Что я

могу сказать? Я был молод и глуп.

Они пересекли улицу, вошли в Паблик-гарден и миновали статую Поля Ревира на бронзовом коне.

Сэм поинтересовалась:

— Как ты справляешься со всем, что случилось на этой неделе? За ужином ты был не очень-то разговорчив.

— Я дошел до той точки, когда меня уже начинает тошнить от звуков собственного голоса.

— Разговор облегчает душу.

— Только не тогда, когда ты перекладываешь свои проблемы на других. Было бы неплохо послушать кого-нибудь еще для разнообразия.

— Ты ничего на меня не перекладываешь, и, кстати, хочешь, признаюсь тебе кое в чем? Когда ты тогда пришел ко мне, я была очень рада.

Они перешли мост, за которым мерцал пруд. Внизу виднелся причал, у которого покачивались лодки в форме лебедей, а маленькая девочка показывала на настоящих лебедей и что-то говорила отцу Майк вдруг почувствовал, как в животе у него образовался ледяной комок, а сердце сбилось с ритма.

— Пока я стоял в пробке, мне позвонила Нэнси, — сказал он. — Адрес на конверте принадлежит одному кафе в Париже, вот только моя мать никогда там не работала — во всяком случае, под именем Мэри Салливан. Нэнси сказала, что это ты звонила и разговаривала с владельцем.

Сэм кивнула. Выходит, она знала о том, что кафе вот уже два поколения принадлежит одному и тому же семейству. Предприятие расширилось, и они открыли в окрестностях еще два успешных ресторана, ни в одном из которых Мэри Салливан не работала — по крайней мере, под своей фамилией. Впрочем, по прибытии в Париж она вполне могла взять себе другое имя или, что тоже не исключено, сменила его вполне легально, боясь, что Лу найдет ее и там.

Майк уже дважды уличил мать во лжи: в том, что она платила за его обучение в школе Святого Стефана, и в том, что работала в кафе.

Он поинтересовался:

— Что еще тебе известно?

— Только то, что связано с рестораном.

Майк помолчал, мысленно приводя в порядок сведения, полученные от Нэнси.

— Жан-Поль Латьер жив. Он по-прежнему владеет и управляет целлюлозно-бумажной компанией своего отца, «Бумага Латьера». Ему исполнилось пятьдесят восемь лет, столько же, сколько моей матери, и он по-прежнему живет на острове... Забыл, как он называется.

— Сен-Луи.

— Точно. Жан-Поль был женат лишь однажды, на женщине по имени Марго Паради. Он сочетался браком за два года до того, как мать вышла замуж за Лу. Но в ноябре семьдесят седьмого года, то есть примерно через год после того, как мать перебралась в Париж, Жан-Поль развелся. Второй раз он так и не женился. И детей у него тоже нет.

Сэм промолчала. Из комментариев Лу она уже знала, что Жан-Поль никогда не хотел иметь детей.

— Этот парень, похоже, не сидит на месте, — продолжал Майк. — У него куча телефонных номеров. Нэнси наконец-то удалось заполучить его к аппарату, представившись

вице-президентом одной из крупных компаний по производству бумаги здесь, в Штатах. Не возражаешь, если я закурю?

— Не стану, если угостишь и меня.

— Ты куришь?

— Бросила четыре года назад, но время от времени балуюсь сигаретой.

Майк достал пачку, прикурил сначала ей, а потом и себе.

— Итак, возвращаясь к Нэнси... — заговорил он снова. — Она не расспрашивала его с Мэри Салливан. Она решила, что, быть может, я сам захочу поговорить с Жан-Полем. Он свободно владеет английским.

Они прошли мимо бронзовых уток, которые, как считала когда-то Сара, оживают по ночам, и остановились на перекрестке улиц Бикон и Чарльз. Сэм взяла Майка под руку, когда они перебежали улицу, но отпустила, как только они достигли тротуара.

— Ты собираешься ему звонить? — спросила она.

— Жан-Полю?

Она кивнула.

— Сначала я должен кое-что сделать.

— Джесс, — догадалась она.

— А я-то думал, что смогу забыть об этом.

— Об этом трудно забыть. — Сэм немного помолчала. — Когда ты уезжаешь?

— Завтра утром. Я уже позвонил Джесс и договорился о встрече.

— Что она сказала, когда узнала, что ты летишь в Нью-Йорк?

— Я сказал ей, что прилечу на пару дней со своим другом Бам-Бамом и хочу увидаться с ней, чтобы поговорить. Мы встречаемся за ленчем.

Сэм кивнула и замолчала, обдумывая что-то.

— Если тебе понадобится что-нибудь, звони.

— Хорошо.

Майк увидел указатель Маунт-Вернон, повернул направо и зашагал вверх по улице. Не успел он сделать и нескольких шагов, как Сэм окликнула его.

— Куда это ты собрался?

Она остановилась на углу, в тени у ликеро-водочного магазина.

— Я думал, что провожаю тебя домой.

— Дедушка, сейчас только половина десятого. Ты устал — или в детском садике уже наступил тихий час?

— Теперь нам разрешают задерживаться до одиннадцати. И нет, я не устал.

Майк подошел к Сэм вплотную и на мгновение встретился с ней взглядом. Прежние чувства, которые он когда-то испытывал к ней, оказывается, никуда не делись — потрепанные, покрытые синяками и ссадинами, может быть, немножко другие по прошествии стольких лет, они, тем не менее, никуда не исчезли. И Сэм знала об этом. Он понял это по выражению ее глаз.

Она спросила:

— Хочешь пойти домой?

— В общем-то, нет. А ты?

— В общем-то, тоже.

— Есть идеи? Только, пожалуйста, без танцев.

— Я вдруг подумала о канноли.

— Давненько я не едал канноли.

— Можешь считать, что тебе повезло. Я знаю одно чудесное местечко в Норт-Энде.

Идем?

— Идем.

Сэм взяла его под руку, и они пошли по Чарльз-стрит.

Нью-Йорк показался ему Бостоном-переростком, вымахавшим благодаря стероидам: выше и шире, злее и опаснее, готовым сожрать вас с потрохами, если вы чересчур беззаботны, неуклюжи или просто глупы. Правило номер один поведения в городе гласит: ни в коем случае не дайте заподозрить в себе туриста. Это означает — не выделяйтесь из толпы и смотрите, черт возьми, куда идете. Но вон тот деревенский лапоть на другой стороне улицы (судя по его виду, попавший сюда напрямиком с кукурузного поля где-нибудь в Айове) пытался одновременно смотреть на уличные указатели и определить свое местонахождение по карте, которую раскрыл перед самым носом, словно газету. Пациент, явно сбежавший из психбольницы, стоял на углу и держал большой белый плакат с надписью «ПРИШЛО ВРЕМЯ ПОКАЯТЬСЯ, ЗАСРАНЦЫ!».

Вот за это он и любил большие города вроде Нью-Йорка — за то, что в них всегда хватало бесплатных развлечений.

Стоял чудесный весенний день — сезон «Танкерей», как выражался Бам-Бам, — и полуденное солнце ласково пригревало ему лицо, напоминая о беззаботных деньках, проведенных на лодке Бама в компании с еще несколькими парнями и девчонками. Майк сидел за выставленным на тротуар столиком ресторана, глядя, как мистер Айова сломя голову ринулся вперед и налетел на Маджиллу-Гориллу, рядом с которой даже Билл показался бы карликом, когда увидел Джесс. Она шла к нему с улыбкой на губах, неосознанной и добродушной, которая появляется просто от ощущения теплого, солнечного дня — или от осознания собственной невидимости, — в городе, в котором у людей не хватает времени остановиться и оглядеться по сторонам.

— Глазам своим не верю! Это и впрямь ты. Здесь, в Нью-Йорке.

Джесс остановилась рядом с его столиком.

Майк выдавил из себя улыбку.

— Я и впрямь здесь, — сказал он, с удовлетворением отметив, что голос не дрожит.

Джесс сдвинула солнцезащитные очки на лоб, а потом и вовсе пристроила их на макушке.

— А где Бам? — поинтересовалась она.

— У него что-то не сложилось, так что он не смог прийти. Посидим вдвоем, только ты и я.

Не успела Джесс сесть за столик, как к ним подскочил официант. Старается угодить, решил Майк, хотя, не исключено, парню просто захотелось рассмотреть Джесс поближе. Майк знал, что время всегда было союзником Джесс, а не противником. Она заказала белое вино и, после того как официант умчался, опустила сумочку на тротуар. А Майк все пытался перенестись в эпоху, запечатленную на фотографиях. Тогда Джесс была еще веселой и беззаботной — осторожность, которая позже начнет доминировать в жизни его самого и Сары, начала проявляться тогда, когда Джесс в первый раз поняла, что беременна, и эта осторожность превратится в навязчивую идею после второго выкидыша.

— Итак, — с улыбкой поинтересовалась Джесс, откидываясь на спинку стула и закидывая ногу на ногу, — как вы с Бамом собираетесь развлекаться сегодня вечером?

Глядя на бывшую жену, он вспоминал ее философию жизни и брака: «Я никогда не смогу солгать тебе, Майкл» и «У нас никогда не будет секретов друг от друга, Майкл».

Интрижка на стороне противоречила тому, кем она была на самом деле, — или, по крайней мере, тому, кем она притворялась во время их совместной жизни. Что это — пустые слова, или Джесс действительно придерживалась своих убеждений? Пора наконец выяснить, что к чему.

Мягкого и осторожного способа для этого не существовало. Он швырнул конверт на стол, прекрасно понимая, что своими руками разрушает атмосферу дружбы и доброй воли между ними.

— Это твое, — сказал Майк.

Джесс попыталась уловить в его глазах хотя бы намек на то, что происходит, но, потерпев неудачу, взяла конверт в руки и осторожно вытряхнула фотографии на стол.

На верхнем снимке она вместе со своим приятелем, хахалем или кем там еще он ей приходился, спускается, держась за руки, по ступенькам мини-гостиницы «ночлег и завтрак». Майк специально положил его первым, прежде чем запечатать конверт. Выражение ее лица скажет ему правду.

Она беззвучно ахнула, и кровь отхлынула от ее щек. Джесс впиалась взглядом в фотографию, на которой была запечатлена она, прежняя, пытаясь не дать тому, что видит, пробить броню, которую она нарастила за пять лет с момента исчезновения Сары. Джесс проглотила комок в горле, и глаза ее сузились, словно говоря: «Я не позволю тебе сломать меня». Это был тот же взгляд, каким она окинула Майка в кухне после того, как он вернулся домой с Холма насквозь промокший и сообщил, что Сара исчезла.

Но она все-таки сломалась. Майк понял это, когда Джесс медленно отвела взгляд от фотографии и стала смотреть на улицу. На лице ее появилось отрешенное выражение, напомнившее ему девушку, в которую он влюбился еще в школе, когда она стояла у окна спальни, глядя на полицейскую автомашину, медленно въехавшую на подъездную дорожку, и уже зная, что двое полицейских, направлявшихся к крыльцу, пришли сообщить ей, почему отец, опаздывавший на три часа, так и не вернулся с работы.

— Сколько это продолжалось? — спросил Майк и почувствовал, как внутри него что-то лопнуло и с тягучим звоном разлетелось горячими осколками. Он мысленно готовился к такой возможности, но представлять гипотетически и видеть собственными глазами — разные вещи.

Подошел официант и поставил бокал с белым вином рядом с локтем Джесс, после чего поинтересовался, готовы ли они сделать заказ на ленч. Майк покачал головой, и официант с недовольным видом удалился, явно раздосадованный крошечными чаевыми, на которые мог рассчитывать.

— Сколько это продолжалось? — повторил он, и Джесс вздрогнула, расслышав нотки гнева в его голосе.

«Как бы тебе ни хотелось опрокинуть столик и хорошенько вмазать ей по лицу — вполне справедливое желание, следует отметить, — тебе предстоит принять решение, и принять его прямо сейчас. Ты хочешь узнать, что случилось, или хочешь наказать ее? Потому что ты должен выбрать одно из двух. Получить и то и другое не получится».

Майк сделал вторую попытку.

— Я наткнулся на них случайно.

Джесс горько рассмеялась.

— Сомневаюсь. Когда дело касается Лу, случайностей не бывает.

— Так ты знала, что он сделал эти фотографии?

Она не ответила. Она старательно смотрела на улицу, и взгляд ее перебегал с одного предмета на другой.

— Ты будешь говорить? — спросил Майк.

— Какой смысл? Не сомневаюсь, Лу уже рассказал тебе все.

Если он скажет, что не разговаривал с Лу и что вместо этого пришел сюда, чтобы выслушать ее, то не даст ли ей тем самым возможность солгать и уйти от ответа? Джесс не обязана рассказывать ему правду, но если она уверена, что Лу уже просветил его во всех подробностях...

— Зачем ты пришел сюда? Злорадствовать? Получить удовлетворение и унижить меня, размазав по моему лицу мою же ошибку?

Джесс встретила с ним взглядом, и Майк увидел, как в ее глазах разгорается решимость. Она готова была замкнуться и уйти в себя.

— Я пришел за объяснением, — сказал он, изо всех сил сохраняя спокойствие.

— Нет, ты пришел не за этим. Ты пришел, чтобы использовать меня в качестве позорного столба. Но вот что я тебе скажу: этого больше не будет. Я не стану помогать тебе.

— Джесс, я...

— Я уже сказала: нет! Я сделала ошибку — большую ошибку! — и она обошлась мне так дорого, что ты даже представить себе не можешь. Но я простила себя. Мне пришлось пройти долгий путь, но я простила себя и пошла дальше. Что же касается вот этой части моей жизни, — она указала на фотографии, — с этой ее частью покончено.

— А разве я не заслуживаю того, чтобы идти дальше?

Она рывком подхватила сумочку.

— Просто скажи мне, что я сделал не так. Что заставило тебя броситься в объятия того парня?

Джесс отодвинула стул и встала. Майк последовал ее примеру, обошел столик и схватил ее за руку.

— Я не напрашивался на это, — сказал он, — но так уж вышло. А теперь у меня в голове беспрестанно звучат вопросы, для которых нет свободного места. После того, что случилось с Сарой, — больше нет.

Джесс не сделала попытки освободиться, но он видел, что она все еще раздумывает, а не повернуться ли и уйти.

— Объясни — это все, чего я прошу, — продолжал Майк. — Думаю, это справедливо.

Майку показалось, что выражение ее лица смягчилось. Он оказался прав. Джесс опустила сумочку снова на тротуар. Он отпустил ее руку.

— Спасибо, — сказал он, и они снова сели за столик.

— Я хочу внести ясность. Я расскажу тебе все, и на этом мы поставим точку. После моего ухода вопрос будет закрыт.

«Можешь не беспокоиться. После того как ты уйдешь, я больше не собираюсь разговаривать с тобой».

Джесс взяла бокал с вином, поерзала на стуле и закинула ногу на ногу. На лице ее отразилось праведное негодование, как у женщины, приготовившейся к перекрестному допросу.

— Я знаю его? — начал Майк.

— Нет.

— Как его зовут?

— Я думала, Лу рассказал тебе все.

— Он не упомянул его имени.

— Это имеет значение?

— Пожалуй, нет.

Джесс отпила глоток вина.

— Роджер, — сказала она. — В то лето, когда мы с тобой обручились, я сняла дом в Ньюпорте, помнишь?

Он помнил. То лето для него выдалось хлопотным. Их бизнес с Биллом шел очень неплохо и даже начал расширяться. Джесс работала учительницей по организации обучения детей с особыми потребностями, и летом у нее были каникулы, если не считать случайных подработок официанткой в кафе «Граунд раунд» в Дэнверсе. Сокурсница по колледжу предложила ей снять домик в Ньюпорте вместе с четырьмя другими девушками. Джесс поинтересовалась у Майка, не возражает ли он, и он ответил, что нет и что с удовольствием будет приезжать к ней пару раз в месяц, чтобы поваляться на пляже.

Джесс продолжала:

— Однажды ты не приехал, и на вечеринке я встретила Роджера. Ему тогда было уже около сорока, и он работал в финансовом районе Бостона. Он разительно отличался от тех людей, среди которых выросли мы с тобой. Он был очень умен и образован... в книжном смысле этого слова. По утрам он читал «Нью-Йорк таймс» и «Уолл-стрит джорнел». Мой отец, например, читал только спортивный раздел «Геральд», а мать... Ну, ты же помнишь, что ее совершенно не интересовало то, что происходит за пределами Белхэма. Роджер был инвестором, но увлекался искусством и архитектурой. Как-то летом он даже арендовал виллу в Тоскане. Он мог часами рассказывать о путешествии по Европе. И очень любил ходить под парусом.

— Ты хочешь сказать, что тебя потянуло к нему, потому что он был богат?

Джесс метнула на него негодующий взгляд.

— Я не настолько меркантильна, и тебе это известно.

Майк примирительно выставил перед собой обе руки:

— И что же было дальше?

— Роджер... он был такой... состоявшийся. Я совершенно не разбиралась в инвестициях и никогда не ездила дальше Род-Айленда. Но он заинтересовался мною, и это было приятно. То есть я хотела знать, что он во мне нашел. Сама я этого не понимала. И уж никак не собиралась влюбляться в него.

Слово «влюбляться» заставило Майка вздрогнуть и больно ранило.

«А кто говорил, что тебе уже все равно?» — тут же осведомился внутренний голос.

Джесс заметила его реакцию.

— Это был очень сложный и запутанный период в моей жизни, — извиняющимся тоном сказала она. — Роджер знал о тебе. Он знал, что я люблю тебя. Я ничего от него не скрывала. Он знал, что я боялась потерять тебя. Потерять то, что было между нами.

Майк, сознавая, что у него загорелись уши и краснота начинает расползаться по шее и лицу, так сильно сжал кулаки, что ногти впились в ладони.

— В то лето, которое ты провел на Хэмптон-Бич, ты говорил мне, что встретил кого-то. Синди или еще как-то, — сказала Джесс. — Помню даже, ты говорил, будто тебе показалось, что ты полюбил ее.

— Мы с тобой тогда еще не были помолвлены.

— Тогда я верила, что в моем сердце есть место только для одного человека. И этим человеком я считала тебя. Я выбрала тебя, потому что думала: мое место рядом с тобой. Но, ради бога, Майкл, мы были так молоды, когда поженились! Мы оба были совсем еще детьми. Мы даже не понимали, что делаем.

— Так почему ты решила порвать с Роджером и довольствоваться мной?

— Все было совсем не так.

— А как?

Джесс оперлась локтем о подлокотник стула, а другой рукой потерла лоб, словно пытаясь избавиться от мигрени. Ожидая, пока она вновь заговорит, Майк сделал несколько глубоких вдохов, отчаянно пытаясь сдержаться и не ударить ее. Он не очень понимал, откуда взялось такое желание, ведь Джесс описывала то, что случилось... Кстати, сколько? Почти двадцать лет назад?!

— Наступил сентябрь, и пришло время возвращаться к работе, — сказала Джесс. — Я убедила себя в том, что не могу всерьез заинтересовать такого человека, как Роджер, убедила себя, что это была ошибка, и порвала с ним.

— Вот только он не хотел порывать с тобой.

Джесс уставилась на него с таким выражением, какое появляется на лице, когда вы случайно сталкиваетесь на улице с человеком, которого знали долгое время, но которого больше не хотите видеть.

— Он не оставлял тебя в покое, — продолжал Майк. — И когда же ты решила вновь трахаться с ним на полную катушку?

— Грубить совсем необязательно.

— А разве можно назвать это иначе?

Он пришел сюда, чтобы убедиться в своих подозрениях, и убедился. К черту вежливость!

— Я называю это ошибкой. Большой ошибкой, — возразила Джесс. — Я попыталась сохранить с ним дружеские отношения, остаться просто друзьями, но нас влекло друг к другу, и... Я поступила неправильно. Мы с тобой собирались пожениться, и такого не должно было случиться. Но это случилось, и я поняла, что должна положить этому конец. Что бы ни наговорил тебе Лу насчет того вечера, я уже собиралась порвать с Роджером.

— Какого вечера?

— Когда я встретила Лу в ресторане. — Джесс заглянула Майку в глаза. — Разве он ничего тебе не говорил?

— Я провел с ним лишь несколько минут наедине. Так что в особые подробности он не вдавался.

— Я встретила с Роджером, чтобы поужинать в одном ресторане в Чарльзтауне. Я сказала ему, что все кончено и что мы не можем больше встречаться. Потом я пошла в дамскую комнату, а в коридоре меня уже поджидал Лу с широкой улыбкой на лице. Он пригласил меня к столику в задней части, начал уверять, что рад видеть меня, что я прекрасно выгляжу, а потом просто вывалил на столик эти фотографии, в точности как ты. — Джесс пригубила вино. — Он сказал, что я должна немедленно порвать с Роджером, что я собиралась сделать и так. Он сказал, что если еще раз увидит меня с Роджером, то покажет фотографии тебе. А потом твой отец заявил, что я должна выступить в роли миротворца и помирить тебя с ним. Я сказала, что попробую, а он подчеркнул, что в моих интересах сделать так, чтобы мои усилия увенчались успехом.

Майк попытался вспомнить те времена, но ему казалось, что Джесс никогда и доброго

слова о Лу не сказала.

— Каждый день, ожидая твоего возвращения, я боялась, что Лу рассказал тебе обо всем, — сказала Джесс. — А потом твой отец оказался замешанным в ограблении банковских броневиков и переехал во Флориду, и только тогда я вздохнула свободно.

— Какая удача!

— Не надо.

— Что не надо?

— Не надо смотреть на меня так. Ты не имеешь никакого права сидеть здесь и судить меня.

— Ты должна извинить меня, что мне трудно проглотить все то дерьмо, которое ты вывалила на меня, о том, что запуталась в своих чувствах!

Кожа на скулах Джесс натянулась, а в глазах появилась непоколебимая решимость сражаться до конца.

— Ты прекрасно совладал с собой после того, что случилось с Сарой.

— Это не имеет никакого...

— Это ведь ты разрешил ей одной подняться на Холм, помнишь? Но разве я хоть раз упрекнула тебя в том, что это твоя вина? Хоть раз?

Майк отвел глаза. Женщины за соседним столиком уже начали украдкой поглядывать в их сторону.

— Ты чертовски прав, я не сделала этого, — сказала Джесс. По ее щекам текли слезы, но голос ее не дрогнул. — А ведь мне очень хотелось. Я винила тебя в случившемся и ненавидела. Ты даже не представляешь, сколько раз мне хотелось выкрикнуть это тебе в лицо. Но я не сделала этого, Майкл, не сделала, потому что знала — тебе будет очень больно. Несчастные случаи происходят постоянно, и то, что случилось со мной, было именно несчастным случаем. Когда я поняла, что беременна, то едва не сошла с ума. Но я должна была сделать это. Это было неправильно и аморально, и я понимала, что совершаю убийство, но я должна была это сделать! Я не могла родить в нашем браке ребенка другого мужчины. Это было неправильно, но я сделала это. Я сделала это потому, что хотела остаться с тобой. Потому что любила тебя.

Майк вдруг увидел себя словно со стороны: вот он подается на стуле вперед, будто не веря своим ушам.

— Это была ошибка, — повторила Джесс, и лицо ее сморщилось. Она готова была разрыдаться. — Каждый человек имеет право на одну большую ошибку в жизни. Невозможно вечно расплачиваться за нее, но мне пришлось.

Врач оплошал... Рождение Сары стало настоящим чудом, а потом Господь наказал меня, отняв мою девочку. Моего ребенка. Мою Сару.

Майк больше не мог вынести этого. Он рванулся с места, опрокинул столик, и бокал с вином и чашка кофе полетели на землю и разбились, прежде чем он успел подхватить их. Джесс не шелохнулась.

— Я простила тебя в тот день на кладбище. Теперь твоя очередь. Скажи, что ты прощаешь меня.

Ничего не видя перед собой, Майк устремился по проходу между столиками на улицу. Он посмотрел сначала налево, потом направо, не зная, куда бежать, и чувствуя, как подгибаются ноги.

— Скажи, что прощаешь меня! — пронзительно выкрикнула она. — Скажи!

Он побрел прочь, куда глаза глядят.

— СКАЖИ! — истерично закричала Джесс. — НЕ СМЕЙ УХОДИТЬ, ПОКА Я
СКАЖЕШЬ, ЧТО ПРОСТИЛ МЕНЯ!

«Не оглядывайся, — сказал ему внутренний голос. — Что бы ты ни делал, иди вперед и
не оглядывайся».

Майк остановился. По лицу его ручьями тек пот, а спина и подмышки были мокрыми. Он не знал, сколько шел и где находится. Он стоял рядом с каким-то банком, на мостовой было на удивление мало машин, а послеполуденное солнце загораживали высокие небоскребы.

Случившееся с Джесс в точности повторяло то, что вышло у него с Лу: Майк шел на встречу, ожидая получить ответ на один-единственный вопрос, а взамен узнавал намного больше и теперь не знал, что с этим тошнотворным знанием делать. Он-то думал, что Джесс просто подтвердит то, о чем он уже и сам догадался по фотографиям, но беременность?

О первой беременности он узнал совершенно случайно. Они арендовали второй этаж дома на две семьи, и он использовал свободную комнату под офис. Майк куда-то задевал чек на кругленькую сумму, который должен был депонировать, чтобы заплатить за квартиру, и, перерыв весь свой импровизированный офис, но так и не найдя чек, решил, что мог случайно выбросить его. Он спустился в гараж и стал рыться в пакетах с мусором, где и нашел чек, прилипший ко дну одного из мешков вместе с тремя полосками тестов на беременность. Сначала он наткнулся на одну пластиковую полоску, а потом обнаружил еще две. Результат на всех трех был положительным. Он разбирался в этих вещах, поскольку еще в школе они изрядно перепугались, когда Джесс примчалась к нему домой и заявила, что месячные у нее задерживаются вот уже на три недели. Тогда они купили два теста на беременность — «Они иногда ошибаются», сказала ему Джесс — и поехали к ней, поскольку матери Джесс не было дома. Оба теста показали отрицательный результат. Беременностью и не пахло. Через два дня у Джесс начались месячные.

А тогда он держал в руках три положительные полоски.

Он помнил, как слегка удивился. В общем-то, они уже поговаривали о том, что неплохо было бы завести настоящую семью и иметь троих, может быть, даже четверых детей, но вся штука в том, что они еще не приступали к реализации столь грандиозных планов. Хотя, с другой стороны, и предохранялись они не особенно. Джесс к тому же не принимала противозачаточные таблетки, у нее была на них какая-то аллергия.

Выкидыши случаются, заявила она ему в тот вечер — довольно нервно, как он теперь припоминал. Во время первого триместра, особенно если это первая беременность, запросто может произойти выкидыш. В этом нет ничего необычного. Она купила тест-полоски, но хотела подождать еще несколько недель, чтобы знать наверняка и тогда уже сообщить ему. А потом, словно в насмешку, у нее и впрямь случился выкидыш.

Вот только это была ложь. Она действительно была беременна, только это был не их ребенок, и никакого выкидыша не было тоже. Она солгала ему, а он поверил ей.

«У тебя не было никаких причин не верить ей».

Правильно. Если уж на то пошло, разве можно быть уверенным в чем-либо, когда речь идет о других людях? Вы приносите брачные обеты перед лицом Господа, обещаете быть честными друг с другом, но ведь истинные клятвы — те, которые не произносят вслух и, быть может, не признаются в них даже самим себе. Другие видят лишь то, что вы позволяете им увидеть: правду, приправленную полуправдой, маленькой ложью во спасение, а иногда — откровенной неправдой. В конце концов вы принимаете весь спектакль, призванный стать лишь дымовой завесой, за чистую монету, бросаете кости и надеетесь на лучшее —

если только не хотите провести остаток жизни в гордом одиночестве.

Запечатленные на тех фотографиях мгновения не относились к измене — они означали утешение. Роджер не целовал ее, а обнимал, успокаивая после... процедуры.

Майк сунул руку в карман рубашки за сигаретами и закурил, думая о том, что было бы, если бы он увидел эти снимки много лет назад. Остался бы он с ней? Нет, ни за что! Никогда, будь оно все проклято! Есть вещи, простить которые невозможно.

«Но ведь она простила тебя».

Майк вспомнил слова Сэм о том, что люди, дескать, совершают необдуманные поступки. Все, кто ведет двойную жизнь, старательно хоронят свои тайны с острыми краями — даже Роза Жиро, святее которой был, кажется, только папа римский, и то призналась, что у нее случился...

Майк замер на месте как вкопанный.

Две женщины, дети которых пропали без вести, в молодости сделали аборт.

Что это, ниточка или случайное совпадение?

Он снял с пояса сотовый телефон, порылся в номерах в телефонной книге, нашел Розу и нажал кнопку вызова.

— Я рада, что ты позвонил, — сказала она. — Мне так стыдно за прошлую ночь.

— Роза, мы все через это прошли. Но я звоню тебе по другому поводу. Это связано... с тем, что ты сделала. Я понимаю, мой вопрос покажется тебе странным, но могу я узнать, где ты сделала эту процедуру?

Из трубки донесся долгий вздох.

— Роза, я понимаю, что веду себя бестактно, но это может быть очень важно.

— Нет, я не возражаю против твоих расспросов. Просто с тех пор, как я выложила это тебе вчера ночью, я тщетно пытаюсь вновь забыть обо всем. — Голос ее звучал напряженно и холодно. Воцарилось долгое молчание, потом она сказала: — Конкорд, Нью-Гэмпшир.

— Опиши мне это место, пожалуйста.

— Оно похоже на дом. Это первое, что я помню. Ни на двери, ни на ограде не было никакой таблички. В те времена, если ты решалась... на такую процедуру, приходилось делать ее тайно. Сейчас все совсем не так. Можно полистать желтые страницы и найти клиники, гордо предлагающие подобные услуги. Внутри было очень холодно, и люди там...

— Опиши мне здание снаружи. Как оно выглядело? Оно было синим?

— Белым, — без колебаний ответила она.

— Ты уверена?

— Я до сих пор помню тот день в мельчайших подробностях. Мне пришлось карабкаться на самый верх по очень крутым ступенькам. Я их никогда не забуду. Мне казалось, что я поднимаюсь на высокую гору. Когда я выходила, то чувствовала себя настолько плохо, что Стэну пришлось поддерживать меня. Спускаясь с его помощью по ступенькам, я думала, что сейчас упаду.

Все в точности так, как на фотографии. Роза описывала то же самое место.

— Роза, ты знаешь номера телефона Сюзанны Ленвиль?

— Она больше не Ленвиль, а Кларксон. Она взяла себе другую фамилию, когда вышла замуж во второй раз, и даже сменила имя на Маргарет. Теперь ее зовут Маргарет Энн Кларксон.

— Правильно, я совсем забыл об этом. Так у тебя есть ее номер?

— Поверь мне, она не станет разговаривать с тобой. Когда Джоуна умер, я решила

позвонить ей и сказать, что мне очень жаль, что все так вышло. Я знала, что у нее незарегистрированный номер, и понимала, что она, скорее всего, не захочет разговаривать со мной.

— Но ты все равно позвонила ей, — сказал Майк. Роза всегда вела себя, как заботливая мать, желающая удостовериться, что у вас все в порядке.

— Я понимаю, что поступила дурно, но моя знакомая — она работает в телефонной компании — дала мне ее номер. Я позвонила ей... Наверное, мне хотелось утешить ее и поговорить так, как я говорила с тобой. А она едва не откусила мне голову, заявив, что этот номер не зарегистрирован, потому что у нее есть на то свои причины, и повесила трубку.

— Все равно, дай мне его, пожалуйста.

— Я могу спросить, зачем он тебе понадобился? Раньше ты никогда не изъявлял желания поговорить с ней.

— Я понимаю, но...

— Это имеет какое-то отношение к Джоуне? — В голосе Розы звучало сдерживаемое волнение.

— Послушай, я, скорее всего, просто хватаюсь за соломинку.

— Расскажи мне, в чем дело.

— Сначала я должен поговорить с Сюзанной. Если то, о чем я думаю, выгорит, то я позвоню тебе завтра утром.

— Можешь подождать? Мне надо найти его.

— Конечно. Не спеши.

Роза положила трубку. Вслушиваясь в далекий стук её каблучков по полу и шум выдвигаемых ящиков, он прикидывал, с чего начнет разговор с Сюзанной Ленвиль — Маргарет Энн Кларксон. Все указывало на то, что она решительно не желает говорить о том, что случилось с ее дочерью. Если у нее стоит определитель номера абонента, то она могла узнать Розу Жиро, когда та звонила, но, тем не менее, сняла трубку, хотя и дала Розе от ворот поворот.

Сюзанна не стала бы вести себя так, если бы ей позвонил офицер полиции.

Но Меррик не станет звонить. По его мнению, дело закрыто. А вот Тугодум Эд может и согласиться. Конечно, технически такой звонок можно счесть нарушением установленных правил, но...

На линию вернулась Роза.

— Записывай, — сказала она и продиктовала ему номер.

— Спасибо, Роза.

— Обещай мне, что позвонишь сразу же, как только выяснишь что-нибудь.

— Обещаю и клянусь. — Он отключился.

К тому времени, как Майк нашел платный телефон-автомат в двух кварталах от банка, у него уже была заготовлена железная — и правдоподобная, как он надеялся, — история. Майк набрал номер...

«Это безумие!»

.. и облегченно вздохнул, когда на другом конце линии сняли трубку.

— Алло, — прощепетал жизнерадостный женский голос.

— Миссис Кларксон?

— Да.

— Миссис Кларксон, вас беспокоит детектив Смитс. Прошу прощения, но мне нужны

задать вам один вопрос. Это займет совсем немного времени.

— Я не желаю разговаривать с вами. Ваши коллеги приходили ко мне каждый день, и я уже рассказала им об этом монстре все, что знала. Вы меня понимаете? Мне больше ничего не известно.

У нее не было определителя номера абонента. Она решила, что он звонит ей из того же города, в котором живет она сама.

«Но тебя показывали по телевизору. Даже по CNN. Что будет, если она узнает твой голос?»

Но пути назад уже не было. И он с разбега бросился в холодную воду.

— Миссис Кларксон, вы католичка?

— Это и есть ваш вопрос?

— Я понимаю, мой вопрос кажется странным, но он очень важен.

— Я была католичкой. Понимаете? Была.

— А вы... Я отдаю себе отчет, что это очень личный вопрос, но я должен знать, не делали ли вы аборт еще до рождения Каролины.

На другом конце провода воцарилась мертвая тишина.

— Я знаю, что вам было очень и очень нелегко, — заговорил Майк. — Поверьте, если кто-нибудь и понимает, через что вам пришлось пройти, так это я. Я бы не спрашивал вас, если бы это не было чрезвычайно важно.

— Моя дочь мертва уже двадцать пять лет. — Жесткость исчезла из ее голоса, и теперь в нем звучали слезы, готовые смениться гневом. — И я не собираюсь переживать все заново. С меня довольно. Я не просто так сменила имя и фамилию. И новую жизнь вы у меня не украдете.

— Это означает «да»?

На другом конце линии раздались короткие гудки. Майк шагнул к обочине, подняв одну руку, чтобы остановить такси, а другой набирая номер Меррика.

Значит, ты рассказал обо всем Меррику, — сказал Билл, глядя на Майка. — Теперь его очередь принять эстафету.

— Я почти уверен, что он спустит все на тормозах.

— Салли, он же пообещал заняться этим.

— Я ему не верю.

Билл вновь принялся протирать мыльной губкой капот новенького желтого «Форда Эскейп» Патти. На нем были шорты, шлепанцы и рубашка с короткими рукавами, выставливающая напоказ татуировку в виде значка биологической опасности на внушительных бицепсах. Шелковую рубашку покрывал рисунок из сотен миниатюрных обложек журнала «Плейбой».

Время приближалось к шести, и солнце уже скрылось за горизонтом, но воздух еще оставался теплым. Майк только что вернулся. Сойдя с трапа самолета в Логане, он напрямик направился в полицейский участок, чтобы повидаться с Мерриком, который согласился на встречу. Майк рассказал детективу все, за исключением того, что представлялся офицером полиции.

— Прекрасный цвет, — одобрительно сказал Майк. — А что, розовые уже все проданы?

— Патти сама выбрала, — ровным голосом ответил Билл. — Так что я тут ни при чем.

— И поэтому ты недоволен?

— У меня был трудный день. Близнецы. — Билл покачал головой. — Иногда я жалею, что меня не стерилизовали раньше.

— Готов биться об заклад, что Маргарет Кларксон делала аборт в Нью-Гэмпшире.

На лице у Билла появилось усталое выражение, в точности такое же, как у Меррика, с которым он расстался всего несколько минут назад. Ничего не говори, просто кивай, и, будем надеяться, собеседник заткнется и уйдет сам, подобру-поздорову.

Майк опустил жестянку колы прямо на асфальт подъездной дорожки и подошел к Биллу.

— Тебе не кажется странным, что все три женщины делали аборт?

Билл пожал плечами.

— Такое случается чаще, чем ты думаешь.

— Даже учитывая, что они делали его в одном и том же месте?

— Ладно. Допустим, в этом что-то есть.

— Допустим.

— Но при чем здесь Джоуна?

— Не знаю. Поэтому я и обратился к Меррику. Это называется «ниточка».

Билл уронил губку в ведро и взял бутылку «Сэма Адамса», стоявшую на капоте.

— Я вспоминаю вечер пятницы, когда ты сошел в кухню разодетый, как франт. Знаешь, что сказала Грейс на следующее утро, когда подошла ко мне? «Дядя Майкл снова улыбается».

— Я не напрашивался на это.

— Нет, напрашивался. — Билл ткнул в Майка горлышком бутылки. — Это ведь ты пошел к Лу и прищемил ему яйца, так что он раскололся и выложил всю правду о твоей матери. Теперь ты не знаешь, что делать с этим, но, словно тебе этого мало, едешь в Нью-

Йорк и раскапываешь историю с Джесс. Может, пора подвести черту? Ни к чему хорошему это не приведет.

— Мне кажется, что из этого может кое-что получиться.

— Ну да. Еще бы. Лишь бы не думать.

— О чем?

Билл оперся локтями о капот «эскейпа» и принялся отдирать этикетку от бутылки. С внедорожника на землю стекали капли воды.

— То, что я сейчас скажу, идет от души. Отпусти Сару. Хочешь заплакать, закричать, напиться, в конце концов, — отлично, только скажи, и я буду рядом и подставлю плечо, если тебе это нужно. Но все это копание... Остановись, Салли. В какой-то момент надо идти дальше и радоваться жизни.

Майк закурил и отвернулся, глядя на лужайку, где Грейс и Эмма играли в куклы. Пола сидела на ступеньках, одной рукой прижав к уху трубку радиотелефона, другой почесывая пузо Фанга, который лежал на боку, млея от удовольствия.

Пола заметила, что Майк смотрит на нее, и помахала ему. Майк помахал ей в ответ.

— Она уже совсем взрослая, верно?

— Прости меня, Салли. Я знаю, ты хотел услышать совсем не то, но мне больше нечего сказать.

— Мне надо отлучиться ненадолго.

— Остайся на ужин. Пола приготовила свиные отбивные. «Алка-зельцер» не потребуется.

— Как-нибудь в другой раз. Спасибо, что присмотрел за собакой. Желаю тебе приятного вечера в кругу семьи.

Майк свистнул, подзывая Фанга, и зашагал прочь.

Майк уже направлялся домой, когда его вдруг охватило необъяснимое желание немедленно заехать на кладбище. Не раздумывая, он повернул в обратную сторону и сейчас стоял словно замороженный, глядя на могилу Джоуны. Фанг остался в грузовичке — пес слишком устал, чтобы идти куда-то.

В то утро, когда он сорвался, разговаривая по телефону с Джесс, — он плакал о Саре, но так и не смог отпустить ее. И даже позже, слушая Меррика, который чуть ли не открыто признал, что Сара мертва, какая-то часть его души отказывалась хоронить последнюю надежду. Когда он упаковал вещи в ее комнате, в сердце прозвучал крик надежды, и он понял, что поторопился. И вот сейчас, стоя у могилы, он осознал, что надежда так и не умерла, что она все еще подгоняет его и не дает опустить руки.

«Я не собираюсь сдаваться. И знаете что? Вам меня не заставить!»

Может быть, Билл и прав. Может быть, то, что он раскопал всю эту грязь, было всего лишь попыткой обмануть самого себя.

Джоуна лежал на глубине шести футов, в заколоченном гробу, полном бальзамирующей жидкости. Трава совсем недавно была скошена. Майк заметил, что травинки прилипли к его ботинкам, и вспомнил, как любила бегать по свежескошенной траве Сара, как она возвращалась домой с зелеными пятками, роняя травинки на ковер, чем приводила Джесс в неистовство. Он вспомнил, как она любила объедать сыр с пиццы — «Папочка, это же такая вкуснятина!» — и как закатывала истерику, если ей не разрешали самой выбрать, во что одеться, или положить столько черники на блинчик, сколько она хотела, или добавить шоколадные чипсы в кексы, которые они с Джесс пекли вместе. Когда он думал о Саре, то всегда вспоминал именно такие моменты проявления ее характера, когда она пыталась контролировать окружающий мир, доказать свою правоту и независимость, — и да поможет вам Господь, если вы осмеливались перечить ей! Эти воспоминания о Саре — об ее отчаянном упрямстве, с которым она шла по жизни, — тоже были своего рода отдушиной для него. Быть может, он просто боялся представить, как она охотно уходит с Джоуной, доверчиво держа его за руку.

«Почему ты не кричала и не вырывалась, Сара, когда Джоуна уводил тебя? Почему ты не закатила ему истерику? Я бы услышал тебя. Почему ты просто ушла с ним и оставила меня одного?»

В гробу у его ног лежало не одно тело, а четыре. И это уже навсегда — разве что он захочет устроить отдельную поминальную службу для Сары и, быть может, похоронить ее зимнюю куртку и брюки, когда полиция вернет их ему. Вот только хоронят не вещи, а людей. Вы готовите их к путешествию под землю и к тому, что их там ждет. И с курткой нельзя попрощаться. Он, во всяком случае, не мог.

Как можно сказать «до свидания» тому, чего даже не знаешь? И когда наступает подходящее время для того, чтобы проститься с людьми, которых вы любили?

Майк повернулся и окинул взглядом Эвергрин-стрит. Двое мальчишек яростно сражались на деревянных мечах, а их мать или няня восседала на крыльце на пластиковом стуле, перелистывая журнал, лежавший на коленях.

Может, если он закажет какую-нибудь службу, то друзья поймут, что он наконец смирился с тем, что Сары больше нет. «Я люблю тебя, Сара. Прощай. А теперь, черт бы вас

всех подрал, оставьте меня в покое!»

Немного погодя он достал телефон и набрал номер Сэм.

— У тебя уши не горят? — поинтересовалась она. — Я только что о тебе говорила.

— В самом деле? И с кем?

— С Нэнси. Буквально минуту назад. Она позвонила, чтобы рассказать мне о «свидании вслепую», что состоялось у нее вчера вечером.

Майк представил, как Нэнси в своей сокрушительной манере общается с каким-нибудь парнем. Бедный малый.

Сэм спросила:

— Как прошла твоя поездка в Нью-Йорк?

— Как тебе сказать... Хочешь, составлю тебе компанию?

— Конечно. Ты уже ужинал?

— Еще нет. Как ты относишься к собакам?

— Когда-то у меня был терьер.

— А к большим собакам, которые пускают слюни?

— У меня есть лишние полотенца.

— И последний вопрос. Если Нэнси не занята, я могу пригласить ее к тебе? Ненадолго?

— Разумеется. Что происходит, кстати?

Майк перевел взгляд на могилу Джоуны.

— Объясню, когда приеду.

За ужином Майк посвятил Сэм в подробности своей поездки в Нью-Йорк и разговора с Мерриком и Биллом.

— Так что теперь ты, наверное, уже сама догадалась, для чего я пригласил Нэнси, — сказал он.

— Что ж, в этом есть смысл.

— И что ты мне скажешь?

— Не имеет значения, что думаю об этом я. Если ты полагаешь, что нужно покопаться в этих вещах, значит, копайся. Причем настолько глубоко, насколько считаешь нужным, а если решишь, что стоит остановиться, — останавливайся. В таких делах не бывает правильных ответов. Какая, к черту, разница, что говорят или думают другие?

— Ты всегда умела докопаться до сути, Сэм.

— Это лучше, чем жить в утомительной серой зоне [\[17\]](#).

Они помолчали. Майк первым нарушил молчание.

— Тот вечер мне очень понравился.

— Канноли и впрямь были очень вкусными.

— Я имел в виду твое общество.

Сэм улыбнулась.

— Я догадалась.

Им было хорошо вдвоем. Вечер получился приятным и легким. Никто не заставлял их вести себя строго определенным образом. К ним вернулся прежний уютный ритм, и он не хотел разрушать его.

— В моей жизни недостает порядка.

— Как и у всех, Салли.

В дверь внизу позвонили, и Фанг, лежавший на полу, сонно приподнял голову. Сэм выпустила Нэнси, и, когда она вошла в столовую со своим привычным «привет-как-

поживаете?», пес поднялся и подошел к ней, виляя хвостом, а потом принялся радостно обнюхивать ее.

— Хотите, я заберу его? — предложил Майк.

— Вы шутите? Это самый ласковый прием, который устроил мне мужчина за последние несколько недель. — Фанг потрусил за Нэнси, когда та направилась к столу и села. — Итак, — обратилась она к Майку, — о чем вам не терпелось поговорить со мной?

Майк принялся рассказывать. Когда он закончил, Нэнси помолчала, обдумывая услышанное. Окна были открыты, и по квартире гулял теплый весенний ветерок, принося в комнату отзвуки автомобильных гудков и голоса людей.

— Ладно, — заговорила Нэнси. — Значит, Маргарет Кларксон не призналась, что сделала аборт.

— Нет, не призналась, — подтвердил Майк, — но я понял, что вопрос попал в самую точку.

— Ты можешь узнать, действительно ли она проходила эту процедуру? — поинтересовалась Сэм у Нэнси.

— Раньше бы я не задумываясь сказала «да», — ответила Нэнси. — Но сейчас по счетам платят медицинские страховые компании. И все данные хранятся в МИБе.

— Что такое МИБ? — спросил Майк.

— Медицинское информационное бюро, — пояснила Нэнси. — Это нечто вроде компьютерной сети, в которой хранятся все истории болезни и тому подобное. Обычно ею пользуются только страховые компании.

— А я полагал, что история болезни неприкосновенна.

— Добро пожаловать в век цифровых технологий. Забудьте о МИБе. Сомневаюсь, что там можно добыть нужные нам сведения. Маргарет Кларксон где-нибудь около семидесяти, верно?

— Шестьдесят шесть, — ответил Майк. В последней статье в «Глоуб» упомянули ее возраст.

— Выходит, Каролину она родила, когда ей было двадцать семь, — очень поздно по тогдашним меркам. Можно предположить, что аборт она сделала, ну, не знаю, лет в двадцать, то есть где-то в пятидесятые годы. Отцы тогда носили шерстяные кардиганы и курили трубки, а матери были просто счастливы, изображая домохозяйку Сьюзи [\[18\]](#). В те времена слово «аборт» и произнести-то было немыслимо, не то что сделать его.

Сэм добавила:

— Даже если она и сделала его, то наверняка подпольно.

— И, будем надеяться, врачом, который ничего не испортил, — подхватила Нэнси. — Платишь ему деньги, он делает свое дело, и остается только молиться, чтобы все было в порядке. Что и говорить, время тогда было совсем другое. Никаких объявлений на желтых страницах, никакой рекламы в защиту жизни на телевидении. До семьдесят седьмого года аборты считались незаконными.

— И компьютеров тогда тоже не было, — сказала Сэм. — По крайней мере, персональных компьютеров. В те времена все данные хранились в бумажном виде.

— Получается, никаких записей об операции не осталось, — заключил Майк.

— У Кларксон? Почти наверняка. Держу пари, даже когда аборт делала Роза Жиро, это тоже было в тайне, — сказала Нэнси. — Многие женщины предпочитали пользоваться вымышленными именами и платили наличными. Никаких медицинских записей. А если

медицинская карточка и существует, что почти невозможно, но все-таки предположим, что она где-то хранится, то я могу получить к ней доступ только одним способом — подкупив кого-нибудь из тех, кто работает в этой клинике. На мой взгляд, мы зашли в тупик. Рискну заявить, что в те времена, когда Маргарет Кларксон делала операцию, этого заведения в Нью-Гэмпшире еще и в помине не было.

— Другими словами, вы хотите сказать, что у нас нет ни малейших шансов узнать что-нибудь, — пробормотал Майк, уже предчувствуя горечь поражения.

— В данном случае наилучший способ добиться хоть какого-нибудь результата — задать прямой вопрос, что вы уже сделали. Если Меррик позвонит ей, я почти уверена, что она ни в чем не признается. Копы, как правило, не имеют привычки наводить справки по телефону. Они являются в гости без приглашения, суют под нос свои значки и заставляют говорить, пока не получают то, что им нужно. Что, кстати, ответил вам Меррик?

— Он сказал, что займется проверкой.

— И вы ему не поверили, — заметила Нэнси, — и поэтому я здесь.

— В самую точку.

— Я могу говорить откровенно?

— А разве у вас бывает по-другому? — поинтересовался Майк.

Уголки губ Нэнси дрогнули в улыбке.

— Мои источники сообщают, что полиция уже нашла в доме Джоуны личные вещи всех трех девочек. Они были спрятаны под полом в его спальне. Кроме того, нам известно о крови на внутренней стороне капюшона, и еще мы знаем, что Джоуна совершил самоубийство.

Майк глубоко вздохнул.

— Прошу прощения, — сказала Нэнси. — Просто я не понимаю смысла расследовать то, что ни к чему не приведет и лишь продлит ваши страдания.

— Неужели только мне одному подобные совпадения кажутся странными?

— Женщины делают аборт. Не все, конечно, но уж если женщина решилась на операцию, она не станет рассказывать об этом всем и каждому. Может, она и признается лучшей подруге или даже двум, но по большей части они предпочитают хранить молчание и жить дальше, пытаясь убедить себя в том, что ничего не произошло.

— Плавнo переходим ко второму пункту моих рассуждений, — продолжала Нэнси. — Вы — католик. Будучи вашей пламенной сестрой по вере, могу заявить, исходя из собственного опыта, что мы, католики, неважно, практикующие или нет, одержимы чувством стыда и вины. Я не собираюсь изображать здесь записного мозгоправа, но вам никогда не приходило в голову, что ваше желание продолжать расследование, несмотря на очевидные факты, вызвано стремлением исправить то, что случилось в тот вечер на Холме?

— А что, если все это как-то связано с Джоуной?

— Например?

— Ну, не знаю, — признался Майк. — Но это же не означает, что такой связи не существует.

— Мне неприятно говорить вам это, — сказала Нэнси, — но я думаю, что вы хватаетесь за соломинку.

— Значит, вы не готовы рассматривать даже теоретическую возможность?

— Я беру сто двадцать долларов в час плюс расходы. Если вы хотите, чтобы я начала копать, пожалуйста. Это ваши деньги.

— Думаю, последние события заслуживают расследования.

— Договорились, — согласилась Нэнси. — Я официально принимаюсь за дело. Сейчас только возьму свой блокнот, и мы начнем.

На следующий день телефон Майка зазвонил в 5:45 утра.

— Сегодня Надин устраивает вечеринку у Бама с гаданием по ладони, — сообщил Дикий Билл.

— А Бам знает об этом?

— Знает и даже собирается присутствовать. Как и мы с тобой. Будем по очереди снимать на камеру, как у Бама читают ауру. Что ты сейчас делаешь?

— Лежу в постели рядом с большим мокрым пятном.

— Какой ты молодец!

— Это собачья слюна. А что там за крики?

— Это близнецы. Они носятся по дому — клянусь, Патти подсыпает им кофеин в молоко. А я сижу за столом в кухне, и передо мной стоит тарелка овсянки. Кстати, «Лаки чармз» на самом деле не такая уж и вкусная. Ты уже завтракал?

— Некоторым из нас нравится поспать подольше в воскресенье.

— Приезжай ко мне. Прихвати с собой собаку — и отца Джека. Близнецам нужен экзорцист.

Майк отправился в душ. Сегодня Нэнси Чайлдз собиралась побывать на крещении в Уэлфлите, городке на крайней точке мыса Кейп, а потом вернуться сюда после обеда, чтобы, если получится, побеседовать с сиделкой Джоуны, Терри Рассел. Нэнси пообещала позвонить где-то в середине недели и рассказать о том, что ей удалось узнать. На этом они и расстались вчера вечером.

И что теперь? Майк не видел смысла ждать. О том, что происходит, Нэнси знала не больше его — собственно говоря, даже меньше, так почему бы не попробовать? Почему самому не сдвинуть дело с мертвой точки? Лучшее время для разговоров — утро, после ночного отдыха, когда вы еще свежи и полны сил.

Одевшись, Майк прихватил с собой рабочий блокнот в кожаной обложке и отправился к дому Терри Рассел.

На ее подъездной дорожке стояли два автомобиля. Майк припарковался у тротуара, вышел из машины и поднялся по ступенькам дома Терри. Передние окна были открыты, но жалюзи опущены, и между подоконником и краем ставни оставался зазор в пару дюймов. Майку захотелось удостовериться, что она уже не спит, — все-таки было только половина девятого утра, — поэтому он наклонился, заглянул в щель и с облегчением заметил тень, скользнувшую по дальней стене, у которой виднелись два ряда аккуратно перевязанных коробок. Терри была дома и, судя по слабому звону стекла, как раз разгружала посудомоечную машину.

Он выпрямился и надавил кнопку звонка, ожидая услышать ее шаги. Прождав добрую минуту, он вернулся к окну и вновь заглянул в щелочку. Тень Терри больше не двигалась. Сиделка замерла на месте и не шевелилась.

— Терри, это Майк Салливан. Я могу поговорить с вами? Это ненадолго.

Из кухни показалась пара ног. Не успел Майк выпрямиться и вернуться на крыльцо, как Терри осторожно приоткрыла дверь.

— Извините, я приняла вас за репортера, — прошептала она из-за проволочной сетки.

На ней были джинсы, кеды и серая спортивная куртка «Чемпион». На груди, по

обыкновенно, выставлен на всеобщее обозрение золотой крестик. На ней были такие же желтые хозяйственные резиновые перчатки, в каких Джесс чистила ванну, раковину и кухонную плиту.

— Входите.

В квартире витал резкий аромат «Пайн сола». Книжные шкафы зияли голыми полками — все их содержимое было аккуратно сложено в картонные ящики с соответствующими надписями, стоящие у окна.

— А я и не знал, что вы уезжаете, — сказал он.

— До недавнего времени я и сама не подозревала об этом. Но вот подвернулась прекрасная возможность, и я решила не отказываться.

— Судя по улыбке, на сей раз вам не придется иметь дело с пациентами хосписа.

Ее улыбка стала еще шире.

— Одна моя хорошая знакомая работает в санатории в Фениксе. Это в Аризоне. Вчера вечером она позвонила и рассказала, что их водолечебница ищет терапевта-массажиста. Салли — так зовут мою знакомую — знала, что когда-то я работала массажисткой. Ну вот, мы заговорили об этом, и она принялась расписывать мне, какая хорошая у них погода, как там тепло и все время светит солнце, — словом, отличная погода для человека, страдающего фибромиалгией.

Майк в недоумении уставился на нее.

— Фибромиалгия... В общем, врачи и сами не знают, что это такое. Она похожа на сильную простуду, когда все время болят мышцы. В холодную погоду болезнь обостряется, а нынешняя зима выдалась для меня особенно тяжелой. К тому же, — жизнерадостно продолжала Терри, — Салли одинока, как и я, и у нее есть замечательный небольшой домик. Она предложила мне пожить с ней, пока я не подберу себе подходящую квартиру, хотя она не будет возражать, если я останусь у нее насовсем.

— Звучит заманчиво.

— Еще бы! Особенно после всего, что здесь... — Она оборвала себя на полуслове. — Простите меня. Я бы не хотела показаться вам бесчувственной.

— Ничего, все нормально. Я рад за вас.

— Спасибо. Итак, что привело вас ко мне в столь ранний час? Да еще и с блокнотом в руках.

— Я уверен, что вам уже смертельно надоело отвечать на вопросы.

Терри вежливо улыбнулась:

— Я бы покривила душой, сказав «нет».

— Репортеры все еще докучают вам? — спросил Майк. Его самого они уже оставили в покое, или, что тоже не исключено, им просто надоело гоняться за ним.

— Звонки практически прекратились, но время от времени кто-нибудь является без приглашения. Только, пожалуйста, не принимайте мои слова на свой счет!

Майк отмахнулся.

— Можете поверить, я понимаю вас лучше, чем кто бы то ни было. Просто мне стала известна кое-какая информация, и я не захотел ждать, пока сюда приедет Нэнси Чайлдз, детектив. Скорее всего, она заглянет к вам сегодня после обеда. Вы еще будете на месте?

Вот теперь Терри выглядела растерянной.

— А я-то думала, что дело закрыто, — так, по крайней мере, сказал детектив Меррик.

— Прошу прощения. Эта женщина, Нэнси, — частный детектив. Мой вопрос может

показаться вам неожиданным, но я все равно хотел бы получить на него ответ.

— Давайте присядем.

— Вчера я случайно узнал, что моя жена, как и женщины из двух других семей, Роза Жиро и Маргарет Кларксон... Что эти три истые католички сделали... — Майк замаялся. Ему не хотелось произносить слово «аборт» в присутствии суперкатолички, и он выразился иначе: — Они предпочли прервать беременность.

Шокированное выражение, появившееся на лице Терри, не могло скрыть ее негодования.

— Насчет Маргарет Кларксон я не совсем уверен, — продолжал Майк, — но знак наверняка, что Роза Жиро и моя жена сделали эту операцию в одной клинике в Нью-Гэмпшире. Роза, мать Эшли, рассказала мне, что говорила об этом с Джоуной.

— На исповеди?

— Да. Первый священник, к которому она обратилась, воспринял это известие не слишком любезно и заявил...

— А чего вы ожидали? Та женщина совершила убийство.

— Джоуна отпустил ей...

— Это убийство! Некоторые священники отпускают подобный грех — точно так же, как некоторые папы и кардиналы переводят сексуальных насильников в другие приходы и епархии, покрывая их отвратительные поступки. Использовать свою власть для того, чтобы замаять подобные вещи, — это позор и бесчестье. Это смертный грех. И Господь покарает грешников, как он покарал отца Джоуну!

В комнате воцарилось молчание.

— Прошу прощения, — наконец заговорил Майк. — Я не хотел расстроить вас.

Негодование, явственно читавшееся у Терри на лице, постепенно растаяло, черты ее смягчились, и она вновь превратилась в милую и приятную женщину, которая вежливо приветствовала его у дверей.

— Извиниться должна я, — сказала она. — Я вовсе не собиралась выходить из себя. Просто... Учитывая то, что произошло в Бостоне с кардиналом Лоу^[19], и то, что вы только что рассказали мне об отце Джоуне... После такого трудно сохранить веру.

— В Бога?

— Нет, не в Бога.

«Нет, конечно, не в Бога, идиот! Как ты смел вообще подумать такое?»

— Когда я была маленькой, — сказала Терри, — то никогда не считала католическую церковь политической организацией. Но сейчас именно это она собой и представляет. Это бизнес. И так было, наверное, всегда, но я не отдавала себе в этом отчета до тех пор, пока моя сестра не попыталась расторгнуть свой первый брак. Она пробыла замужем всего год, и у нее родилась дочка, когда ее первый муж просто собрал вещи и ушел. Не пожелал больше иметь с ней ничего общего. И церковь отказалась расторгать ее брак из-за ребенка. А теперь возьмите, к примеру, сына сенатора — вы понимаете, о ком я говорю? — который был женат двадцать с чем-то лет и имеет четверых детей. И священник, не моргнув глазом, моментально расторг его брак. Такие вещи подрывают веру и вселяют уныние, но такова жизнь — и католическая церковь вместе с ней. Вы не поверите, если узнаете, какие ужасы рассказывал мне отец Джоуна.

— Например?

— Он говорил, что церковь руководствуется политическими соображениями. Мне

показалось, что отчасти — а может быть, и не только отчасти — его разочарование в Святом Престоле проистекало из того, что его лишили сана. Ему очень этого не хватало. Я имею в виду служение людям.

«И завесы секретности, которую он при этом получал», — добавил про себя Майк.

— Я знаю, что отец Джоуна часто и подолгу разговаривал с отцом Коннелли, — сказала она. — Это священник церкви Святого Стефана. Отец Джоуна благосклонно отзывался с ним.

— Отец Джек — следующий в моем списке. Можете добавить еще что-то? Что угодно. Любая мелочь может оказаться полезной.

Но Майк уже понял, что тянет пустышку.

— Я уже рассказала все, что знала. Та сторона натуры отца Джоуны, которая причинила боль этим девочкам и хранила их вещи под полом в его спальне... с этой стороны я его совсем не знала. — Она пожала плечами. — Мне очень жаль.

— Ну что же, не буду вас отвлекать от уборки, — сказал Майк и встал. — Еще раз спасибо, что уделили мне время.

Возвращаясь домой, Майк позвонил Нэнси на сотовый и оставил сообщение с кратким пересказом своей беседы с Терри Рассел, после чего заехал в «Маккензи-маркет». Заведение обрело поистине бешеную популярность после того, как три года назад местный парень купил здесь лотерейный билет и выиграл по нему тридцать миллионов долларов. В универсаме был и небольшой гастроном, в котором продавались итальянские деликатесы и мясные полуфабрикаты, а по утрам — бутерброды на завтрак.

Майк заказал яичницу, бутерброды с ветчиной из цельного пшеничного хлеба и кофе, после чего купил воскресные номера «Глоуб» и «Геральд». Вернувшись в грузовичок, он принялся поглощать бутерброды, водрузив на руль «Глоуб», в спортивном разделе которой слишком много внимания, на его взгляд, уделялось бейсболу. С другой стороны, сезон был в самом разгаре, так что удивляться нечему. Десять минут спустя, отложив газету на пассажирское сиденье, он заметил группу подростков, идущих по Делани с пластмассовыми битами и мячами в руках. Наверное, собрались в Раггер-парк. По вечерам там делать нечего, если только вам срочно не понадобилась доза, а по утрам рядом со скамейками или в укромных местечках за кустами, где шлюхи принимали клиентов, землю усеивали использованные презервативы, сигаретные окурки и пустые бутылки из-под спиртного.

Парк не всегда был таким. Когда Майк был маленьким — строго говоря, совсем недавно, верно? — летом там давали концерты местные группы. Здесь он играл в футбол, и самым страшным, чего стоило опасаться, было битое стекло. Как-то летом — это было последнее лето, которое он провел с матерью, — Майк упал на зазубренное доньшко пивной бутылки и раскроил себе коленку. Боль была такой сильной, что он не сомневался — осколок пропорол ногу насквозь.

Ехать домой на велосипеде он не мог, поэтому Билл и этот худой, жилистый придурок Джерри Нительбалм повели его к «Маккензи». Мистер Демаркис, сосед Джерри, увидел его кровоточащую рану и приказал ему забираться на заднее сиденье машины. Билл поехал с ними.

Поскольку Майк был несовершеннолетним, то врачам, чтобы начать лечение, требовалось письменное разрешение кого-то из родителей или опекуна. Он полчаса названивал домой, но мать упорно не брала трубку.

— Она говорила, что весь день будет дома, — сказал Майк Биллу.

— Тебе придется позвонить отцу.

— Ты спятил?

— А ты что, собрался сидеть здесь до ночи? Смотри, кровь течет и течет.

Билл позвонил в гараж, попросил к телефону Кадилака Джека и объяснил ему ситуацию. Через пятнадцать минут в больнице появился Лу. Лицо его побагровело, когда он выслушал от Билла историю несчастного случая в парке, хотя Билл и налегал на словосочетание «несчастный случай».

— Сколько раз я говорил тебе не играть там, потому что в траве полно битого стекла? — осведомился Лу. — Колено ты загубил, это ясно. Так что осенью — никакого футбола в лиге Уорнера.

Билл заявил:

— Это я во всем виноват, мистер Салливан. Майк не хотел идти, но я его уговорил.

— Катись-ка ты домой, Билли! — отрезал Лу.

Билл приостановился в дверях перевязочной, повернулся и, прежде чем выйти, обращаясь к Майку, прошептал:

— Мне очень жаль.

Двумя часами позже, с раной, стянутой скобками, и забинтованным коленом, Майк, опираясь на костыли, смотрел, как Лу отделяет три стодолларовые банкноты, чтобы оплатить больничный счет. Когда Майк с трудом вышел из дверей, на ступеньках его поджидал Билл со своим отцом.

— Салли, — спросил мистер О'Мэлли, — как твое колено?

Вместо сына ответил Лу:

— Несколько порезов, но глубоких. Ему чертовски повезло, что он не лишился колена.

— Несчастный случай, что тут поделаешь, — примирительно сказал мистер О'Мэлли и повернулся к Лу: — Ты ведь помнишь, как было в наше время, а? Как ты валял дурака на пруду Салмон-Брук, поскользнулся и сломал запястье? А тебе было уже шестнадцать. Помнишь?

Лу молча прошел мимо.

На обратном пути Майк сидел на заднем сиденье, а Лу спереди. Он курил сигарету и медленно наливался яростью. Майк старался не падать духом, пытаясь отвлечься от того, что, как он прекрасно знал, обрушится на него в ту же секунду, как они окажутся дома, и чувствовал, как холодеет в животе, а на глаза наворачиваются слезы.

Но ничего не случилось — с ним, по крайней мере. Но когда порог дома переступила мать... Из-за закрытой двери спальни донесся звон битой посуды и крик о помощи, хотя Лу накрыл ей голову подушкой. Лу взбесился, потому что это его жена должна была со всех ног мчаться в больницу, а не он. По крайней мере, Майк решил, что скандал разразился из-за этого.

Таксофон находился на прежнем месте, возле мусорного контейнера. Это была новомодная ярко-желтая модель «Веризон», которая прекрасно смотрелась бы рядом с новым «фордом» Билла. Майк долго смотрел на таксофон, вспоминая ту давнюю историю с больницей. Он не понимал, где ее место сейчас и на какую полочку памяти он должен ее теперь поместить.

А я-то думал, что ты пришел узнать правду, Майкл.

Слова Лу, сказанные в тюрьме во время их встречи.

Майк вылез из кабины грузовика и, на ходу доставая бумажник, подошел к таксофону. Ключок бумаги с номерами телефонов был засунут в то же отделение, где лежала телефонная карточка, которой он пользовался, когда его сотовый выходил из строя. Он снял трубку и набрал «0», вызывая телефонистку.

— Мне нужно сделать звонок, и я хочу оплатить его своей телефонной картой, — сказал он, когда ему ответили.

— По какому номеру вы хотите позвонить, сэр?

— Это во Франции, — сказал Майк. — Вы можете набрать его для меня?

— Да, сэр. Продиктуйте его, пожалуйста.

«Попробуй сначала домашний телефон, а потом будет видно».

Майк продиктовал комбинацию цифр, потом номер своей телефонной карточки, и телефонистка попросила его подождать. Мгновением позже он услышал щелчок соединения, и гудок оживил телефонный аппарат где-то на другой половине земного шара. В животе у

Майка образовался ледяной комок, и ему вдруг захотелось повесить трубку.

На другом конце провода сняли трубку.

— Алло, — произнес мужской голос по-французски.

У Майка перехватило дыхание.

— Алло?

— Мне нужен Жан-Поль Латьер.

— C'est Jean Paul [\[20\]](#).

— Прошу прощения, я не говорю по-французски.

— Жан-Поль слушает.

— Я звоню вам насчет Мэри Салливан.

— Прошу прощения, но я не знаю никого с таким...

— Меня зовут Майкл Салливан. Я — ее сын.

На том конце линии воцарилось молчание, и Майк быстро заговорил в трубку:

— У меня есть фотография, на которой вы оба сняты во Франции. Я знаю, что она уехала отсюда, чтобы быть с вами. Мне все известно о вас и вашей связи с ней. — Слова цеплялись друг за друга, торопясь слететь с его губ. — Все это время я думал, что Лу... Он был ее мужем. Лу Салливан. Я уверен, она рассказывала вам о нем. О том, чем он зарабатывает на жизнь.

Мгновения тишины падали в трубку. Майк перевел дух, представляя себе Жан-Поля в шикарном костюме, сидящего в каком-нибудь антикварном кресле в своем особняке или как они там называются, Жан-Поля, мысленно взвешивающего, стоит ли продолжать разговор или просто извиниться и положить трубку.

— У меня к вам всего пара вопросов.

— Господи Иисусе...

— Взгляните на это с моей точки зрения, — сказал Майк. — Вы бы захотели узнать все, верно?

На другом конце линии Жан-Поль тяжело вздохнул:

— Э-э... Я бы не хотел продолжать этот разговор.

— Я должен знать, — повторил Майк, изо всех сил стискивая трубку. — Пожалуйста.

Прошла целая минута, прежде чем Жан-Поль заговорил вновь:

— Франсин Бру. Ваша мать сменила имя и фамилию. Она очень боялась вашего отца.

— Я совершенно точно знаю, что Лу летал во Францию и нашел ее.

— Да. — Последовал тяжелый вздох, потом Жан-Поль добавил: — Мне все известно об этом.

— Что случилось?

— Он избил ее. Сломал нос и два ребра.

Майк оперся левой рукой о телефон и подался вперед. Проведя языком по губам, он вдруг обнаружил, что во рту пересохло.

— Здесь ей жилось хорошо, — сказал Жан-Поль. — Я очень любил ее.

В его голосе прозвучал надрыв, и Майку отчаянно захотелось повесить трубку и убежать прочь.

— Это случилось около года назад, — сказал Жан-Поль. — Она проснулась от боли в груди. Я сразу же повез ее в больницу, но... Мне очень жаль.

Оказывается, все это время его мать была жива.

У Майка защипало глаза, и он заморгал, сдерживая слезы.

— Мы встречались однажды, не так ли? В Бостоне, помните? Я был с мамой, мы приехали на рождественскую экскурсию в Бикон-Хилл, и она сделала вид, будто случайно наткнулась на вас, и представила вас своим другом.

Вновь пауза, потом Жан-Поль сказал:

— Да. Это был я.

— Вы не рассчитывали, что она придет вместе со мной.

Жан-Поль промолчал.

— Возвращаясь к тому вечеру... — продолжал Майк. — Что это было? Мама пыталась убедить вас позволить ей взять меня с собой?

— Я с юности знал одну вещь: я не гожусь на роль любящего отца. Я большой эгоист. Самовлюбленный и занятый только собой.

— Она ведь не собиралась возвращаться за мной, верно?

Жан-Поль ничего не ответил.

— Она настойчиво внушала мне, что Лу не должен узнать, где она скрывается, — сказал Майк. — Только это не имело значения, узнает он или нет. Она с самого начала не собиралась возвращаться. Она опустила письма в почтовый ящик, прекрасно понимая, что, когда она не придет за мной, я во всем буду винить Лу.

— Меня потряс выбор вашей матери.

— Но вы и не сожалели о нем.

— Мы были молоды, — попытался объяснить Жан-Поль. — В молодости все совершают глупые поступки. Вы не останавливаетесь, чтобы подумать о последствиях. О том, как придется жить с этим потом.

— Она никогда не сожалела о своем решении?

— Я не могу говорить от имени вашей матери.

— Вы только что это сделали.

Майк повесил трубку и почувствовал, как на шее шевельнулся медальон Святого Антония, который подарила ему мать в тот вечер в церкви.

Майк выезжал со стоянки у «Маккензи», когда зазвонил его сотовый телефон.

— Когда я последний раз проверяла свою голосовую почту, у меня еще не было напарника, — вместо приветствия заявила Нэнси.

— Вы были заняты сегодня, и я решил помочь, сдвинуть дело с места, так сказать, — пояснил Майк.

— Если бы мне нужна была помощь, я бы сказала об этом еще вчера вечером. Не суйтесь туда, куда вас...

— Нэнси, предупреждаю, я не в настроении.

Похоже, она поперхнулась от возмущения, но потом справилась с собой и сказала:

— Ваше сообщение гласит, что она слетела с катушек, стоило вам упомянуть об абортах.

— Ну да, есть немного.

— Опишите мне ее поведение в мельчайших подробностях. Ничего не упускайте.

В течение следующих пяти минут Майк дословно описывал, как Терри «слетела с катушек».

— Довольно странная реакция, — заметила Нэнси, когда он закончил.

— Эта женщина — католичка. С большой буквы «К». Она носит крестик напоказ, поверх блузки.

— Я тоже католичка.

— Но не с большой буквы «К». Поверьте, это огромная разница.

— Все равно, я не стала бы выходить из себя перед незнакомым человеком. Что еще?

— Я уже упоминал о том, что она переезжает в Аризону?

— Из-за своей фибромиалгии?

— Отчасти. У меня сложилось впечатление, что главным образом это как-то связано с ее подругой.

— Как зовут подругу?

Майк ненадолго задумался.

— Я не запомнил ее имени, — признался он наконец.

— Господи Иисусе!

— А какая разница? Она же не подозреваемая, Нэнси.

— Не спешите с выводами. Кто вчера просил меня покопаться в этом деле?

— Я просил, но...

— Моя работа заключается в том, чтобы разговаривать с людьми, задавать им вопросы и выискивать нестыковки в ответах. И когда что-то не складывается, когда кажется, что чего-то не хватает, я начинаю копать. А теперь отвечайте: вы хотите, чтобы я дальше занималась вашим делом, или займетесь им самостоятельно?

— Хочу, — сквозь зубы пробормотал Майк. — Я хочу, чтобы им занимались вы.

— Ладно, проехали. Терри ничего не говорила о Джоуне?

— Нет. Собственно, она все время подчеркивала, что ту, другую его сторону, как она выразилась, она не знает.

— Именно так она и сказала? Это были ее собственные слова?

— Что-то в этом роде. «Та сторона натуры отца Джоуны, которая причинила боль этим девочкам и хранила их вещи под полом в его спальне... с этой стороны я его совсем не

знала».

— То есть она сказала, что их вещи лежали под полом в его спальне?

— Да, именно так.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— А ведь об этом не было ни слова ни в газетах, ни по телевидению.

Майк не смотрел новости по телевизору и не читал газет.

— Ну, может, она слышала об этом от Меррика, — предположил он.

— Меррик не стал бы вдаваться в такие подробности в разговоре с ней.

— Но мне-то он сказал?

— Вы другое дело. Он поступил так, чтобы убедить вас... — Нэнси оборвала себя на полуслове. — убедить меня, что все кончено? Вы это хотели сказать?

— Когда она в последний раз разговаривала с Мерриком?

— Понятия не имею. Хотите, чтобы я вернулся к ней и спросил?

— Нет. Но поскольку вам не терпится поиграть в сыщиков, присмотрите за Терри Рассел, пока я не подъеду, — распорядилась Нэнси. — Сидите на заднице в своем грузовичке и немедленно звоните мне, если она попыбует уехать. Я не хочу, чтобы она исчезла до того, как я поговорю с ней. Все, выезжаю. Ждите.

Майк нашел свободное местечко у тротуара примерно в квартале от дома сиделки в тени дерева, откуда ему было хорошо видно крыльцо и входную дверь. Откинув спинку сиденья, он закурил, разглядывая подъездную дорожку.

Майк вдруг, словно наяву, увидел себя, девятилетнего, едущего на новеньком велосипеде — подарок Лу на день рождения, ни больше ни меньше, — по такой же подъездной дорожке. Он попытался отогнать от себя непрошенные воспоминания и тут услышал, как Лу зовет его с заднего двора. Тот сидел на ступеньках заднего выхода. Он только что принял душ и надел чистую белую майку и отутюженные джинсы.

— Тормози, шеф, — сказал Лу и похлопал по бетонной ступеньке рядом с собой. — Нам с тобой нужно серьезно поговорить.

Стоял душный июльский вечер. В спертом влажном воздухе остро пахло скошенной травой и перегноем. Майк пристроился на другом конце ступеньки, подальше от отца — это расстояние понадобится ему, если придется удирать. Но Лу не выглядел рассерженным — пока, по крайней мере. Он не сводил глаз с их соседа, Неда Кинга, который, стоя на четвереньках, копался в своем саду. Его коричневые шорты и пластиковая искусственная нога были перепачканы землей.

— Это все мина, — сказал Лу. — Он наступил на нее, она взорвалась и оторвала ему ногу начисто. А теперь бедолага болен раком. Агент «Оранж» [\[21\]](#). Господи, хоть бы ты сжалился над нами и дал передышку!

Луис Салливан, кавалер медали «Пурпурное сердце», покачал головой и вздохнул. Сердился он или грустил, или и то и другое вместе — в таких вещах Майк не разбирался никогда. Смену настроений отца предсказать было так же нелегко, как и погоду в Новой Англии.

— Твоя мать больше не вернется к нам, — заявил Лу. — Ни через неделю, ни через год. Она ушла навсегда, понимаешь?

— Куда ушла? — спросил Майк, уже зная ответ.

Через месяц после ее исчезновения на имя Майка пришло письмо, отправленное на адрес Билла. Внутри лежала серебряная цепочка-брелок для ключей и открытка.

«В следующий раз я напишу, когда у меня будет адрес, на который ты сможешь писать мне. Скоро ты будешь жить со мной здесь, в Париже. Верь, Майкл. Помни, нужно иметь веру, как бы тяжело тебе ни было. И не забывай о том, что об этом письме нельзя рассказывать никому. Мне не нужно напоминать, что со мной сделает твой отец, если узнает, где я скрываюсь...»

Париж. Его мать жила в Париже.

Лу отпил глоток пива из бутылки и, не выпуская ее из рук, уронил их между колен. Майк внимательно следил за руками Лу, чтобы заметить, когда они сожмутся в кулаки, — верный признак того, что его ждет трепка.

— Какая разница, куда она уехала? — продолжал Лу. — Она бросила нас. Вот что имеет значение. И никакая молитва не вернет ее обратно. Господу Богу наплевать на твои проблемы. Его не волнует, что тебе оторвало ногу миной, что твой брат погиб на какой-то дерьмовой войне или почему сбежала твоя мать. Он гребет под себя и будет грести дальше, потому что на самом деле Господь Бог — проклятый садист. Помни об этом, когда будешь

слушать, как отец Джек вещает насчет того, что, дескать, у Господа для каждого из нас есть свой план.

Майк на мгновение представил себе, что будет, если он скажет отцу правду. Это станет ощутимым ударом. Но Майк не сомневался, что если Лу узнает, где прячется мама, то выследит ее и убьет. Майк уже слышал истории о том, как отец заставлял исчезать других. И не только слышал, а и на себе испытал бешеный нрав Лу. Этот бесценный опыт в буквальном смысле запечатлен на его теле.

— Если хочешь поплакать, давай, не стесняйся. Здесь нечего стыдиться. Я тоже плакал, когда узнал, что мой брат погиб на войне. И когда хоронил свою мать, тоже плакал.

Лу всматривался в лицо сына, ожидая его реакции.

— Я в порядке.

— Ты хочешь вести себя, как подобает мужчине. Молодец. — Лу положил руку на шею Майку и сжал ее. По спине у Майка потекли капли пота. — Не бойся, Майкл. Все будет в порядке. Вот увидишь.

Майк спросил, можно ли ему идти, — он должен был встретиться с Биллом «У Баззи». Лу кивнул, и Майк вприпрыжку помчался по коридору к своей комнате. Проходя мимо спальни отца, дверь в которую была приоткрыта, он вдруг заметил яркий металлический блеск и остановился.

Поверх раскрытого чемодана Лу лежал фотоаппарат — классная штучка, судя по виду. Зачем Лу вдруг понадобился фотоаппарат? И где он пропадал последние три дня?

Майк осторожно выглянул в окно. Отец все еще сидел на ступеньках заднего крыльца. Майк вошел в комнату и, взяв в руки фотоаппарат, заметил конверт, засунутый в угол чемодана. Внутри лежали билеты на самолет до Парижа, только выписаны они были на Тома Петерсона — и то же имя значилось в паспорте с фотографией Лу, на которой он был с бородой и усами.

Сидя в грузовичке, Майк вспоминал тот вечер в церкви со своей матерью. Настоящая — подлинная — храбрость бывает только духовной. Например, когда ты веришь, что твоя жизнь сложится хорошо, хотя это и кажется невозможным. Иметь веру — вот настоящая храбрость, Майкл. Всегда имей веру, как бы плохо ни шли дела. И не позволяй своему отцу или кому-нибудь другому разубедить тебя в этом...

Психологическая установка, за которой последовало первое письмо: «...и не забывай о том, что об этом письме нельзя рассказывать никому. Мне не нужно напоминать, что со мной сделает твой отец, если узнает, где я скрываюсь...».

А потом и второе: «.. я скоро приеду за тобой... Потерпи еще немного... Постарайся, чтобы твой отец не узнал этого адреса... Если он узнает, где я скрываюсь... Мне не нужно напоминать тебе о том, на что он способен...».

Майк представил себе, как мать опускает эти письма в почтовый ящик или как там они называются в Париже — она точно знала, что делает.

И тем не менее... Подсознательно, еще до того, как он узнал о поездке Лу в Париж, разве не догадывался он о том, что мать больше не вернется домой? Разве не понимал, что за пять месяцев, прошедших с момента ее бегства, если бы она действительно хотела забрать его к себе, то уже предприняла бы что-нибудь? Она наверняка придумала бы какой-нибудь план и постаралась осуществить его.

Она была очень убедительна со своим мягким, обволакивающим голосом — тебе это должно быть известно лучше, чем кому бы то ни было еще. Самая искусная лгунья, которую

я когда-либо встречал...

Странная штука память — она избирательна и сохраняет только хорошее, отсеивая то, что ей не нужно. Наверное, так легче хранить воспоминания, решил Майк. Или это работает своеобразный механизм самосохранения. Быть может, мозг не в состоянии каталогизировать прямо противоположные глубины любви, ненависти и жажды убийства. Может быть, он не мог вообразить себя алкоголиком с бешеным нравом, в точности повторяющим характер отца, по той же самой причине, по которой не мог представить, что Сара охотно и добровольно уходит с Джоуной, Джесс изменяет ему, а мать не возвращается за ним, потому что для него нет места в ее новой жизни. Признать правду — значило принять все это, и он подозревал, что разум его не выдержит такого потрясения.

Перед мысленным взором Майка предстал Лу, лежащий на койке с закинутыми за голову руками. Лоб его покрыт крупными каплями пота, и он неотрывно смотрит на прутья тюремной решетки.

Смирись, Майкл. Твоя жизнь была намного проще, когда ты ненавидел меня всей душой.

Серо-стальной «вольво» остановился на углу Диббонсстрит, потом резко свернул налево и юркнул на подъездную дорожку Терри. Поначалу Майк решил, что «вольво» развернется и поедет обратно, но тут из двери выскочила Терри и бросилась вниз по ступенькам, прижимая к боку объемистый портфель черной кожи и сумочку. Она окинула улицу внимательным взглядом, словно рассчитывая увидеть кого-то. Майк едва успел опуститься пониже на сиденье.

«Это нелепо!» Вынув сотовый телефон, он набрал номер Нэнси, а потом осторожно приподнялся, выглядывая из-под приборной доски. Терри склонилась к окну «вольво» со стороны пассажира. Портфеля, отметил он, у нее в руках уже не было. Она держала в руках только сумочку.

— Что там у вас? — раздался в трубке голос Нэнси.

Майк объяснил ей, что происходит. Тем временем водитель выбрался из «вольво».

Нэнси спросила:

— Вы знаете этого малого?

Волосы цвета соли с перцем, довольно высокий — при мерно шесть футов и один дюйм, одет в белую рубашку, брюки из хлопчатобумажного твила и теннисные туфли. Майк был уверен, что никогда не встречал этого человека.

— Нет, — ответил он. — Он бегом поднимается по ступенькам к дому Терри.

— А что делает Терри?

— Она садится за руль «вольво»... А теперь выезжает с подъездной дорожки.

— Видите номерные знаки?

— Да.

— Диктуйте.

Майк назвал ей цифры, и Нэнси распорядилась:

— Поезжайте за ней. Я хочу знать, куда она направляется.

— Не кажется ли вам, что мы...

— Делайте, как я говорю. Она знает, что вы ездите на грузовичке?

— Понятия не имею.

Терри тем временем вырулила с подъездной дорожки и сейчас ехала по улице в обратную сторону, удаляясь от него. Майк прижал телефон плечом к уху и завел мотор.

Нэнси спросила:

— Вы когда-нибудь вели слежку?

— Да, я только этим и занимаюсь, подхватываю женщин и преследую их шутки ради.

Он поехал вниз по улице. «Вольво» остановился на светофоре. Указатели поворота не загорелись.

— Держитесь от машины на максимальном расстоянии, но при этом не теряйте ее из виду, — принялась инструктировать его Нэнси. — Если Терри вздумает проверить, не следят ли за ней, то обратит внимание только на первые две-три машины. Поскольку у вас грузовичок, вы сидите выше и имеете лучший обзор. Следовательно, нет необходимости приближаться к ней вплотную. У вас есть друг, который сможет проследить за ее домом до моего появления?

— Не считаете, что теперь уже вы ударились в крайности?

— Это означает «да» или «нет»?

— У меня есть кое-кто на примете.

Теперь уже Майк остановился на светофоре.

— Пусть он перезвонит мне. Следите за Терри и ни в коем случае не выпускайте ее из виду.

Нэнси отключилась.

«Вольво» повернул налево и сейчас мчался по Графтон-роуд. Через пару миль будет съезд на шоссе номер один.

Итак, Терри отправилась на прогулку. Ну и что из этого?

Майк принялся перебирать варианты: возможно, ее собственная машина сломалась; возможно... Какая, к черту, разница? Объяснений может быть куча, и все исключительно правдоподобные.

Тем не менее Майк почувствовал, как паранойя Нэнси передается ему самому. Ладно, Терри очень странно, даже фанатично, отреагировала на упоминание об аборте. И еще, выйдя из дома, она огляделась по сторонам. Почему? Кого она высматривала? Его? Или полицию?

«Не забывай о том, что она обмолвилась о вещах, которые Джоуна хранил под полом в своей спальне».

Майк позвонил Биллу.

— Я прошу тебя о большом одолжении, и у меня нет времени на объяснения, — сказал он. — Мне просто нужно, чтобы ты выполнил мою просьбу. Договорились?

— Выкладывай.

— Ручка у тебя под рукой?

— Я сижу в кухне рядом с доской. Говори.

Майк кратко посвятил Билла в подробности происходящего, а потом отбарабанил адрес и номер телефона Нэнси.

— Следи за домом, — попросил он. — Позвони Нэнси, скажи, что ты на месте, и держи ее в курсе.

— Я не буду выключать свой сотовый, — пообещал Билл. — А ты куда едешь?

— Хотел бы я знать.

В течение следующих двух часов Майк следовал за Терри, которая упорно продвигалась на север, сначала по шоссе № 93, а потом № 89. Они оставили позади большую часть Нью-Гэмпшира и сейчас въехали в Вермонт, причем Терри явно не собиралась останавливаться.

Слежка оказалась делом нелегким — и особенно трудно ему приходилось, когда между ним и Терри не оставалось других машин. Сейчас они ехали по спокойному, двухрядному отрезку магистрали, обсаженному с обеих сторон деревьями. «Вольво» мчался далеко впереди него, хотя и в пределах видимости, не разгоняясь больше шестидесяти пяти миль в час. Терри ни разу не превысила скорость. Или она совсем не спешила к месту своего назначения, или же всеми силами стремилась избежать столкновения с дорожной полицией за любое, даже незначительное, нарушение правил.

Терри, что, черт возьми, ты задумала? И при чем здесь Сара? Этот вопрос не давал ему покоя, и он никак не мог найти на него ответа.

Майк бросил взгляд на указатель топлива. Первый бак уже опустел, но второй, слава богу, был еще полон. Рано или поздно Терри придется остановиться и заправиться. По его расчетам, у нее оставалось не больше четверти бака.

Зазвонил сотовый телефон. Нэнси.

— Прошу прощения за задержку, но компьютерный гений, к услугам которого я иногда прибегаю, только что закончил просматривать список телефонных разговоров Терри Рассел. Никаких звонков ни в Аризону, ни оттуда. Ни с домашнего, ни с сотового телефона, — сообщила она. — И насчет фибромиалгии она тоже соврала. Мы проверили медицинскую базу данных и ничего не нашли.

— Кому принадлежит «вольво»?

— Некому Энтони Лунди, владельцу дома в Медфорде. Женат, имеет двоих детей, был копом и рано вышел на пенсию, примерно шесть лет назад, — почему, я еще не знаю. Но зато мне известны о нем две вещи. Первое. Он был арестован за нарушение общественного порядка, уже после увольнения из полиции, — а теперь слушайте внимательно! — за организацию акции протеста у клиники, проводящей аборт.

«Сначала ненормальная реакция Терри, а теперь и такие сведения об ее приятеле!»

— Второе, — продолжала Нэнси. — Этот малый помешан на чистоте. Я уже полчаса наблюдаю за ним в бинокль, и сейчас он драит стены в гостиной Терри. Я уже подумываю о том, чтобы нанять его для уборки своей квартиры.

— Может, он просто помогает ей с переездом. Уезжая из квартиры, вы должны прибрать за собой, — возразил Майк, но собственные слова показались ему неубедительными.

— Или если вы — новый Тед Банди, то тщательно убираете свое жилье и чистите машину, чтобы избавиться от улики.

— Каких улики?

— Это мы и собираемся выяснить. Что там подделывает Терри?

— По-прежнему катит по шоссе.

— Это дело начинает дурно пахнуть. Постарайтесь не потерять ее из виду, — сказала Нэнси и отключилась.

Ласковое солнце, приветствовавшее его с самого утра, скрылось за тучами. Майк

смотрел, как «вольво» исчез за линией горизонта. Он придавил педаль газа, чтобы сократить расстояние.

Может быть, она направляется в Канаду?

«Скоро ты все узнаешь».

Перед Майком простирался длинный и пустынный отрезок шоссе. «Вольво» нигде не было видно.

Его охватила паника. Далеко справа приткнулась бензозаправочная станция «Мобил» и кафе «Бургер-кинг». Если она не заехала туда, то, значит, свернула с шоссе сразу же за заправкой.

«Проверь сначала заправочную станцию».

Майк вдавил педаль газа в пол и помчался прямо к автостоянке заправочной станции.

«Господи милосердный, сделай так, чтобы она оказалась там, не дай ей свернуть с шоссе...»

«Вольво» стоял перед колонкой с полным набором услуг. Майк не знал, осталась ли Терри в салоне, — не исключено, что она вышла, чтобы посетить туалет и перекусить. Но это была ее машина. Он узнал номерные знаки.

Майк развернулся и припарковал свой грузовичок у колонки через три ряда, решив, что и ему не помешает заправиться, пока есть такая возможность. Он по-прежнему не представлял, ни куда Терри едет, ни сколько времени она проведет в пути. Плохо, что грузовик оказался почти на самом виду, но ей придется оглянуться, чтобы заметить его. Он как раз заправлялся, когда заметил Терри, выходящую из дверей «Бургер-кинг». Она не видела Майка, поскольку он находился у нее за спиной, и он обратил внимание, что она не спешит возвращаться к своей машине и не оглядывается с подозрением по сторонам, как было, когда она выходила из своего дома. Похоже, женщина успокоилась. Хорошо. Она села за руль «вольво» и запустила двигатель.

Майк выждал несколько мгновений, давая ей спокойно отъехать, но, забравшись в кабину грузовичка, увидел, что Терри остановилась у кабинки таксофона и с кем-то разговаривает. Он развернулся и покатил на противоположный конец стоянки, а потом задним ходом поставил грузовичок рядом с компрессором. Со своего места он видел, что Терри повесила трубку и возвращается к своей машине.

Но отъезжать она почему-то не спешила.

Прошло две минуты. Пять. Терри оставалась на месте.

Может, она перекусывает в машине?

«Или ждет кого-то».

А потом в голову Майку пришла еще одна мысль, изрядно его встревожившая. Если Терри и впрямь ждет кого-то, то что он будет делать после того, как приедет этот человек или люди? Он же сможет проследить только за кем-то одним.

«Позвони в полицию».

И что он им скажет?

— Здравствуйте, меня зовут Майкл Салливан. Я — отец Сары Салливан, девочки, которая вот уже пять лет числится пропавшей. Мне нужно, чтобы вы приехали сюда и арестовали Терри Рассел, бывшую сиделку отца Джоуны.

— Чем вызвана такая крайняя мера, мистер Салливан?

— Подобная крайняя мера объясняется тем, что Терри Рассел ведет себя очень странно. Она солгала мне, а сейчас взяла машину приятеля и проехала уже половину Вермонта,

направляясь неизвестно куда, — в Канаду, рискнул бы я предположить. И она только что звонила кому-то из таксофона. Я не знаю, кому она звонила, зато знаю, что у нее есть сотовый телефон. Все это крайне подозрительно, вы не находите?

— Может быть, у ее сотового телефона плохой прием.

— Или, быть может, это имеет какое-либо отношение к Джоуне — и Саре. Иначе почему она уселась в машину своего знакомого и покатила на север?

— Понимаю ваши сомнения, мистер Салливан. Не кладите трубку и назовите мне свой объем груди, пожалуйста. Нам нравится думать, что психически больные пациенты чувствуют себя комфортно в смиренных рубашках, которыми мы их снабжаем.

— Я говорю серьезно.

— Ну, разумеется. Эти голоса, звучащие у вас в голове, они бывают очень убедительны. Я прошу вас не волноваться, мистер Салливан, врачи уже едут. Они сделают вам маленький укольчик, и голоса смолкнут. А теперь не могли бы вы повторить, где находитесь?

Сейчас Терри была одна.

Что делать — рискнуть или подождать?

Майк схватил свой сотовый телефон, выпрыгнул из кабины и побежал.

Майк распахнул дверцу со стороны пассажира и ввалился в салон. Терри едва не выскочила наружу, увидев его, и бургеры с жареной картошкой, которые лежали на желтой вощенной бумаге, расстеленной у нее на коленях, полетели на пол. Бумажный стаканчик выскользнул у нее из рук, и его содержимое расплескалось по консоли, разделявшей два кресла.

— Что вы здесь...

— Меррик не говорил вам, где были найдены детские вещи, — сказал Майк, — но вы откуда-то знали, что их обнаружили под полом в спальне Джоуны. И в газетах об этом тоже не писали, Терри.

— Я и не говорила, что...

— Все, хватит. Игра окончена.

Она сделала движение, словно собираясь выскочить. Он перегнулся к двери и нажал защелку, запирающую ее.

— Прекратите вы, безумец!

Он зажал ей рот ладонью.

— Если начнете кричать, сюда приедет полиция, — сказал он. — Вам это совсем не нужно, верно, Терри? — Он встряхнул ее. — Не нужно, ведь так?

Шумно втягивая носом воздух, она метнула взгляд в зеркальце заднего вида. Майк оглянулся. На заправке, между колонками и «Бургер-кинг», курсировали люди, но на них никто не обращал внимания. На заднем сиденье лежал черный кожаный портфель, который она прихватила с собой из дома.

— Мы не будем ждать ваших друзей, — сообщил он ей. — Сейчас я уберу руку, но вы не станете кричать, понятно?

Она кивнула.

Майк отнял руку от ее рта. Терри облизнула губы, глядя на него безумными глазами, в которых застыл страх.

— Я слышала, как полицейские говорили об этом, — едва слышно произнесла она дрожащим голосом. — Они сказали, что нашли куклу и зимний костюм вашей дочери. Клянусь, все так и было.

— В таком случае вы не станете возражать против беседы в полиции. А теперь поехали.

— Я сделаю все, что хотите. Только не бейте меня.

Терри завела мотор. Майк развернулся на сиденье, глядя Терри в лицо, когда она включила передачу. Дверца с ее стороны была заперта. Он мог не бояться, что она попытается выскочить на ходу.

В конце парковки Терри притормозила.

— Куда вы хотите ехать? — спросила она.

— На юг. Я уверен, вам не терпится поскорее вернуться домой и возвратить машину своему полицейскому другу Энтони Лунди.

В лице Терри не дрогнул ни один мускул.

— Я могу пристегнуться? — спросила она.

— Валяйте.

Очень спокойно она перекинула ремень через плечо, а потом нажала кнопку подъема

стекла на своей дверце. Повернув налево, она поехала по шоссе, не разгоняясь больше шестидесяти пяти миль в час и держа руль обеими руками — на десяти и на двух часах, как полагается.

— Ваш друг Энтони Лунди... — заговорил Майк. — Что он делает в вашем доме?

— Зная Тони, могу предположить, что он занимается уборкой.

Ее слова застали его врасплох; он рассчитывал поймать ее на очередной лжи.

Терри продолжала.

— Я неважно себя чувствую, у меня болит все тело, поэтому я позвонила и попросила его приехать, чтобы помочь мне прибраться. Он поможет мне сложить вещи, а потом и перенести коробки в машину.

— Ваша фибромиалгия дает о себе знать?

— Да. Тони был настолько любезен, что...

— У вас нет никакой фибромиалгии.

Выражение лица Терри не изменилось.

— И из Аризоны вам тоже никто не звонил, — продолжал Майк. — Я проверял.

— Хорошо.

— Вы станете отрицать это?

— Моя подруга Салли живет в Нашуе. Это городок в Нью-Гэмпшире. Она недавно нашла там работу.

— Мне известно, что ваш приятель Тони был арестован за организацию акции протеста у клиники, где делают аборт.

— Это было давно. Он больше не занимается такими вещами. Я сказала ему, что протестовать бессмысленно. Господь сам покарает этих людей, когда сочтет нужным.

Слова «этих людей» Терри произнесла со злобой, но в остальном ее голос оставался ровным и спокойным. Она перестала нервничать и расслабилась, словно ехала в машине одна, наслаждаясь неспешной прогулкой по окрестностям.

Не спуская с нее глаз, Майк перегнулся на заднее сиденье и щелкнул застегивающими портфеля, внутри которого оказался ноутбук — тонкий и легкий, одна из последних моделей. Он взял его в руки.

— Зачем вы взяли его с собой? — поинтересовался Майк.

— У меня полетел жесткий диск. Я не могу извлечь нужные файлы, и один мой знакомый согласился попробовать починить его. Он — специалист по извлечению данных с жестких дисков, вот я и приехала сюда, чтобы показать ему ноутбук.

Голос ее звучал спокойно и ровно, в нем не было и следа колебаний и неуверенности.

— Его зовут Ларри Пинтарски, — продолжала она. — Я могу дать вам его номер телефона и адрес, если хотите. Можете позвонить ему. Но для этого нам придется остановиться и воспользоваться таксофоном, потому что мой сотовый перестал принимать сигнал.

— Значит, вы бросили все дела и приехали сюда, чтобы починить компьютер?

— Это единственное время, когда он может им заняться.

— А почему вы взяли чужую машину?

— Потому что у меня барахлит коробка передач, а я не хотела рисковать в дальней поездке. Я договорилась с мастерской, что отгоню ее в гараж в понедельник.

Майк оглянулся. Их никто не преследовал.

— Здесь нет никакого тайного сговора, — сказала Терри. — Мой текущий счет, резюме

— вся моя жизнь находится в этом компьютере, и я хочу...

— А почему вы не поехали к этому человеку домой?

— Потому что добраться к нему не так-то просто. Последний раз я была у него два года назад и тогда заблудилась. Чтобы облегчить мне задачу, Ларри предложил встретиться на бензоколонке. Я ждала его, когда вы похитили меня. Можете позвонить ему, если хотите.

Терри отвечала на его вопросы гладко и без запинки, и Майк подметил, что, помимо воли, начинает верить ей.

— Мистер Салливан, вам сейчас очень нелегко — и это вполне понятно. У меня нет своих детей, поэтому я не стану делать вид, будто представляю, что вам пришлось пережить. Зато я разбираюсь в скорби и утешении. Это моя профессия, в конце концов. Я знаю, что иногда скорбь наваливается на человека с такой силой, что может ослепить его. Я все понимаю и могу помочь вам. Просто скажите мне, чего вы хотите.

— Я намерен узнать правду о своей дочери. И для этого пойду на все, понятно? — Майк уставился на Терри тяжелым взглядом, стараясь заставить ее отвести глаза.

— Я не могу дать вам того, чего у меня нет.

Она в точности повторила слова, сказанные Джоуной в то утро на дороге.

— Человек, который несет ответственность за все, что случилось с вашей дочерью, умер, — сказала Терри. — Не в моих силах изменить это, как и то, что все три девочки сейчас пребывают на небесах.

— Вы знали о вещах, которые хранились под полом.

— Говорю вам...

— Я уже разговаривал с Мерриком, — решил пойти на хитрость Майк. — Он не говорил вам ни слова. Как и кто-то другой.

— Я случайно узнала об этом.

— Дерьмо собачье!

— Я не собираюсь спорить с вами. Мы сядем и поговорим с детективом Мерриком, если вы этого хотите. И я не стану выдвигать против вас обвинения, обещаю.

Решимость, которая не покидала его во время всей поездки, вдруг стала таять. Почему Терри ведет себя так спокойно и покладисто? Ни одна из его реплик не вывела ее из себя и не заставила нервничать. На все вопросы у нее был готов ответ. Неужели он ошибся?

«Что я упустил?»

Терри повернула голову и окинула его сочувствующим взглядом.

— Вы должны отпустить свою дочь. Если вы не сделаете этого, то погибнете сами.

Майк раскрыл ее ноутбук.

— Вы ведь не станете возражать, если я загляну в компьютер, чтобы подтвердить вашу историю, верно?

— Кнопка включения слева вверху, вон та, с зеленым квадратиком.

Он положил ноутбук на консоль между сиденьями и включил его.

Терри резко нажала на тормоза.

Майк сидел боком, когда Терри затормозила. Он так ударился виском о лобовое стекло, что из глаз, казалось, искры посыпались. Его отбросило на спинку сиденья, и он услышал визг шин, когда машину занесло на дороге.

Терри дала полный газ. Мотор взревел, и в воздухе запахло паленой резиной, когда колеса бешено завертелись, вгрызаясь в асфальт. Майк попытался повернуться и сесть, когда она вновь нажала на тормоза. Перед тем как зажмуриться, он успел бросить взгляд на голубые цифры радио-часов, а после врезался лбом в приборную панель, и перед глазами вновь заплясали огненные светлячки. Его опять отшвырнуло на спинку сиденья, и Майк почувствовал, что машина съехала с дороги и сейчас мчится, подпрыгивая на неровностях почвы, по поросшей травой разделительной полосе.

Через несколько мгновений они остановились, и наступила тишина.

Майк ощутил, как спину у него сводит от боли; он не мог пошевелиться, каждую мышцу и клеточку словно протыкали раскаленные спицы. Но сознания он не потерял. Ему показалось, что он услышал, как открылась дверца. Да, она действительно открылась, и в машине стал слышен странный звук: динь-динь-динь.

«Она выезжает пошевеливайся ты должен выбраться отсюда и остановить ее пока она не натворила чего-нибудь еще.

Господи ей наверняка известно что-нибудь о Саре она должна знать она знает поспеши она знает...»

Он с трудом разлепил глаза и увидел смутный силуэт Терри, которая все еще находилась в машине. Проморгавшись, он заметил, что она уже отстегнула ремень безопасности и одной рукой прижимает к груди ноутбук и сумочку, а другой — роется в ней.

Майк потянулся к ней. Обернувшись, она дико закричала и с силой ударила его кулаком в лицо, а потом еще и еще раз, прежде чем он успел наконец перехватить ее руку. Терри извивалась всем телом, пытаясь стряхнуть его с себя, и ноутбук в пылу борьбы выпал наружу. Ее свободная рука, та самая, которой она рылась в сумочке, вынырнула оттуда, и — проклятье! — он увидел в ней револьвер.

Собрав остатки сил, Майк рванулся вперед.

Звук выстрела показался ему оглушительным. Пуля вдребезги разнесла лобовое стекло, и на них обрушился град осколков. Он навалился на Терри сверху, из последних сил отводя в сторону ее руку с револьвером, в то время как другой рукой она вцепилась ему в лицо. Он с силой ударил тыльной стороной ее ладони по острому осколку, торчавшему в окне, и Терри вскрикнула — это был высокий и безумный вопль, который обдал его холодом и напугал до полусмерти.

«Нормальные люди так не кричат, эта женщина сошла с ума, а ведь ей известно, что случилось с Сарой. О боже, ей все ИЗВЕСТНО!»

Пальцы ее разжались, и револьвер упал на пол, между педалью газа и тормозом. Майк потянулся за ним. Терри вырвалась и выскочила наружу.

Сжимая в руке револьвер, он вывалился из машины и откатился в сторону. Терри подняла ноутбук над головой и с размаху швырнула его на землю. Он раскрылся от удара, и она принялась яростно топтать его ногами, обутыми в кеды.

— Стой! — закричал Майк. — Остановись или, Богом клянусь, я выстрелю!

Терри не обращала на него ни малейшего внимания, продолжая уничтожать ноутбук. Цепляясь за открытую дверцу, Майк с трудом поднялся на ноги и едва не рухнул на землю. Его шатало, словно пьяного.

Экран ноутбука отвалился, пластмассовые кнопки разлетелись в разные стороны. Нетвердой походкой он двинулся к Терри, и, заметив в его руке револьвер, она вдруг повернулась и бросилась бежать.

Майк взял низкий прицел, намереваясь выстрелить пару раз, просто чтобы напугать ее. До сих пор ему еще не приходилось стрелять из револьвера, и, нажав курок, он очень удивился, ощутив отдачу. Револьвер лягнул его в руку. Он выстрелил еще раз.

Терри пронзительно вскрикнула, и он увидел, как ноги у нее подогнулись.

Подойдя к ней, он увидел перед собой расплывающийся тройной силуэт. Майк прицелился сразу в троих и мгновением позже с облегчением понял, что три фигуры слились в одну. Он вновь заморгал, желая убедиться, что Терри никуда не исчезла. Она по-прежнему лежала на земле. Темное пятно расплывалось по штанине джинсов, и она обеими руками держалась за ногу. Волосы у нее растрепались и торчали в разные стороны. Рукав свитера был порван.

— Что ты сделала с Сарой?

Терри проигнорировала его вопрос. Сложив руки перед грудью, она принялась молиться.

Майк приставил дуло револьвера к ее виску.

— Моя дочь! — воскликнул он. — Расскажи, что ты сделала с ней.

Терри продолжала молиться. Глаза ее остекленели, и в них появилось отсутствующее выражение, которое всегда почему-то напоминало ему окна пустого, заброшенного дома. Что это, транс? Что бы это ни было, она была где-то далеко-далеко.

— Полиция уже едет сюда, — прохрипел Майк.

Во рту пересохло, и ему было все труднее облечь свои мысли в слова. По лицу его струилась кровь. Майк чувствовал, как она стекает ему на лоб и шею, и видел, как красные капли пятнают рукав рубашки. Он ранен, вот только насколько серьезно?

— История, в которой ты замешана...

— Рядом с ним ты — ничтожество! — выплюнула она, резко повернув к нему голову. — И ты меня не испугаешь. Я выполняю волю Господа, и Он один защитит меня.

Майк крепче прижал дуло револьвера к виску Терри, заставив ее склонить голову.

— Скажи мне, где она! — потребовал он. — Скажи мне, и я сохраню тебе жизнь!

— Я не торгуюсь с грешниками. Всех вас ждет страшная кара. Ты, твоя шлюха-жена — все вы понесете наказание, как понес его отец Джоуна. Когда петля затянулась у него на шее, он даже не сопротивлялся, потому что знал, что согрешил, отпустив грехи этим шлюхам-убийцам. Он сполна испытает на себе гнев Господа, потому что Господь долго терпит, да больно бьет, и...

— Ты убила Джоуну?

Это не могло быть правдой! Джоуна совершил самоубийство, Меррик сам так сказал, верно? Да, конечно. В ресторане в Белхэме, «У Дакоты». Майк точно помнил — или, по крайней мере, думал, что помнит. Он уже ни в чем не был уверен.

— Твоя дочь мертва, — сказала Терри.

Майк покачнулся и едва не упал.

— Мы убили ее.

— Ты лжешь!

— Освободи меня, — сказала Терри и обхватила ствол револьвера губами, так что они сложились в отвратительную, жуткую улыбку.

Майк почувствовал, как палец его сгибается на спусковом крючке.

«Не делай этого! — закричал у него в голове внутренний голос. — Не превращай это ничтожество в мученицу, ведь именно этого она и хочет от тебя!»

Он вырвал дуло револьвера у Терри изо рта, а другой рукой толкнул ее на землю. Она не сопротивлялась, даже когда он перевернул ее на живот. Отвернув лицо в сторону, она закрыла глаза и забормотала что-то — молитву, скорее всего. Майк выпрямился, упершись ногой ей в поясницу, переложил револьвер в левую руку, а правой вынул из заднего кармана сотовый телефон. Собравшись набрать 9-1-1, он вдруг понял, что не различает цифр. Кнопки расплывались у него перед глазами. Как и лицо Терри. Как и весь окружающий мир.

Майк поморгал, подождал, пока зрение обретет привычную четкость, и уже тогда набрал номер экстренного вызова.

— Я держу ее, — сообщил Майк оператору.

— Кого, сэр?

— Терри Рассел. Сиделку Фрэнсиса Джоуны. Она знает, что случилось с Сарой — Сарой Салливан, моей дочерью. Я ее отец. — Слова потоком хлынули из него, грозя перейти в пронзительный, душераздирающий крик: — Я ее отец, Майк Салливан! Вам нужно приехать сюда! Вы должны прибыть сюда немедленно!

— Мистер Салливан, прошу вас, говорите помедленнее и...

— Послушайте меня! Вы должны сейчас же прислать сюда людей. У нас мало времени.

— Скажите, где вы находитесь.

Майк назвал оператору необходимые ориентиры, а потом еще и заставил повторить их.

— Я приставил к ее виску револьвер, — сказал он. — Я уже ранил ее. Вы понимаете, что я говорю?

— Да, понимаю. — Тон голоса оператора резко изменился, и он заговорил громко и внятно, чтобы не вышло никакой ошибки. — Мистер Салливан, помощь уже едет к вам. Не выключайте телефон и говорите со мной. Не делайте ничего, о чем бы вам пришлось жалеть всю оставшуюся жизнь.

— В таком случае поспешите.

Майк отключился. Ему было все труднее сосредоточиться, его одолевало нестерпимое желание присесть и закрыть глаза. Ненадолго, на минутку. Не для того, чтобы заснуть, а просто, чтобы отдохнуть.

«У ТЕБЯ СОТРЯСЕНИЕ МОЗГА НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО ТЫ УЖЕ ПОДОШЕЛ ТЫ БЛИЗКО ТЫ ДОЛЖЕН СРАЖАТЬСЯ ЕСЛИ ТЫ ПРИСЯДЕШЬ И ЗАКРОЕШЬ ГЛАЗА ПОТЕРЯЕШЬ САРУ СНОВА ТЫ ЭТОГО ХОЧЕШЬ?»

Нет. Нет, он не хотел этого — ему невыносима была сама мысль об этом. Сара жива. Что бы там ни говорила Терри, Сара жива, и он не собирался подводить ее снова.

На него вновь навалилось непреодолимое желание присесть и закрыть глаза, и, чтобы не поддаться ему, Майк стал думать о Саре, которая собиралась подняться на Холм. Только на сей раз, когда он предложил ей свою руку, она крепко ухватилась за нее, и он ощутил теплую мягкость ее ладони. Дочка улыбалась, глядя на него сквозь криво сидящие на носу очки, а он наконец-то увидел ее лицо, ее прекрасное личико, увидел его отчетливо, словно наяву.

— Не бойся, Сара. Папочка не отпустит тебя одну, обещаю!

— Ее больше нет, — сказала Терри. — Ты никогда ее не найдешь.

Она улыбнулась — по крайней мере, так показалось Майку. Ее лицо, трава, окружающий мир уже не кружился в хороводе, а просто расплывался и таял у него перед глазами. Он моргнул два, три, четыре раза подряд. Пелена не рассеивалась.

Терри вновь начала молиться; до него доносилось ее бормотание.

Майк снова упер дуло револьвера ей в висок.

— Говори, — сказал он и взвел курок. — Говори немедленно!

Ресницы Майка задрожали, и он открыл глаза. На экране висящего на стене телевизора разворачивалась сцена из старых «Симпсонов». Почему-то у Гомера горела задница; он метался из стороны в сторону и кричал, пытаясь найти место, где можно было бы сбить пламя.

Майк услышал негромкий смешок и, скосив глаза, увидел молодую привлекательную женщину с короткими светлыми волосами, которая что-то писала, сидя на стуле. На ней был белый медицинский халат, а на шее висел стетоскоп.

Врач или медсестра. Значит, он в больнице.

(Терри) (кто?) он поднес руку к лицу и, коснувшись лба, (Терри — сиделка Джоуны) понял, что вся правая сторона головы у него забинтована. (я следил за Терри, вслед за ней приехал на заправку, потом сел в ее «вольво», а Терри взбесилась и...)

— Сара, — прохрипел он, приподнимаясь на койке.

— Нет, мистер Салливан, вам еще нельзя вставать. Раскаленные иглы боли ударили Майку в висок, и он со стоном уронил голову обратно на подушку. Господи Иисусе! Он повернулся на бок, и его едва не стошнило.

— Вот так, лежите спокойно и отдыхайте, — сказала женщина и пошла к нему. — Меня зовут доктор Трейси.

— Я должен поговорить с полицией.

— Не нужно волноваться, мистер Салливан.

— Вы не понимаете...

— Я все понимаю. ФБР уже здесь.

Майк растерянно заморгал, глядя на нее.

— Правда-правда. За дверями вашей палаты мается агент, которому очень хочется поговорить с вами, но, прежде чем впустить его, я хочу, чтобы вы ответили на несколько вопросов. Для начала скажите, как вас зовут.

— Майкл.

— Где вы живете?

— В Белхэме. Белхэм, штат Массачусетс. Это совсем рядом с Бостоном. Где я?

— В Вермонте. Вы помните, как попали сюда?

— Я помню, что был на шоссе.

— Вы были один?

— Нет. Я был с женщиной, Терри Рассел. Она была сиделкой Джоуны из хосписа. Прошу вас, мне нужно срочно переговорить с агентом ФБР!

— Потерпите немного, ладно? Ответьте еще на несколько вопросов.

И она засыпала его бессмысленными, на первый взгляд, вопросами: какой сегодня день, какой год, как зовут президента. Майк правильно ответил на все, и только тогда врач объяснила, что он заработал сотрясение мозга второй степени. Но результаты компьютерной томографии оказались обнадеживающими; внутричерепного кровотечения не выявлено.

— Мы оставим вас у себя до завтрашнего утра, — сообщила ему врач. — Сегодня вечером к вам придет сиделка, она же вас и разбудит. Если вы проснетесь с трудом, не вспомните, где находитесь, или вас начнет тошнить, мы отложим выписку и сделаем еще несколько анализов. Я думаю, что с вами все будет в порядке, просто следующие пару недель

не перенапрягайте мозг и дайте ему возможность восстановиться. Это означает: никаких физических нагрузок, никакой работы и побольше отдыха.

— Я не помню, как попал сюда.

— Иногда у пациентов с черепно-мозговыми травмами развивается так называемая разнохарактерная амнезия, потеря памяти. В этом нет ничего необычного. Вашей голове изрядно досталось.

С этим не поспоришь. Лекарство, которое они ему дали, не смогло до конца заглушить пульсирующую боль в правой стороне черепа.

Дверь распахнулась, и в палату вошел мужчина в костюме и галстук, с аккуратно подстриженными светлыми волосами и деловым выражением лица, от которого за версту разило ФБР.

— Мистер Салливан, я — специальный агент Марк Феррел.

— Моя дочь... — вновь повторил Майк.

Выражение лица Феррела чуточку изменилось — оно замкнулось, решил Майк и почувствовал, как сердце у него сбилось с ритма.

— Мы еще вернемся к этому, — сказал Феррел. — Вы в состоянии разговаривать?

Прежде чем Майк успел ответить, вмешалась врач:

— В состоянии, но недолго. Не утомляйте его.

— Я постараюсь, — отозвался Феррел. — Честное скаутское.

— Вот и хорошо, — заметила доктор. — В таком случае вы ведь не станете возражать, если я побуду поблизости? Чтобы убедиться, что вы держите слово.

Феррел уселся на обогреватель, и Майк произнес:

— Терри Рассел.

— Под арестом. Она заставила полицию штата изрядно погоняться за ней по шоссе.

Майк вспомнил, как Терри стояла на коленях и молилась. Он вспомнил, как взвел курок, желая напугать ее.

«А ведь это не совсем так, верно?»

Нет. Он действительно хотел напугать ее, но какая-то часть его прямо-таки жаждала всадить в нее еще одну пулю. Тогда мысль об этом не столько ужаснула его, сколько потянула в сон, и он вспомнил, как отступил от нее сначала на шаг, потом еще на один, потом... Проклятье! Что же он упустил?

Врач встревоженно спросила:

— С вами все в порядке, мистер Салливан?

— Я не помню, что случилось потом.

— Я уверен, память к вам вернется, — заявил Феррел. — В эту самую минуту другие агенты допрашивают Терри Рассел, и ФБР оказывает содействие в проведении расследования в Белхэме. Ее приятель Лунди находится под предупредительным арестом. Он готов обменять сведения, которыми располагает, на смягчение приговора. Кроме того, у нас есть ноутбук Терри. Вот так обстоят дела в общих чертах, а теперь я расскажу вам то, что знаю. Если вы чего-то не поймете или у вас появятся вопросы, не стесняйтесь и перебивайте меня, договорились?

Майк согласно кивнул. Почему Феррел говорит так медленно?

«Тебе кажется, — ответил внутренний голос. — Это все твоя голова. Ее использовали в качестве боксерской груши, а потом тебя накачали лекарствами, так что соберись и держи ухо востро. Другого шанса может и не быть».

Феррел заговорил:

— Мы уже знаем, что Терри Рассел и Энтони Лунди входят в радикальную ультрахристианскую организацию, выступающую за запрещение аборт и эвтаназии, которая называется «Солдаты Истины и Света». У нас есть основания полагать, что эта группа действует на протяжении последних двадцати лет. Они похищают маленьких детей у родителей, которые делали аборт, промывают им мозги, внушая, что их папы и мамы умерли, а потом отдают их в богобоязненные семьи, которые по тем или иным причинам не могут иметь собственных детей. Новые родители таких украденных детей тоже принадлежат к этой организации, поэтому им и удавалось так долго хранить все в тайне, причем большая их часть живет в других странах, главным образом в Канаде. Члены организации поддерживают между собой связь с помощью зашифрованных электронных писем, в точности как «Аль-Каида». У них есть свои люди в клиниках по всей стране, где проводятся аборты, которые и собирают данные на женщин, прибегающих к подобным услугам...

— Это все рассказала вам Терри?

Майк не верил, что сиделка могла добровольно выдать такую информацию. Она отказалась говорить, когда к ее виску был приставлен револьвер, так почему вдруг раскололась сейчас?

— Терри отказывается сотрудничать, — сказал Феррел. — А вот ее приятель Лунди... Он бывший коп, поэтому знает правила. Поначалу он тоже не горел желанием общаться, но, когда мы сообщили ему, что восстановили ноутбук, запел, как миленький.

— Нет.

— Что «нет»?

— Она разбила свой компьютер. Экран разлетелся вдребезги.

— А-а, виноват... Я решил, что устройство компьютеров известно всем. Да, технически она разбила свой ноутбук, но не сумела повредить самую важную его часть, которой является жесткий диск. Мы вынули его, установили на другой компьютер, наши ребята взломали пароль — и готово. Мы уже нашли записную книжку Терри с именами всех этих людей, их адресами и телефонами. И у нас есть копии ее электронных писем за последние три месяца. Она этого не знала, но ее программа электронной почты была настроена на автоматическую архивацию всей входящей и исходящей корреспонденции.

Теперь стало понятно, почему Терри так спешила вывезти ноутбук из дома.

«Я рассказал ей об абортах, и она запаниковала, сообразив, что полиция непременно постучится к ней в дверь, это лишь вопрос времени. А когда они придут и ноутбук окажется в их распоряжении, то они смогут изучить ее жесткий диск и увидеть, что на нем хранится».

— Во время поездки Терри сделала несколько звонков по своему сотовому телефону, — продолжал Феррел. — Похоже, она связывалась с несколькими членами своей группы, которые затем предупредили семьи, в которых жили дети, — в общем, заставили их срочно уехать. С вами все в порядке?

— Немного клонит в сон. Продолжайте, пожалуйста.

Майк боялся, что, если Феррел замолчит, он заснет, и надежда испарится. А когда проснется, то кто-нибудь войдет к нему и скажет, что это был всего лишь сон. Мне очень жаль, мистер Салливан. Извините.

— В этих электронных письмах речь часто шла о Джоуне, — сказал Феррел. — Помните первую девочку, которую он якобы растлил несколько лет назад? Так вот, ее мать входила в организацию Терри, и она же убедила дочку подыграть ей. А непосредственно

перед тем, как дело должно было слушаться в суде, девочка очень вовремя отказалась от всех обвинений. Но это уже не имело значения. Зерно сомнения было посажено и дало свои всходы.

— Не понимаю.

— Организация Терри ненавидела Джоуну, потому что он даровал прощение женщинам, делающим аборты. Для них Джоуна олицетворял — я цитирую ее собственные слова — «продолжающуюся моральную деградацию католической церкви». Они считали, что Джоуна не имеет права и дальше оставаться священником, поэтому и повесили на него исчезновение этих троих девочек.

Подождите... Феррел хочет сказать, что Джоуна невиновен? Этого просто не может быть!

— Но ведь Меррик обнаружил их вещи под полом в спальне Джоуны. Он нашел и аудиокассеты, — возразил Майк.

— Их подбросила Терри, — пояснил Феррел. — А Лунди подкинул куртку, надетую на крест. Джоуна чисто случайно оказался в ту ночь на вершине холма, но кто найдет куртку, он или кто-то другой, значения не имело. После того как куртка была бы найдена, вы бы опознали ее, и тогда полиция прямиком отправилась бы к Джоуне, и он вновь оказался бы под подозрением.

Слова Джоуны в тот вечер, когда он позвонил ему: Я собираюсь умереть в мире. И этого ты у меня не отнимешь, понял? Ни ты, ни полиция, ни пресса. И держись от меня подальше, иначе на этот раз я упеку тебя за решетку.

— Для чего разыгрывать это представление, если Джоуна и так умирал? — продолжал Феррел. — Они хотели продлить его мучения. Джоуна признался Терри, что боится умереть в тюремной камере. Он хотел прожить оставшиеся ему дни в мире и умереть в своем доме. А когда стало ясно, что полиция не собирается арестовывать Джоуну, Терри и Лунди задумали сжечь его. Разумеется, Лунди понимал, что полиция начнет расследование, поэтому им надо было бросить подозрение на кого-то другого.

— На Лу, — прошептал Майк.

— Вот именно. Лунди знал, что ваш отец рыщет вокруг дома Джоуны, и подставил его. В ту ночь именно Лунди притаился за сараем, и он же швырнул «коктейль Молотова». Лунди оставляет на месте преступления зажигалку вашего отца и несколько окурков, и теперь несложно угадать, кого полиция готова взять на мушку, верно? Мы уже связались с адвокатом вашего отца.

Но Майк все еще думал о Джоуне.

— Получается, Джоуна был...

Он не мог закончить свою мысль.

Феррел кивнул.

— Невиновен. Его самоубийство было ловкой инсценировкой. Терри накачала Джоуну морфием, а Лунди перетащил его, что было совсем нетрудно, поскольку к тому времени Джоуна уже превратился в ходячий скелет. Появляется полиция, находит пленку с голосом вашей дочери, делает свою работу и обнаруживает стран гуляционную борозду у Джоуны на шее. Учитывая прошлое Джоуны, все решают, что он совершил самоубийство. Дело закрыто. Излишек морфия в его крови не вызывает подозрений, поскольку его давали Джоуне, чтобы облегчить боль.

И тут Майк вспомнил слова Терри, сказанные ею о Джоуне: Когда петля затянулась у

него на шею, он даже не сопротивлялся, потому что знал, что согрешил, отпустив грехи этим шлюхам-убийцам. Он сполна испытает на себе гнев Господа, потому что Господь долго терпит, да больно бьет.

Майк представил себе Джоуну, пытающегося ослабить петлю, которая сдавила его шею, впервые осознав всю страшную правду случившегося. Он попытался понять, что чувствовал Джоуна в последние мгновения своей жизни.

Только Господу известна вся правда.

Невиновен. Все это время Джоуна был невиновен. Все это время он говорил правду.

«А я пытался убить его — дважды».

Майк почувствовал, что лоб его покрылся холодным потом.

Феррел сказал:

— Они заставили беднягу страдать и мучиться до самого конца. Когда Лунди накинуд петлю на шею Джоуне, то признался священнику, как они его подставили, а потом выбил у него из-под ног бревно. Все это подробно описано в электронных письмах Терри и Лунди.

Зазвонил сотовый телефон Феррела.

— Вся операция настолько проста, что кажется гениальной. Извините, — сказал он и отошел в дальний угол комнаты.

Майк смотрел, как агент поднес к уху трубку телефона и шепотом заговорил в нее.

Только Господу известна вся правда: Веки у Майка налились тяжестью. Он закрыл глаза и, чтобы не заснуть, стал прислушиваться к голосу агента и стуку его каблуков. Они найдут Сару. Майк знал это. Никакой Господь Бог не завел бы его так далеко и так близко только для того, чтобы она снова исчезла. Господь не может явить подобную жестокость дважды.

Майк заснул.

— Мистер Салливан?

Голос агента ФБР. Майк открыл глаза и увидел, что в комнате темно.

— Я только что получил сообщение, — сказал Феррел и широко улыбнулся. — Мы нашли ее. Мы нашли вашу дочь.

ТАК ДАЛЕКО И ТАК БЛИЗКО

Ты же знаешь, что я не из этих, ну, почитателей природы, но даже мне нравится такой вид.

Билл был прав. Вид был действительно впечатляющим. Куда ни глянь, повсюду виднелись деревья в цвету. Просторный фермерский дом в Вермонте стоял в уединенном местечке. Это было нечто вроде конспиративной квартиры, пояснил агент Феррел, место, куда временно определяли людей, прежде чем включить их в Программу защиты свидетелей. Средства массовой информации подняли вокруг истории Сары такую шумиху, что ФБР решило: пусть лучше воссоединение состоится здесь, а не под прицелом камер и микрофонов, поскольку Саре нужно время, чтобы принять случившееся.

Позади него, в доме, зазвонил телефон. Майк обернулся и через окно увидел агента Феррела. Тот разговаривал по сотовому телефону. Женщина в черном костюме, Тина Дэвис, представилась детским психологом. Почти весь вчерашний день и большую часть вечера Майк провел за разговором с ней. Она объясняла ему, чего ожидать, и как он должен вести себя с Сарой.

— Самый главный персонаж во всей этой истории — Сара, — наставляла его доктор Дэвис. — Сейчас она растеряна. Ей ко многому придется привыкнуть: к тому, что ее родители живы, что вы с женой развелись. Она может даже рассердиться. Она может отказаться разговаривать. Это нормально. Семья Майеров обращалась с ней очень хорошо.

Семья Майеров. Католики, своих детей нет. Дина Майер не в состоянии зачать, а усыновления они позволить себе не могут. Дина и Альберт Майеры были членами радикальной организации Терри Рассел, выступающей за запрещение аборт и эвтаназии. Это стало главной сенсацией для газет и теленовостей — и, по словам Феррела, ажиотаж только набирал обороты. Майк даже не пытался переварить все это и не представлял, как справляется с этим Сара.

Билл поинтересовался:

— Ты уже разговаривал с Джесс?

— Еще нет.

Джесс как раз летела на самолете в Австралию, и ей предстояло провести в воздухе еще двенадцать часов, когда газеты и телевидение взорвали информационную бомбу о Саре. Не успел ее самолет сесть, как на борт поднялись представители австралийской полиции и объяснили ей положение дел. Сейчас Джесс летела домой. Ее самолет должен был приземлиться поздно вечером.

Зазвонил сотовый телефон Майка. Он держал его включенным на случай, если Джесс решит позвонить.

На экране отобразился номер рабочего телефона Сэм.

В трубке раздался голос Нэнси:

— Как чувствует себя папочка?

— Взволнован. Испуган. И так далее.

— Ничего, все образуется.

— Мне все так говорят.

— Вот видите. История, которую вы раскопали, — это нечто! Готовьтесь, скоро вас завалят телефонными звонками — Опра, Диана Савьер, литературные агенты, желающие

изложить на бумаге вашу историю и продать ее как фильм недели. Советую вам нанять специального представителя по работе со средствами массовой информации, чтобы он взял все эти хлопоты на себя, а вы могли бы сосредоточить все внимание на дочери. Могу порекомендовать вам замечательного специалиста. Ее зовут Люси Уотерс. Я попрошу ее позвонить вам позже на сотовый. Что скажете?

— Отлично, согласен. Нэнси, я должен поблагодарить вас...

— Я продолжала копать это дело только потому, что вы попросили. Все остальные, включая меня, советовали вам уговорить ее и отпустить ее, но вы не послушались. Вы, мистер Салливан, продолжали верить, так что если хотите поблагодарить кого-то, то посмотритесь в зеркало.

— По-прежнему не даете мужчине и слова сказать, верно?

— Это еще одна черта, общая у меня и Сэм. Вот, кстати, и она сама. Не кладите трубку.

На другом конце линии раздался голос Сэм:

— Не стану тебя задерживать и просто скажу, что очень рада за тебя.

— Без тебя у меня бы ничего не получилось. Спасибо, Сэм. За все.

Задняя дверь отворилась, и наружу вышел специальный агент Феррел. Костюм и галстук его куда-то подевались, их сменили джинсы, белая рубашка и толстовка с начесом.

— Мне нужно бежать, — сказал Майк в трубку. — Я могу позвонить тебе позже?

— Я никуда не уезжаю.

— Я тоже, — сказал он, снова поблагодарил Сэм и отключился.

Сегодня утром Феррел улыбался, а его голубые глаза лучились радостью. Майку агент нравился. Он обладал, казалось, неистощимым терпением и пониманием. Первые два дня Майк буквально изводил его вопросами: «Вы уверены, что девочка, которую вы нашли, — Сара? У вас не осталось никаких сомнений?». Феррел неизменно улыбался в ответ и вновь уверял его: «Это ваша дочь, никаких сомнений. Мы сравнили ее отпечатки пальцев, и, как говорят у нас, отпечатки не лгут».

Тем не менее Майк чувствовал, что к нему вновь возвращается страх. «Мне очень жаль, мистер Салливан, но произошла ошибка». Они отвезут его обратно в Белхэм, обратно в пустой дом, где его будут поджидать репортеры, а он встанет перед микрофонами и скажет: «Извините, случилось досадное недоразумение».

— Ваша дочь уже едет сюда, — сообщил Феррел. — Она будет здесь через час. Мистер О'Мэлли, надеюсь, вы понимаете, что...

— Да, я все понимаю. Только члены семьи. Не стоит приводить девочку в еще большее замешательство, она и без того растеряна. Доктор Горячие Ножки уже просветила меня на этот счет.

— Машина ждет вас у входа, — сказал Феррел, после чего переключил свое внимание на Майка. — Доктор Дэвис хотела бы поговорить с вами и еще раз обсудить кое-какие детали до того, как прибудет ваша дочь.

Ваша дочь...

Сюда едет Сара.

Чтобы встретиться с ним.

И вернуться домой.

Майк ощутил такую радость, что даже испугался, что сердце у него не выдержит и разорвется.

Вслед за радостью на него нахлынули новые страхи.

— А что, если она меня не узнает? — обратился он к доктору Дэвис.

— Это вполне возможно, особенно поначалу. Ведь ей было всего шесть лет, когда ее похитили.

— С половиной.

— Простите?

— Сара было шесть с половиной, когда ее похитили.

Доктор Дэвис улыбнулась. Похоже, она искренне сопереживала ему и хотела помочь. Майк вдруг понял, что готов открыть ей душу, выложить сердце на стол и рассечь его, — словом, сделать все, что она пожелает.

Они сидели в большой гостиной. Доктор Дэвис предпочла кресло, стоявшее перед окном, из которого была видна длинная извилистая подъездная дорожка. Майк устроился на кушетке. Он подался вперед, свесив руки между колен и глядя в пол.

— Вы много помните из того времени, когда вам самому было шесть лет от роду? — поинтересовалась она.

Майк с трудом припомнил лишь отрывочные фрагменты: вот он переходит на другую сторону улицы, направляясь в соседский двор; садится в гребную шлюпку вместе с Лу; спорит с матерью в магазине, требуя две книжки-раскраски вместо одной...

— У Сары могут остаться воспоминания о вас и вашей супруге, но, скорее всего, они смутные и обрывочные, — сказала доктор Дэвис. — Однако это пройдет. Эти воспоминания вернутся к ней, но вы должны набраться терпения. Сейчас психика Сары подверглась мощному травматическому воздействию. Ей промыли мозги — как и всем прочим детям, оказавшимся в ее положении. Вот почему эта организация похищала только маленьких детей. Дина и Альберт Майеры убедили Сару в том, что вы с женой умерли. Она живет с новой семьей в новой стране, и вдруг, откуда ни возьмись, появляется полиция и увозит ее с собой. Сара узнает не только о том, что ее родные отец и мать живы, но и то, что новые родители похитили ее. Вполне возможно, Сара случайно слышала и то, что Майеры состояли в радикальной христианской группировке. В любом случае на нее обрушились очень серьезные перемены. И Сара может не захотеть принять их немедленно. Это нормально. Вспомните, как вы чувствовали себя, когда узнали правду о своей матери.

Майк кивнул. Он только вчера рассказывал доктору Дэвис об этом.

— А что, если она захочет вернуться к ним?

— Этого не случится, — заверила она. — Они пойдут под суд.

— Но она все равно может захотеть вернуться к ним. Такого поворота тоже нельзя исключать, верно? — Майк поднял глаза и взглянул ей в лицо.

— Вы — ее отец, — мягко, но твердо заявила доктор Дэвис. — Ничто не может изменить этого факта. Да, ваш путь не будет усыпан розами. Да, временами вас может охватывать гнев и отчаяние на случившуюся несправедливость. Но все образуется. Ей скоро исполнится двенадцать. Она еще очень юная. Вы все еще можете дать ей детство. У вас еще есть время. Это дар, которого лишены другие семьи. Помните об этом.

Майк подумал об Эшли Жиро, которая уже приближалась к тридцати и заканчивала обучение в Италии; о Каролине Ленвиль, которая была замужем, имела двоих детей и жила в миле от своей приемной — или как там следовало ее называть? — семьи в Нью-Брансуике в Канаде. Интересно, хотел бы он оказаться в их положении и попытаться найти общий язык со взрослым человеком?

— Они приехали, — сказала доктор Дэвис.

Майк повернул голову и увидел, что на подъездной дорожке останавливаются два черных «линкольна».

Он встал, чувствуя, как сильно бьется сердце, и боясь, что оно выскочит из груди. Словно наяву, он вдруг увидел заголовки на лентах новостей: «ОТЕЦ ВОССОЕДИНИЛСЯ ПРОПАВШЕЙ ДОЧКОЙ ТОЛЬКО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ ОТ СЕРДЕЧНОГО ПРИСТУПА».

Чего он боится? Сколько бесчисленных молитв он вознес, чтобы этот момент наступил, а когда его молитвы были услышаны, то выяснилось, что сердце у него колотится, как загнанное, на лбу выступил пот, а в животе образовался ледяной комок.

«Дыши глубоко, полной грудью. Все будет в порядке. Все образуется».

— Мистер Салливан?

Майк смахнул пот со лба и попробовал сделать шаг. Ноги подгибались, но держали.

— Вы — ее отец. Не забывайте об этом.

С мыслью об этом Майк открыл дверь навстречу своей дочери.

Сара оказалась высокого роста — намного выше, чем он себе представлял.

И худенькой — не от плохого питания, а в результате подросткового взросления.

Ее очки исчезли.

Как и конский хвост. Волосы у нее были подстрижены коротко, чуть выше плеч, в точности так, как он и предполагал. Они были настолько светлыми и пышными, что казались почти белыми.

Никаких сережек. И других украшений. Она была одета очень просто — в джинсы, белые кеды и розовую футболку с длинными рукавами и небольшой радугой на груди.

Но больше всего Майка поразило ее любимое лицо, и он едва не лишился чувств прямо на ступеньках, у всех на глазах. В нем он по-прежнему видел упрямые черты шестилетней девочки, которая отказалась взять его за руку в тот вечер на Холме.

Сара стояла в окружении троих агентов, сцепив руки перед собой, наклонив голову и глядя на носки своих кед. Она явно была расстроена. Когда она знала, что поступила нехорошо, то всегда наклоняла голову и смотрела себе под ноги, в пол, куда угодно, только не ему в глаза. Распознав знакомую позу, Майк почувствовал, как его охватывает непреодолимое желание подбежать, крепко обнять ее, прогнать боль, страх и все вопросы, что стояли у нее в глазах, взять их себе — как он делал, когда она была маленькой, когда принадлежала ему.

Вот только он понимал, что из этого ничего не выйдет.

Майк ухватился за перила и сделал три шага вперед — и желая получше рассмотреть ее, и опасаясь того, что если пойдет быстрее, то споткнется и раскроит себе голову, и тогда воссоединение состоится в больничной палате.

Когда он наконец сошел на гравий, то не убрал руку с перил, продолжая судорожно стискивать их.

Доктор Дэвис обратилась к присутствующим:

— Давайте оставим их одних.

Все согласно закивали и отошли в сторону. Сара, повернув голову, посмотрела вслед приземистой, коренастой женщине в джинсах и зеленовато-голубой блузке. Наверное, психолог, решил Майк. Женщина отошла на несколько шагов, остановилась и прислонилась к капоту «линкольна».

Майк подошел, но остановился чуть поодаль — ему хотелось дать ей хоть немного освоиться и отвлечься от чужих глаз, устремленных на нее. И на него тоже.

— Привет, — сказал он, радуясь тому, что голос не дрогнул и прозвучал сильно и уверенно.

— Привет, — негромко отозвалась она.

Услышав ее голос впервые за столько лет, он вновь испытал отчаянное желание обнять ее и прижать к себе, отчасти для того, чтобы убедиться, что она — настоящая.

— Как доехали?

— Нормально, только долго, — тихо ответила она, по-прежнему не поднимая глаз и разглядывая носки своих кед.

— Хочешь размять ноги и пройти немного?

Сара подняла голову и взглянула Майку в лицо. Эти глаза когда-то смотрели на него из

колыбельки, искали его в доме, загорались радостью, когда он переступал порог. Те самые глаза, которые он помогал создать, сейчас изучающе смотрели на него, пытаясь понять, кто же он такой.

«Сара, ты помнишь наше последнее совместное Рождество? Тогда ты была так взволнована и счастлива, что разбудила меня в четыре утра и жарко зашептала на ухо: «Он приходил, папочка, Санта приходил снова!» Помнишь, как мы с тобой не хотели будить маму и спустились вниз, чтобы испечь оладьи? Они у нас пригорели, и ты попробовала один, сказала: «Фу, какая гадость!» — и предложила отдать их Фангу. Помнишь, как тебе не нравились оливки, но ты мужественно их ела и при этом корчила такие смешные рожицы? А помнишь то субботнее утро, когда ты притащила всех своих кукол и плюшевых зверушек вниз, в гостиную, рассадила их на диване, а сама залезла на кофейный столик, решив, что это сцена?»

Он хранил в душе сотни таких вот маленьких воспоминаний. Но сейчас они ничего не значили. Потому что у нее-то остались только воспоминания о семье Майеров — воспоминания, случаи и события, в которых ему не было места.

Сара молчала.

«Скажи мне, что ты помнишь, Сара. Пожалуйста. Дай мне надежду».

— Давай пройдемся, — предложила она.

За домом располагались сарай и конюшня, хотя лошадей в ней не было. Рядом находилась деревянная коробка, которую Майк принял за каток. Сара тоже разглядывала ее, вероятно, думая о том же.

Они стали спускаться по склону вниз, к дороге, и он терзался сомнениями, не зная, должен ли заговорить первым или лучше подождать, пока она скажет что-нибудь. Сейчас Сара, похоже, наслаждалась тишиной и покоем. Скорее всего, в последние дни она была лишена этого, поэтому он решил подождать, пока она не начнет разговор.

Прошло десять минут, и он понял, что больше не в силах выносить молчание.

— Я знаю, что ты растеряна и смущена, может, даже напугана. Это нормально. Если не хочешь говорить, я пойму. Решать тебе. Я подожду, пока ты разберешься в своих чувствах.

Сара не кивнула в ответ и ничего не сказала — она молча шла вперед, глядя прямо перед собой. Майку хотелось облечь в слова боль, которую он носил в себе все эти годы. Ему хотелось, чтобы эти слова стали мостиком через разделявшую их пропасть, по которому она смогла бы пройти и понять, какие муки ада довелось ему пережить.

— Мне говорили, что ты умер, — сказала вдруг Сара.

Майк кивнул, пытаясь не дать негодованию и ярости отразиться у него на лице.

— Я помню, как сидела в кухне, а они говорили мне, что ты умер и что меня ищут плохие люди, — продолжала Сара. — Поэтому они изменили мне имя и фамилию, и я превратилась в Сьюзен Майер. Это был единственный способ защитить меня от этих плохих людей. И еще они говорили, что если я назову кому-нибудь свое настоящее имя, то эти плохие люди могут отыскать меня и причинить боль и мне, и им.

«Слушай! Речь идет о твоей дочери. Сейчас твоя работа заключается в том, чтобы слушать».

— Мистер и миссис Майер были очень добры ко мне, — сказала она. — Они никогда не кричали на меня. Они возили меня в Диснейленд. Я ходила с ними в церковь. Почему они солгали мне?

«Они — религиозные фанатики, Сара. Они свято уверены в том, что их устами говорит

сам Господь — не священники, нет, те тоже поражены моральным разложением, как и все мы. Поэтому они заставили отца Джоуну страдать и убили его. У него достало смелости отпустить грехи женщинам, решившим сыграть роль Господа Бога».

Мысли Майка на мгновение вернулись к Джоуне, чей холодный труп покоился в земле. Джоуна страдал до самого конца.

Но он не видел необходимости рассказывать об этом Саре.

— Иногда мы так сильно верим во что-то, что эта вера ослепляет нас, — сказал он. — Когда такое случается, когда ты умом и сердцем веришь, что поступаешь правильно, то больше ничего вокруг не замечаешь. Мистер и миссис Майер свято верили, что говорят и поступают правильно.

— Но они солгали, — возразила Сара.

— Знаю. Мне бы очень хотелось, чтобы это было не так, но я ничего не могу поделать. Когда ты станешь постарше, то увидишь, что люди лгут, — и иногда это будут близкие люди. Тебе будет больно и грустно, но такое случается. Вот почему так важно не забывать о хороших вещах. Вот этих, например.

Майк сунул руку в задний карман и протянул Саре несколько фотографий.

— Извини, они немного помялись, — сказал он. — Я забыл, что сижу на них.

Сара замедлила шаг, внимательно разглядывая фото Джесс.

— Твоя мать приедет сюда к вечеру.

Сара еще несколько мгновений изучала снимок. Майк ждал, готовый ответить на любые вопросы, если они возникнут. Дочка взялась за следующую фотографию.

— О боже! — воскликнула она и остановилась. — Это что, плюшевый медвежонок?

— Нет, это твоя собака, Фанг. Бульмастиф.

— Какой он огромный!

— И у него постоянно текут слюни. Возьми следующую фотографию. Там он еще щенок.

Сара так и сделала. Но она смотрела не на Фанга — взгляд ее был устремлен на маленькую девочку в очках и с кривыми зубками, сидевшую рядом со спящим щенком. Майк специально выбрал этот снимок, надеясь, что он пробудит у нее в душе воспоминания.

Он подошел ближе, не решаясь обнять ее за плечи, когда она взяла в руки следующий снимок, зернистую цветную фотографию из газеты, на которой Лу Салливан выходил из ворот тюрьмы. Билл передал ему вырезку сегодня утром, и Майк сложил ее и сунул в задний карман, собираясь прочитать статью позже.

— Кто это?

— Это... Он помог мне найти тебя.

— Его зовут Лу Салливан, — сказала Сара. — У него такая же фамилия, как и у тебя. «Это и твоя фамилия тоже».

— Он твой родственник?

Майк кивнул.

— Это мой отец, — пояснил он. — Твой дед.

Сара протянула ему фотографии.

— Они твои, — сказал он. — Можешь оставить их себе.

— Ты не мог бы поддержать их у себя? Я боюсь потерять их.

Лицо ее замкнулось. Он поспешил и надавил слишком сильно.

— Конечно, нет проблем.

Майк улыбнулся, но улыбка получилась вымученной. Он взял фотографии и сунул их в задний карман.

— Я проголодалась, так что, пожалуй, вернусь и съем что-нибудь.

— Отлично, — согласился он. — Ты не возражаешь, если я задержусь здесь ненадолго?

— Нет.

— Договорились.

— Тогда пока.

Сара повернулась и вприпрыжку направилась вверх по склону, обратно к дому, где ее ждали доктор Дэвис и второй психолог.

Пока.

Все нормально, напомнил он себе. Теперь у них есть время. По крайней мере, этого отнять у них не сможет никто.

Около одиннадцати вечера Майк вышел на крыльцо покурить. Небо было бархатно-черным и искрилось яркими звездами. В воздухе все еще ощущалась зимняя прохлада. Он закурил, опустился в кресло-качалку и положил ноги на перила, чувствуя, как на плечи навалилась усталость.

Почти всю вторую половину дня доктор Дэвис и второй мозгоправ провели с Сарой, которая вдруг решительно отказалась разговаривать с кем бы то ни было и заперлась в своей комнате.

— Она растеряна и ошеломлена, — пояснила ему доктор Дэвис. — Ей нужно многое осмыслить. Подождите немного.

Он ждал целых пять лет. Саре не нужны были разговоры. Ей нужно было вернуться домой, а не торчать здесь, в просторном фермерском доме, полном незнакомых лиц и комнат. Ей нужно вернуться к себе домой, в свою комнату и сесть на свою кровать. А он сядет рядом, и они станут перебирать фотографии, начиная с ее рождения и до того дня, как ее отняли у него, — перебирать фотографии и смотреть домашнее видео, снова и снова, пока Сара не повернется к нему и не скажет...

— Тебе нельзя курить.

Майк обернулся. На крыльце стояла Сара.

— Ты права.

Он потушил сигарету об пол, щелчком отправил окурочок в темноту и снял ноги с перил.

Сара подошла к нему. На ней был серый спортивный костюм и черная джинсовая куртка, под которой виднелась футболка. Майк спросил себя, кто купил ей эту куртку, был ли это подарок на день рождения, а может, она выбрала ее в качестве напоминания о доме, в котором провела последние пять лет. И теперь она ждала в каком-то незнакомом помещении, чтобы отправиться в очередной незнакомый дом с очередной незнакомой спальней.

— Не спится? — спросил он.

— Да.

— У тебя был трудный день.

Сара кивнула. Девочку что-то мучило, это было видно по ее лицу.

«Она пришла, чтобы сказать мне, что хочет вернуться к своей второй семье».

Этого не случится. Сара не вернется в Канаду, но теплые чувства, которые она испытывала к Майерам, никуда не делись.

— Вот этот шрам... — сказала Сара и коснулась пальцем своего виска, а потом подалась вперед, чтобы ему было лучше видно. Шрам был едва заметен, около дюйма длиной, тонкий и неровный. — Я не могу вспомнить, откуда он взялся. Ты не знаешь?

Майк подумал о засохшей крови, следы которой остались на внутренней стороне ее капюшона.

— Нет, — ответил он, — не знаю.

Сара кивнула. Казалось, она вот-вот расплачется. Он подавил желание обнять ее и прижать к своей груди.

Не торопите события, — сказала доктор Дэвис. — Пусть она сама придет к вам. И самое главное, слушайте. Слушайте, не судите ее и не давайте волю своему гневу.

Майк сказал:

— Я понимаю, что тебе сейчас нелегко. Прости меня.

Сара молча смотрела на деревья, шелестевшие листвой.

— Сегодня, там, внизу, мы видели каток, — вдруг сказала она. — По крайней мере, он похож на каток.

— Мне тоже так показалось.

— Я лежала в постели и думала о нем — о катке, я имею в виду. В твоём доме... Там ведь был пруд позади?

Майк кивнул.

— Салмон-Брук.

— А вокруг него лес, правильно?

— К нему от дома ведет тропинка. Однажды ты увидела по телевизору фигурное катание и захотела, чтобы я научил тебя кататься на коньках.

— А ты поставил на лед ящики или что-то в этом роде.

— Пластмассовые ящики из-под молока. Я поставил их друг на друга, а ты держалась за них и пыталась скользить по льду. Но потом они тебе надоели. Ты захотела кататься сама. Ты падала, я подбегал к тебе, чтобы помочь подняться, и ты ужасно злилась. Ты хотела научиться вставать сама. Кататься на коньках, плавать, особенно — кататься на санках.

Последние слова вырвались раньше, прежде чем Майк успел сообразить, что только что сказал, и он тут же пожалел о них.

Но все было в порядке. Они не испугали ее. Сара по-прежнему смотрела на деревья, и в глазах у нее стояло мечтательное, отсутствующее выражение, словно воспоминания чередой текли перед ее мысленным взором.

— Но потом у меня стало получаться лучше.

— Да, — согласился Майк, — намного лучше.

— И мы с тобой играли на катке. Ты поднимал меня на руки, и мы катались.

По спине у Майка пробежал холодок. Его охватило желание заговорить, подтолкнуть ее, но он боялся сказать или сделать что-то, что порвет тоненькую ниточку, связавшую ее с этими смутными воспоминаниями детства.

— Ты держал меня на руках, а я выкрикивала всякие имена, — продолжала Сара. — И это были глупые имена, правильно? Голодная Гусеница или что-то в этом роде.

Майк проглотил комок в горле.

— Да, что-то в этом роде.

Сара медленно кивнула, вновь погрузившись в то время, когда они еще были вместе.

— Да, — повторила она и застенчиво улыбнулась. — Я помню.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

C'est l'endroit le plus beau du monde. — Это самое красивое место во всем мире (фр.). —
Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.

Sayonara — прощай, до свидания (яп.).

Уолпол — исправительное учреждение штата Массачусетс «Кедровый перекресток». Тюрьма строгого режима.

Эксцедрин — патентованное средство от головной боли, отпускаемое без рецепта. Билл имеет в виду, что оно способно вылечить старухино помешательство.

«*69» — функция обратного звонка. Если вы наберете в США этот номер, оператор сообщит время вызова и номер абонента, который звонил вам.

Меррик имеет в виду О. Джей Симпсона, знаменитого американского футболиста и актера, обвиненного в убийстве своей бывшей жены Николь Браун-Симпсон и ее друга Рональда Голдмана 12 июня 1994 г. Это было самое затяжное судебное разбирательство в истории Калифорнии (более девяти месяцев), где такого рода преступления предусматривают смертную казнь. Несмотря на вроде бы неопровержимо доказанные обвинения, присяжные оправдали Симпсона.

Молитвенная открытка — открытка размером с игральную карту, на одной стороне которой изображен какой-либо святой или библейская сцена, а на другой напечатана молитва.

Вазэктомия — иссечение семявыносящего протока (мужская стерилизация).

Уайетт Эрп (1848–1929) — американский страж закона, ганфайтер, картежник времен освоения американского Запада.

Тео Коджак — главный герой одноименного телесериала, лейтенант из Управления полиции Нью-Йорка.

Смит — расхожее название колледжа Софии Смит, престижного частного колледжа высшей ступени, преимущественно для женщин, в г. Нортхэмптоне, штат Массачусетс. Входит в ассоциацию «Семь сестер».

Четвертак — здесь: монета в 25 центов.

Теодор Роберт «Тед» Банди (1946–1989) — американский серийный убийца, известный под прозвищем Нейлоновый убийца. Точное число его жертв неизвестно: оно колеблется в пределах от 26 до более чем 100, общее количество преступлений — 35. Казнен на электрическом стуле во Флориде.

Coup de grace — завершающий удар (*фр.*).

Яппи — молодые городские жители с высшим образованием и высокими доходами.

Элизабет Энн Сمارт Гилмор (род. в 1987 году) — американская активистка и внештатный корреспондент программы ABC News. Впервые она обрела известность после того, как ее похитили в возрасте 14 лет из спальни собственного дома. Девушку обнаружили 9 месяцев спустя.

Сэм имеет в виду, что существует не только черно-белый мир, четко разделенный на добро и зло, правильное и неправильное. «Серая зона» — это место для вопросов и бесконечных возможностей. Нельзя ограничивать себя заданными рамками, нужно стремиться выйти за их пределы, и тогда можно добиться успеха.

Домохозяйка Сьюзи — нарицательное имя женщины, олицетворяющей счастливую домохозяйку.

Бернард Фрэнсис Лоу (род. 4 ноября 1931 г.) — Его Высокопреосвященство, американский кардинал Римской католической церкви. Архиепископ Бостона в 1984–1992 гг. Ушел в отставку с этого поста в декабре 2002 г. в связи с так называемым «педофильским скандалом».

C'est Jean Paul — Жан-Поль слушает (фр.).

Агент «Оранж» — дефолиант (по цвету маркировки на контейнерах); вид отравляющего вещества, применявшегося ВВС США во время войны во Вьетнаме в 1964–1973 гг.